

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ISSN 2658-5413

Ф

илософические
письма.

Русско-европейский
диалог

1/2025

P

hilosophical Letters.

Russian and European Dialogue

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

2025
Том 8, № 1

ISSN 2658-5413

Эл. почта: philletters@hse.ru

Веб-сайт: phillet.hse.ru

Адрес редакции: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. 217

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакция

Главный редактор

Владимир Карлович Кантор

Заместитель главного редактора

Марина Сергеевна Киселева

Ответственный секретарь

Анна Александровна Доронина

Шеф-редактор

Сергей Максимович Малков

Серийное оформление

Петр Павлович Ефремов

Компьютерная верстка

Игорь Юрьевич Кротов

Корректор

Марина Владиславовна Нагришко

© НИУ ВШЭ, 2025

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY “HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS”
INTERNATIONAL LABORATORY FOR THE STUDY
OF RUSSIAN AND EUROPEAN INTELLECTUAL DIALOGUE

PHILOSOPHICAL LETTERS. RUSSIAN AND EUROPEAN DIALOGUE

2025
Vol. 8, no. 1

ISSN 2658-5413

Mail: philletters@hse.ru

Web-site: phillet.hse.ru

Address: 217, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editors

Editor-in-Chief

Vladimir Kantor

Deputy Editor-in-Chief

Marina Kiseleva

Executive secretary

Anna Doronina

Chief Editor

Sergey Malkov

Layout designer

Peter Efremov

Computer layout

Igor Krotov

Proofreader

Marina Nagrishko

Владимир Карлович Кантор,

д. филос. н., профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией (МЛ) исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Марина Сергеевна Киселева,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Анна Александровна Доронина,

канд. филос. н., стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, ответственный секретарь редакции журнала

Феликс Евгеньевич Ажимов,

д. филос. н., профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, декан факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва

Ирина Антанасиевич,

д. филол. н., профессор кафедры славистики факультета филологии Белградского университета, Белград, Республика Сербия

Ольга Дмитриевна Баженова,

д. искусствоведения, профессор кафедры искусств и средового дизайна Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Константин Абрекович Баршт,

д. филол. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург

Ирина Захаровна Белобровцева,

д. филос. н., профессор эмеритус, ст. научный сотрудник Таллинского университета, Эстония

Игорь Леонидович Волгин,

д. филол. н., к. ист. н., президент Фонда Достоевского, Москва

Федор Александрович Гайда,

д. ист. н., доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

Анастасия Георгиевна Гачева,

д. филол. н., ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва

Алексей Алексеевич Гапоненков,

д. филол. н., профессор Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов

Корнелия Ичин,

д. филол. н., профессор филологического факультета Белградского университета, Сербия

Евгений Вячеславович Казарцев,

д. филол. н., профессор, руководитель школы филологических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва

Александр Борисович Каменский,

д. ист. н., профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, руководитель школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва

Надежда Александровна Касавина,

д. филос. н., член-корр. РАН, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва

Алексей Павлович Козырев,

канд. филос. н., доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, и. о. декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

Владислав Александрович Лекторский,

д. филос. н., профессор, академик Российской академии наук, Москва

Людмила Луцевич,

д. филол. н., профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета, Варшава, Польша

Алексей Валерьевич Малинов,

д. филос. н., профессор, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург

Сергей Владимирович Мироненко,

член-корреспондент Российской академии наук, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

Федор Борисович Поляков,

PhD, профессор, профессор Венского университета, Австрия

Ричард Темпест,

PhD, профессор славянских языков и литератур Иллинойского университета в Урбане-Шампейн, старший редактор Journal of Political Marketing, США

Эдуард Тинн,

канд. ист. н., д. филос. н., профессор Евроакадемии, Таллинн, Эстонская Республика

Валерий Александрович Тишков,

д. ист. н., профессор, министр по делам национальностей Российской Федерации (1992), вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук, академик Российской академии наук, Москва

Елена Олеговна Труфанова,

д. филос. н., доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, руководитель сектора теории познания Института философии РАН, Москва

Татьяна Витаутасовна Чумакова,

д. филос. н., профессор, профессор Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург

Татьяна Геннадьевна Щедрина,

д. филос. н., профессор, профессор МПГУ, Москва

О журнале

«Философические письма. Русско-европейский диалог» — академический рецензируемый журнал, посвященный теоретическим, эмпирическим и историческим исследованиям интеллектуального диалога России и Европы как равноправных партнеров. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры, рецензии, рефераты и архивные материалы.

Цель

Сохранить диалог с коллегами из разных стран по проблемам, взаимоважным для русской и европейской мысли в интеллектуальном контексте современности.

Тематические рубрики

- Философия в литературном контексте.
 - Россия как иная Европа: культурфилософский контекст.
 - Русский путь к просвещению.
 - Современные аспекты диалога России и Европы.
 - Социальные трансформации в современном мире и сохранность интеллектуальной культуры.
 - Архивные материалы. Из неопубликованного.
- Научная жизнь. Рецензии. Обзоры.

Наша аудитория

- исследователи, занимающиеся изучением истории русской мысли, интеллектуальной историей России, русской литературой;
- преподаватели российских и зарубежных вузов по специальностям, связанным с историей философии;
- студенты, аспиранты и докторанты, изучающие соответствующие дисциплины;
- западные слависты, исследователи русской истории и культуры;
- журналисты и практики, занимающиеся решением социальных проблем России и вопросами коммуникации с Западной культурой;
- люди, не профессионально интересующиеся изучением наследия русской мысли.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: phillet.hse.ru. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: philletters@hse.ru.

Editorial Board

Vladimir Kantor,

Doctor of Philosophy, Professor at the National Research University “Higher School of Economics”, head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University “Higher School of Economics”

Marina Kiseleva,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics, Moscow

Anna Doronina,

PhD of Philosophy, executive secretary of the editorial office of the Journal, research assistant at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University “Higher School of Economics”

Felix Azhimov,

Doctor of Philosophy, Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities of National Research University “Higher School of Economics”, Dean of the Faculty of Humanities of National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Irina Antanasievich,

Doctor of Philology, Professor of Slavic Studies Department, Faculty of Philology, University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia

Olga Bazhenova,

Doctor of Art History, Professor at the Department of Arts and Environmental Design of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Konstantin Barsht,

Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Irina Belobrovtsseva,

Doctor of Philosophy, Professor Emeritus, senior research fellow at the Tallinn University, Estonia

Igor Volgin,

Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, President of the Dostoevsky Foundation, Moscow

Fyodor Gayda,

Doctor of History, Associate Professor at the History Department of the Lomonosov Moscow State University, Moscow

Anastasia Gacheva,

Doctor of Philology, Leading Research Fellow at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Alexey Gaponenkov,

Doctor of Philology, Professor of Saratov State University named after N. G. Chernysheskij, Saratov

Cornelia Ichin,

Doctor of Philology, Professor at Faculty of Philology of the University of Belgrade, Serbia

Evgeny Kazartsev,

Doctor of Philology, Professor, head of the School of Philological Studies of the Faculty of Humanities of National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Alexander Kamenskii,

Doctor of History, Professor, Professor at the National Research University “Higher School of Economics”, head of the School of History of the Faculty of Humanities of National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Nadezhda Kasavina

Doctor of Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Alexey Kozyrev

PhD of Philosophy, Associate Professor at the Department of History of Russian Philosophy, the Faculty of Philosophy, the Lomonosov Moscow State University, Acting Dean at the Faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University, Moscow

Vladislav Lektorsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Ludmila Lutsevich,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Literature and Intercultural Studies of the Institute of Special and Intercultural Communication, Faculty of Applied Linguistics of the Warsaw University, Warszawa, Polska

Alexey Malinov,

Doctor of Philosophy, Professor at the Saint-Petersburg University

Sergey Mironenko,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, the head of the Department of Russian History of the 19th Century — Beginning of the 20th Century of the Lomonosov Moscow State University, Moscow

Fedor Polyakov,

PhD, Professor at the University of Vienna, Austria

Richard Tempest,

Professor of Slavic Languages & Literatures at the University of Illinois Urbana-Champaign, chief editor of the Journal of Political Marketing, USA

Eduard Tinn,

PhD of History, Doctor of Philosophy, Professor of Euro-academy, Tallinn, Republic of Estonia

Valery Tishkov,

Doctor of Historical Sciences, Minister for Nationalities of the Russian Federation (1992), Vice-President of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Elena Trufanova,

Doctor of Philosophy, Docent, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Tatyana Chumakova,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Tatyana Shchedrina,

Doctor of Philosophy, Professor at the Moscow Pedagogical State University, Moscow

About the Journal

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in intellectual dialogue between Russia and Europe as equal partners. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue* publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and archival materials.

Aims

To maintain dialogue with colleagues from different countries on issues of mutual importance to Russian and European thought in the intellectual context of modern times.

Scope and Topics

- Philosophy in a literary context.
- Russia as a different Europe: cultural and philosophical context.
- Russian way to enlightenment.
- Modern aspects of the dialogue between Russia and Europe.
- Social transformations in the modern world and the preservation of intellectual culture.
- Archival materials.
- Reviews.

Our Audience

- researchers engaged in the study of the history of Russian thought, the intellectual history of Russia, Russian literature;
- teachers of Russian and foreign universities in specialties related to the history of philosophy;
- undergraduate and postgraduate students studying relevant subjects; Western Slavic scholars, researchers of Russian history and culture;
- journalists involved in solving social problems of Russia and issues of communication with Western culture;
- people who are not professionally interested in studying the heritage of Russian thought.

Subscription

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an open access electronic journal and available online for free via phillet.hse.ru. To receive messages about new issues, please subscribe to the journal's newsletter at: philletters@hse.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

В. К. Кантор —

К вопросу о становлении Российской империи 11

К 80-летию Владимира Карловича Кантора

В. А. Лекторский —

О двух необычных идеях Владимира Карловича Кантора 39

Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина, И. О. Щедрина —

Два «дома» Владимира Кантора:
между философией и литературой 44

Н. А. Дмитриева, Ю. Штольценберг —

Русский европеец: Федор Степун о нации и национализме 55

Европа и Россия: парадоксы родства

Ф. А. Гайда —

Между Шлёцером и Шекспиром:
о зарождении принципов русской исторической науки
в первой трети XIX века 77

Л. Ф. Луцевич —

«Единение окраины с империей»:
Вопрос русификации «спокойной Финляндии» 101

Литература. Философия. Религия

К. А. Баршт —

Парадоксальное пари и синкретичный
треугольник Паскаля в творческой практике Ф. М. Достоевского 125

Д. М. Фельдман —

Вердикт и процедуры: к истории казни декабристов 151

Память культуры

А. П. Козырев —

Василий Кандинский и русская религиозная философия его времени 181

И. Антанасиевич —

Комикс и пропаганда в период оккупации (1941–1944) 210

Архивные материалы. Из неопубликованного

Е. А. Андрущенко —
«Лекция об антисемитизме» (1928) Д. С. Мережковского 234

Д. С. Мережковский —
Лекция об антисемитизме 249

Научная жизнь. Рецензии. Обзоры

Зеркало Гутенберга 260

CONTENTS

From the Editor

V. K. Kantor —

On the Question of the Formation of the Russian Empire 11

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

V. A. Lektorsky —

About Two Unusual ideas of Vladimir Karlovich Kantor 39

B. I. Pruzinin, T. G. Shchedrina, I. O. Shchedrina —

Two “Houses” of Vladimir Kantor: Between Philosophy and Literature 44

N. A. Dmitrieva, J. Stolzenberg —

Russian European: Fedor Stepun on Nation and Nationalism 55

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

F. A. Gayda —

Between Schlozer and Shakespeare: On the Emergence
of the Principles of Russian Historical Science i
n the First Third of the 19th Century 77

L. F. Lutsevich —

“Unity of the Region with the Empire”:
The Issue of Rusification of “Quiet Finland” 101

Literature. Philosophy. Religion

K. A. Barsht —

Paradoxical “The Bet” and Syncretic “The Triangle” by Pascal
in the Creative Practice of F. M. Dostoevsky 125

D. M. Feldman —

The Verdict and the Procedures:
on the History of the Execution of the Decembrists 151

Memory of Culture

A. P. Kozyrev —

Wassily Kandinsky and Russian Religious Philosophy of his Time 181

I. Antanasievich —

Comic and Propaganda During the Occupation (1941–1944) 210

Archival Materials. Unpublished Papers

E. A. Andrushchenko —

D. S. Merezhkovsky's "Lecture on Antisemitism" (1928) 234

D. S. Merezhkovsky —

Lecture on Antisemitism 249

Academic Life. Reviews

In a Gutenberg's Mirror 260

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 11–36.

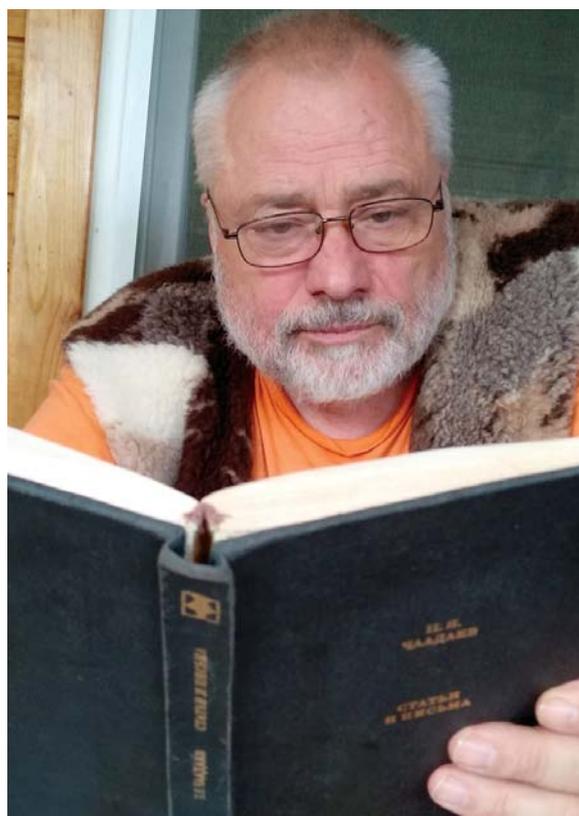
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 11–36.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-11-36

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В статье автор показывает, как Петр Великий, желая преодолеть русский «бунташный век» и спасти страну как державу, осознал необходимость создать вместо Московского государства Российскую империю — мощную структуру, в чем-то равновеликую Римской. Внутренние бунты, поддерживаемые Западом, не сумели развалить Россию. Екатерина Великая закрепила дело Петра, поставив как символ этой преемственности великий памятник первому императору, который с легкой руки Пушкина получил имя

© Кантор В. К., 2025

Медный всадник. К несчастью, созданная Петром империя продержалась всего двести лет. Но Россия осталась.

Ключевые слова: Пушкин, Петр Первый, Екатерина Вторая, Монтескье, Пугачев, французские деньги, русский бунт, империя, Петербург, русский европеец

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. К вопросу о становлении Российской империи // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 11–36. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-11-36.

From the Editor

ON THE QUESTION OF THE FORMATION
OF THE RUSSIAN EMPIRE

Vladimir K. Kantor

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article, the author shows how Peter the Great, wanting to overcome the Russian “age of rebellion” and save the country as a state, realized the need to create a Russian Empire instead of the Muscovite state — a powerful structure, in some ways equal to the Roman Empire. Internal rebellions, supported by the West, failed to destroy Russia. Catherine the Great consolidated Peter’s work, erecting as a symbol of this continuity a great monument to the first emperor, who, with the light hand of Pushkin, received the name Bronze Horseman. Unfortunately, the empire created by Peter lasted only two hundred years. But Russia remained.

Keywords: Pushkin, Peter the Great, Catherine the Great, Montesquieu, Pugachev, French money, Russian revolt, empire, Petersburg, Russian European

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2025) “On the Question of the Formation of the Russian Empire,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 11–36. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-11-36.

По крайней мере начиная с Платона тема власти, тема государства является одной из ведущих в попытках осмыслить судьбу человеческого сообщества. Его «Государство», гениальный художественный диалог, было своего рода настольным трактатом для тех, кто задумывался о принципах власти. Одним из самых замечательных ответов Платону стала книга Томаса Мора «Утопия» (1516), рассказ о путешествии некоего Гитлодея. Это вполне художественный рассказ о невозможности проекта. Мор дал, на мой взгляд, ироническое изображение принципов платоновского государства или, по крайней мере, рецепцию его этактистских идей (имя Платона он не раз упоминает на полях своей рукописи). Утопия — это, как известно, место, которого нет (*u-topos*), но которого, видимо, и быть не может. А имя рассказчика — Гитлодей — происходит от слова «гитлос» («болтовня»). Не забудем, что близким другом Мора был Эразм Роттердамский, автор издевательски-иронической книги «Похвала глупости» (*Moriae Encomium sive Stultitiae Laus*). И как заметил политолог И. Локшин, «в “Утопии” присутствует персонаж по имени Томас Мор, олицетворяющий автора. Но книга написана на латыни, и имя в ней латинизировано — а *Mogus* переводится как “глупец”» [Лузин, 2023]. Нынешние антиутописты просто не поняли смысла книги Мора.

Но важнее в платоновской системе соображение о том, кто должен стоять во главе государства. Это философы и воины. Не буду перечислять всех великих правителей, но нельзя не вспомнить Александра Македонского, учителем которого в течение многих лет был сам Аристотель. Можно вспомнить римского императора Марка Аврелия, воина и великого философа-стоика. Строго говоря, соплеменник Мора — великий Фрэнсис Бэкон — возразил ему, написав роман «Новая Атлантида» (1627) об острове Бенсалема, которым управляет ученый орден «Дом Соломона».

Эти тексты читались в России и имели отклики в отечественных сочинениях. Но стоит назвать еще по крайней мере три книги. Это «Государь» Макиавелли — по слухам, эту книгу читал Сталин. И еще два европейских фило-

Д. Г. Левицкий. Дени Дидро. 1773

софских гения, которые решали вопрос о власти... И два великих правителя, сумевших преодолеть внутренние и внешние катастрофы и, строго говоря, создавших Россию. Да, да! Это Петр и Екатерина. Конечно, они не были философами, хотя Екатерину и называли философом на троне. Но, как и Александр Македонский, они понимали важность философии. Петр ориентировался на Гоббса, Локка, а с Лейбницем переписывался и принял от него совет устроить в Петербурге Академию. Екатерина была в постоянной переписке с Вольтером, обсуждая с ним, среди прочего, бунт Пугачева, а свой «Наказ» писала, опираясь на идеи «Духа законов» Монтескье. Она выкупила библиотеку Дидро, чтобы финансово поддержать философа, но оставила его хранителем библиотеки.

Нет доказательств, что Петр читал Гоббса, хотя, как пишут исследователи, мог: книга была и в любимой Петром Голландии. Но вот любопытный факт: по приказу Петра переводится книга Джона Локка «О веротерпимости», в русском издании «О толеранции». Локк шел следом за Гоббсом. Но Гоббс был жестче,

толерантность не очень-то прельщала его. Иными словами, Гоббс был в контексте интересов императора.

Томас Гоббс (1588–1679) — автор гениального «Левиафана» (1651), книги, построенной на художественном образе библейского чудовища, пытавшейся объяснить, как прекратить «войну всех против всех», что важно во все времена, а тогда особенно. Россия раздиралась на части боярскими и стрельецкими бунтами. Гоббс переживал нечто подобное в катастрофах Английской революции. Бесконечная война, в которой никакие договоры между отдельными людьми не соблюдаются без гаранта. Именно в роли такого гаранта и выступает государство Левиафан, которое устанавливает всеобщий мир. Но сам Левиафан, как следует из Библии, жесток и беспощаден.

* * *

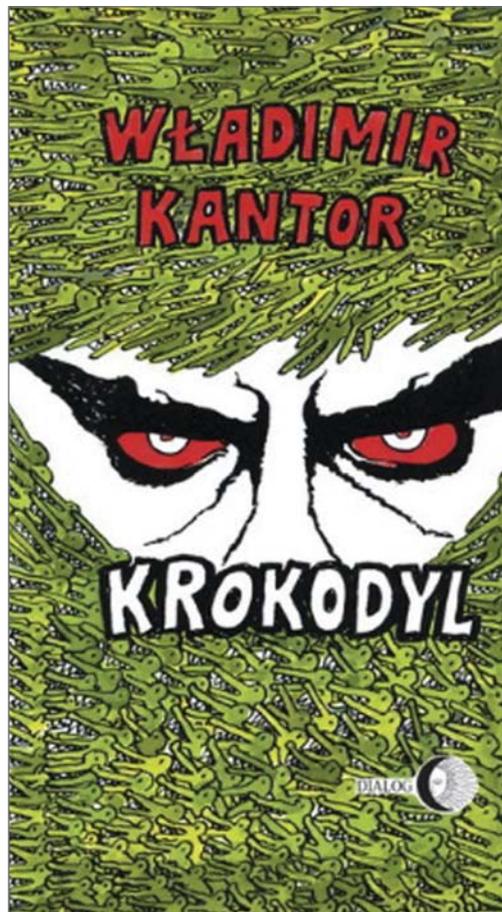
Отступление. Левиафан. Я задал тему художественности этих философских текстов вполне сознательно. Мой интерес объясняется очень просто: я не только культур-философ, но и писатель. Как, впрочем, многие философы. А с Левиафаном связана некая история. Много лет назад, в 1986 году, я написал небольшой роман «Крокодил». Написал его довольно быстро. Моя жена Марина рожала дочку, а я роман. Дочка родилась, красавица, теперь она большая и у нее трое красивых детей. С романом была невнятица, его не взял ни один московский журнал. Рецензент из журнала «Знамя», писавший статьи об эстонской литературе, сказал, что фантазмагорий они не печатают:

— А у Вас крокодил ходит среди людей и этому никто не удивляется.

Я возразил, что в журнале тем не менее напечатали «Собачье сердце» Булгакова, и в ответ услышал:

— Вы же не Булгаков.

Ответ, конечно, классический. Однако в Питере я пошел в журнал «Нева», где потрясающий критик Самуил (Саня) Лурье принял роман и уговорил главного редактора его напечатать. Итак, «Нева», 1990, № 4. А далее началась самостоятельная жизнь текста. Роман был опубликован в Польше в

Издательница Иоганна Гиль-Шиминска с детьми, В. К. Кантор и польская славистка Людмила Луцевич

2007 году в переводе Валентины Тшинской (Walentyna Mikołajczyk-Trzcińska), с неожиданными иллюстрациями Богдана Бутенко, которые заслуживают отдельной статьи, и в Варшаве была презентация. Потом роман издали в Эстонии (в переводе Юрия Туулика) и Италии (перевод Эмилии Маньянини, лучшей итальянской славистки). Переведен в Чехии блистательным переводчиком Аленой Моравковой, но изменилась политическая погода, и книга не опубликована до сих пор.

Иероним Граля

А польский перевод принес неожиданное прочтение заглавия романа.

Тогдашний культур-атташе польского посольства Иероним Граля, великолепный историк, специалист по истории Московской Руси, профессор Варшавского университета, устроил то, что ни до него, ни после не практиковалось. Обычно на территории по-

сольства отмечались переводы польских книг на русский. Пропаганда польской культуры. А тут перевод русского романа на польский! Но Иероним настоял и даже пригласил знаменитого русского актера (кажется, Евгения Стеблова) прочитать отрывок из русского «Крокодила». Было видно, что актер текст видит первый раз и пришел только за гонораром. Ну и, конечно, Граля позвал друзей и коллег автора. Стол он накрыл в стиле Москвы конца семидесятых. Но водка все же была польской — Wybogoła.

Выпили, стали обсуждать, откуда взялся крокодил. Насколько невероятна моя фантазия. И тут мой приятель и коллега филолог и профессор Игорь Вадимович Кондаков достал маленькую книжку, русское издание «Крокодила», и сказал:

— Да у тебя здесь все написано.

И прочитал вслух:

Просто ты видишь то, чего не видят другие. В сознании твоём слой цивилизации прорвался. А под этим слоем — бездна. Вот я — отту-уда. В самом деле, почему-у лю-удям, а не ящерам владеть землей?! Сие есть вопрос. Впрочем, Божий су-уд решит.

— А при чем здесь Божий суд? — спросил Лева, чувствуя, что сходит с ума, обсуждая со странным и страшным субъектом метафизические тонкости (...).

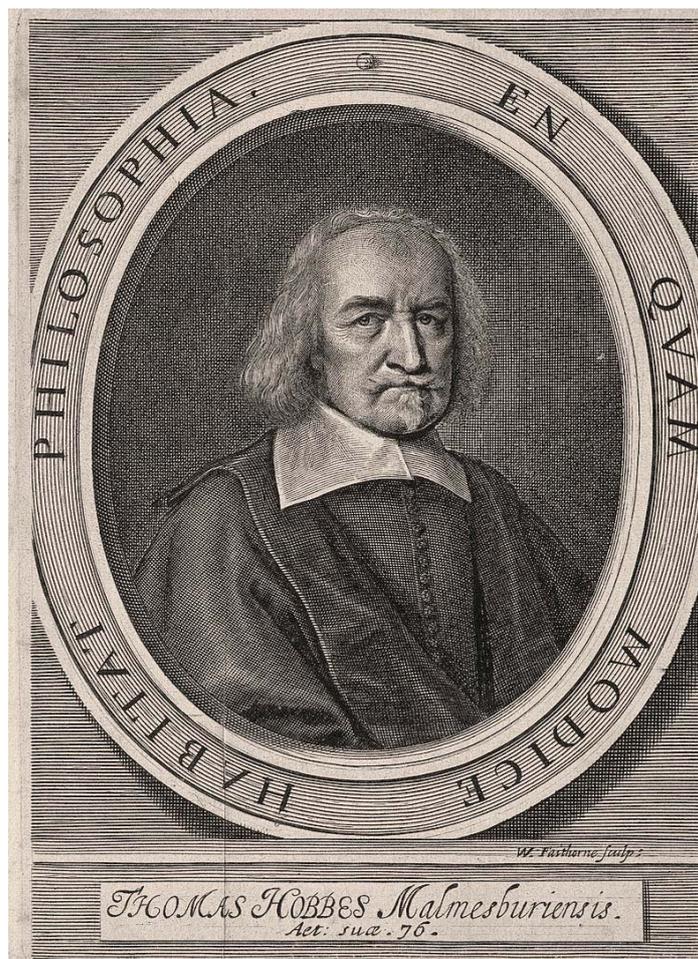
— Объясню-у, объясню-у. — сказал мычащий субъект, сладострастно хрюкнув. — У-у Божия су-уда много орудий. Сами по себе они могу-ут быть и у-ужасны, но их используют, и в этом их оправдание. А крокодил, чтоб ты знал, — из древнейших орудий. В Библии его называли левиафаном, и он непобедим.

[Кантор, 2002, с. 187–188]

— Так вот ты сам произнес это слово. Левиафан! Твоего героя Леву пожирает государство-левиафан. Вспомни Гоббса! Ведь Лева втайне мечтал бунтовать против государства. Вот оно с ним и разделалось!

Игорь Вадимович Кондаков

* * *

Мысль Гоббса о необходимости появления сильной руки неслучайна, поскольку Английская революция окончилась весьма кроваво, казнью короля Карла I, установлением диктатуры Оливера Кромвеля. Поэтому Гоббс считал появление Левиафана необходимым условием для пресечения возможных гражданских войн. И лучшим вариантом Левиафана Гоббс считал монархию:

Общие интересы поэтому больше всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами. И именно такое совпадение мы имеем в монархии. Богатство, сила и слава монарха обусловлены богатством, силой и славой его подданных.

[Гоббс, 2016, с. 252]

Империя в России состоялась с Петра. Он действительно был Великий. Он строил Россию именно как империю. Стоит вообразить себе положение дел до его прихода к власти. Россия должна была развалиться не сегодня, так завтра. Она сотрясалась бунтами. XVII столетие, по словам историков, — «бунташный

век». Кондратий Булавин, Степан Разин и прочие злодеи — это постоянные бунты. Бунты начинались на окраине, где власть, и без того не очень сильная, практически отсутствовала. Короче говоря, Россия была не жилец на этом свете. Мне довелось прочесть письмо одного безымянного англичанина-фактора, написанное во время разинского восстания своему хозяину-купцу в Лондон, где он пишет: если сейчас падет Москва, то с кем здесь вообще о чем-то можно договариваться, гуляй-поле сплошное. Вот его слова:

Не только нас, иностранцев, терзали эти опасения, ибо несколькими днями раньше увеличившееся войско бунтовщика Разина расположилось на равнине под столичным городом этой страны столь большим числом, что верным подданным великого государя воображение рисовало лишь один возможный конец — неизбежное падение величия этой державы.

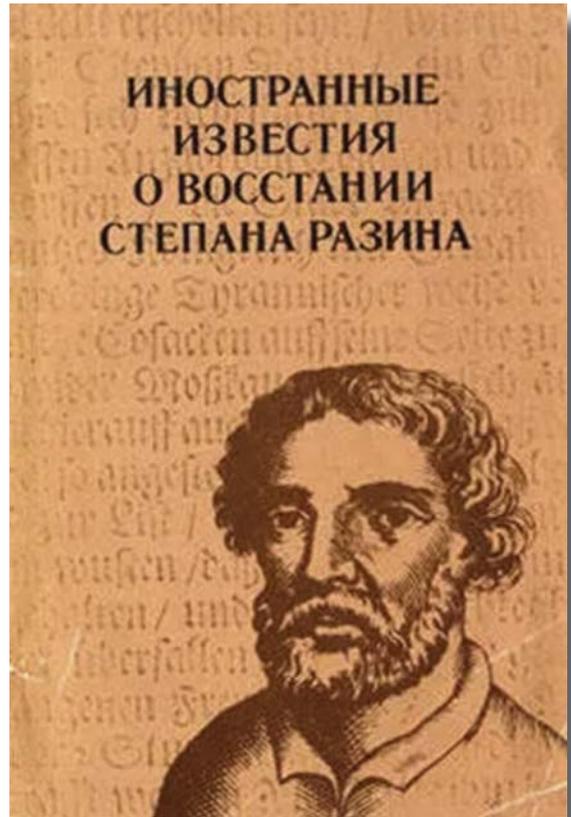
[Повествование о величайшей на памяти человечества победе ... , 1975, с. 11]

Россия катилась в бездну. Но пришел Петр, и свершилось чудо. Как говорил Пушкин, бывают вещи, которые даже самому умному человеку понять невозможно. Это чудо божьего предопределения. Петр был таким чудесным божественным провидением.

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

[Пушкин, 1994, с. 147]

Откуда и как к нему это все пришло, непонятно. Пушкин и в своей «Полтаве», и в других произведениях вкладывает в уста Петра слова человека, который следует воле Бога. В итоге Россия не просто вышла из убийственных катастроф, из губельного состояния, она вышла империей! И в ней возник Пушкин.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.

[Пушкин, 1994, с. 56]

Очень точен Мережковский:

Но над этим сонмом пушкинских героев возвышается один — тот, кто был первообразом самого поэта, — герой русского подвига так же, как Пушкин, был героем русского созерцания. В сущности, Пушкин есть донныне единственный ответ, достойный великого вопроса об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию. (...) Вся последующая русская литература есть как бы измена тому началу мировой культуры, которое было завещано России двумя одинокими и непонятыми русскими героями — Петром и Пушкиным.

[Мережковский, 2017, с. 280–281]

И Петр, и Екатерина умели и любили слушать философов. Вспомним Платона, его мысль, что философы должны править государством. История показала, что в правители философ редко годится, но вот в советники — да.

Для этого правитель должен понимать свои задачи. Поэтому прежде, чем сказать несколько слов о памятнике Петру, хочу напомнить о втором этапе реформ, превративших Россию в могущественную державу. Сошлюсь на западную славистку:

За долгое правление Екатерины II российское общество очень сильно переменялось. Петровские реформы еще прокладывали себе путь в различных его слоях, охватывая все более широкие круги, когда нахлынула вторая волна великих преобразований, уже екатерининских. Не только прямые усилия власти преобразовать общество сверху, но и развитие экономики, более тесная коммерческая интеграция и политическое сотрудничество с Европой способствовали формированию несравнимо более сложной социальной структуры в России. (...) На 1786–1796 гг. пришелся поразительный подъем российской эко-

Пьер-Этьен Фальконе. Екатерина II. 1774

номики, которому не помешала даже война. Отчасти это было связано с колонизацией южных земель и присоединением Крыма, а кроме того, дало результаты Генеральное межевание, благодаря которому было куплено и взято в аренду очень много невозделанных земель в Центральной России и резко возросла запашка. В Московской губернии она расширилась на 60% под влиянием близости московского рынка.

[Мадариага, 2002, с. 875]

Любопытно, что Екатерина была коренной немкой, которая приехала в нашу империю почти подростком, выучила русский язык, приняла православие и стала великой русской императрицей, которая заботилась о государстве. И она практически с первых дней своего воцарения задумалась о памятнике

Этьен Морис Фальконе

Петру Великому, желая подчеркнуть свое следование Петру. Петр построил Петербург, но у города не было символа, который могли бы видеть все. Напомню, что Медный всадник своим появлением обязан Екатерине и ее философскому гуру Дени Дидро, который поддержал идею памятника Петру и посоветовал пригласить на эту работу своего друга, скульптора Этьена Фальконе. Императрица писала, что «Дидерот доставил мне человека, которому нет подобного, это Фальконет, он вскоре начнет статую Петра Великого; если есть художники равные ему по таланту, то смело можно сказать, что никто из них не может сравниться с ним в чувствах, словом он друг души Дидерота»¹.

И памятник Петру Великому был создан

в 1768–1778 годах скульптором Этьеном Морисом Фальконе (1716–1791), открыт на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в августе 1782 года. Идея составить постамент из нескольких глыб не понравилась Фальконе.

Тогда дали объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях», вознаграждение — 100 рублей. На объявление отозвался Семен Вишняков, он служил строителем при дворе. Вишняков рассказал, что рядом с деревней Конная Лахта есть огромный валун, который в народе прозвали Гром-камнем. Специалисты считают, что Гром-камень когда-то был своеобразным алтарем. Когда Вишняков и Фальконе приехали посмотреть на гранитную глыбу, крестьяне взялись за оружие, чтобы прогнать чужаков и сохранить свою святыню. Пришлось призвать войска и оцепить это место.

Фальконе не удалось вылепить голову Петра I так, как этого хотелось Екатерине. В итоге эта работа была перепоручена помощнице мастера Мари-Анн Колло. Ей удалось получить нужное сочетание мужественности, воли и разума. Девушка, прибывшая в Россию вместе с Фальконе, в одночасье стала членом Императорской Академии искусств за свою работу. А от императрицы ей пожалована пенсия в размере 10 тыс. ливров. Получать деньги Мари должна

¹ Цит. по: URL: <https://newreportage.ru/archives/15657> (дата обращения: 23.12.2024).

Надпись на постаменте: «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782» с одной стороны, и “PETRO primo CATHARINA secunda MDCCLXXXII” — с другой. Тем самым подчеркивается преемственность деятельности Петра и Екатерины

была пожизненно. Федору Гордееву — скульптору из России — поручено было создать змею, попираемую Петром.

Фальконе не удалось увидеть установленный памятник, которым он гордился, говоря, что теперь он весь не умрет. Он заболел, вернулся в Париж, там его разбил инсульт, за ним до самой смерти ухаживала его преданная ученица Мари-Анн Колло. Но его памятник Петру, ставший в сознании всех с легкой руки Пушкина Медным всадником, приобрел значение символа русской империи, ну и города, разумеется. Говорят, что во время страшной бомбежки немцами Ленинграда уцелевшие жители ходили к Всаднику, говоря, что, пока он стоит, и мы выстоим.

Петр сумел создать великую державу из распадавшейся страны. Великая Екатерина продолжила его невероятную работу.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,

В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
(...)
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

[Пушкин, 1994, с. 23]

Империи иногда долговечны, иногда недолговечны. Как правило, они сталкиваются друг с другом. Вот Испанская империя столкнулась с Британией и проиграла. В итоге Испания стала обычной страной, а Британия — Великобританией. Похожая ситуация была и с нами. Ведь до Петра I на Варяжском, или, как сейчас говорят, Балтийском, море была другая, Шведская империя. Она господствовала в этом регионе. Как писал один шведский ученый, две империи не могли существовать на одном море, одна должна была уйти. После Полтавской баталии шведы ушли. Кстати, в этом сражении украинцы проявили себя как абсолютные предатели. Я имею в виду Мазепу. Но это шведам не помогло. Балтийское море стало русским. Кстати, в Стокгольме стоит памятник Карлу XII, который показывает рукой в сторону России. Так вот, шведы шутят: то ли он показывает рукой и говорит: «Ребята, надо заново идти туда», то ли предупреждает: «Туда не ходите, только не туда!» Вообще, в быту шведы, да и все европейцы, симпатичные, но они все ужасно законопослушные. У них есть жесткая установка, что начальство надо слушаться. Так вот, это как раз не имперское, а тоталитарное сознание! Имперский человек более свободный. Пушкин в этом смысле был имперским свободным человеком. Он спорил с царями, доказывая свое.

Но в XVIII столетии опасность гражданской войны осознали лишь Петр и Екатерина. Петр пережил чудовищный по жестокости стрелецкий бунт 1682 года. На глазах десятилетнего мальчика был убит его дядя, которого пытали, а потом разрубили на части. Оттуда, думаю, идут и нервные тики Петра. Так называемая стрелецкая казнь случилась в 1698 году, после нового восстания этого войска, которое было подавлено уже взрослым царем, и, в сущности, была расплатой за детский ужас.

А Екатерина пережила кровавую пугачевщину.

И не забудем великого Монтескье (1689–1755), оказавшего бесспорное влияние на русскую мысль. На Екатерину, как мы знаем, произвел сильнейшее

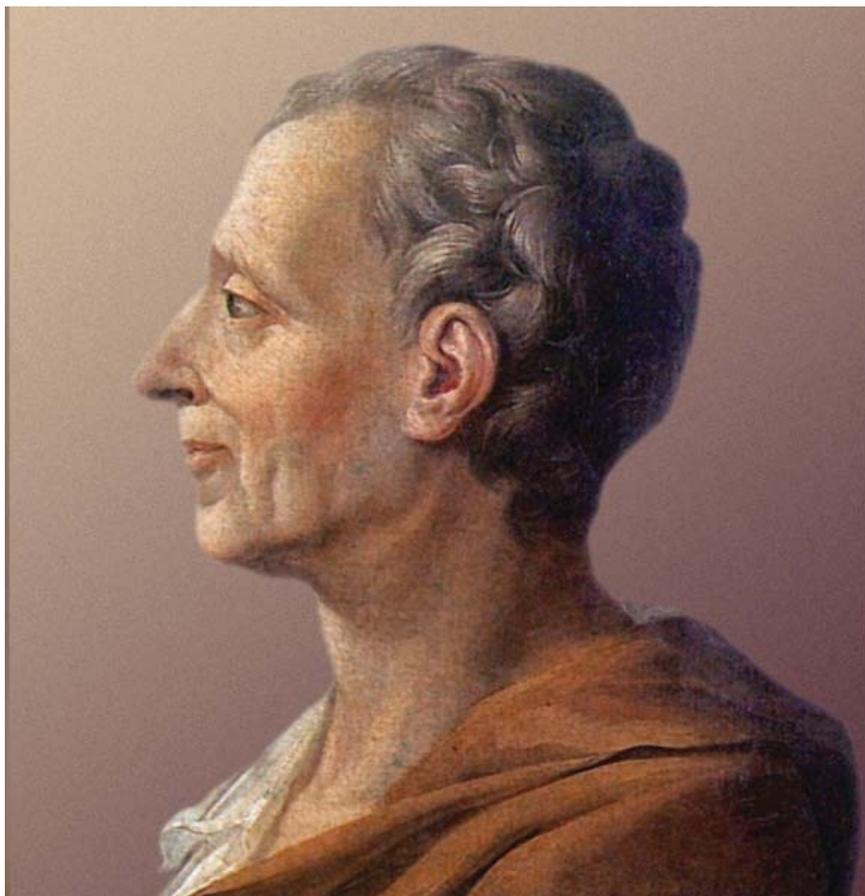

А. И. Корзухин. Мятеж стрельцов в 1682 году.
Стрельцы выволакивают из дворца Ивана Нарышкина. Царица Наталья рыдает на коленях,
10-летний Петр ее утешает, рядом стоит царевна Софья. 1882

впечатление трактат Монтескье «О духе законов». Одним весьма важным соображением для русских образованных людей, которых было немного, но они были, и число их увеличивалось, стало рассуждение о чести: «Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и даже в добродетели» [Монтескье, 2023, с. 41]. Именно это понятие стало определяющим в поведении героя «Капитанской дочки» (см.: [Кантор, 2024]).

Была еще проблема российских огромных пространств. Как ими управлять? Екатерина по мотивам «Духа законов» Монтескье писала, что такую державу сможет держать в узде лишь самодержец.

Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

Монтескье Шарль Луи де Секонда (1689–1755).
Французский мыслитель, историк и философ

10. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно.

[Императрица Екатерина II, 2003, с. 73]

Российские государи читали европейских мыслителей, пытались строить страну по их лекалам, материал требовал, как и в Европе, суровости. Русские мыслители не всегда это понимали, но англичане пережили казнь короля, чуть позже казнь своего суверена пережили и французы. У русских все это было впереди, расстрел царя и его семьи в доме Ипатьева в Екатеринбурге (город был переименован в Свердловск, по имени человека, приказавшего расстрелять царскую семью).

Пугачев вырезал дворян семьями. И суровость, даже жесткость стали неременным моментом правления Петра и Екатерины. Екатерина писала Воль-

теру о Пугачеве: «Я простила бы его, но это дело — дело всей Империи, а у нее свои законы» [Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 418]. Да, у империи свои законы. У государства свои законы, как звучит эта же мысль в другом переводе.

Пушкин ненавидел бунт, а пугачевский его просто заворожил ужасом. Пугачев, и это чистая правда, повесил несколько тысяч дворян. Причем вешал не только отцов семейств, но и их жен, и детей. Чудом избежал этой участи великий баснописец Иван Крылов. Пушкин об этом написал в «Истории пугачевского бунта». Там есть страшные вещи. Как Пушкин говорил: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Именно бессмысленный и очень жестокий. Например, такой эпизод. Бунтовщики схватили астронома Ловица и спросили, чем он занимается. «Изучаю звезды», — ответил он. «Ну повесьте его поближе к звездам», — сказал Пугачев. Что и было сделано. Это более, чем звериная степень жестокости. Но, что любопытно, в своей переписке с Вольтером Екатерина Великая называла Пугачева маркизом. Это не оговорка, хотя, быть может, и шутка.

Екатерина, скорее всего, знала о французских деньгах, которые родина Вольтера давала Пугачеву. Пушкин, когда писал «Историю пугачевского бунта», лично проехался по всем местам, которые описывал. И в Бердской слободе — бывшей ставке Пугачева — нашел 17 бочек монет, на которых по латыни была надпись от имени Петра III: «Я пришел и буду мстить». Понятно, что в России подобного количества таких монет появиться не могло. Да и на латыни никто из соумышленников Пугачева не писал. Это, скорее всего, был французский след. Россию надо было развалить, сломать! Людовик XV в инструкциях, данных назначенному в Россию послу, пишет: «Все, что может ввергнуть ее в хаос и заставить вновь погрузиться во тьму, отвечает моим интересам»². А Пугачев и нес тот самый желаемый в Париже хаос.

Как говорила та же Екатерина: «Почему так не любят Россию? Потому что она большая». Так она и сейчас большая. Поэтому ее надо разделить на части. Россия действительно очень большая, и она все время кажется лакомым куском.

* * *

Но и Российская империя прожила не очень долго, хотя и немало. С 1721 по 1917 год — 196 лет. В 1917 году Временное правительство провозгласило Россию республикой. Наследник Петра Николай Второй отрекся от престола в пользу своего младшего брата Михаила, а тот, в свою очередь, не рискнул

² Цит. по: URL: <https://foto-history.livejournal.com/2978222.html> (дата обращения: 23.12.2024).

Гавриил Ильич Мясников

стать новым монархом. И все равно был убит человеком с говорящей фамилией — большевиком Гавриилом Ильичом Мясниковым (1889–1945). Так закончилась почти двухсотлетняя история имперской жизни России.

Поразительно, как удивительно внятно, точно объяснил произошедшее Максимилиан Волошин. Поэты зорче политиков, даже зорче философов. Начал со строчки о доброте последнего императора, а правитель не может быть бессмысленно добрым. Государство — это Левиафан.

А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.
Санкт-Петербург был скроен исполином,
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и щелкает стена,
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя...

[Волошин, 1982, с. 343]

После Октябрьской революции 1917 года (или, если угодно, переворота) произошло то, что Ортега-и-Гассет называл вертикальным вторжением варварства. С. М. Соловьев писал, что после нашествия степняков (монголо-татарских войск), с трудом и потерями преодоленного Русью, начались восстания «внутренней степи», бунты Болотникова, Булавина, Разина, Пугачева (с массовым убийством мирных жителей и погромом их трудов), невероятным напряжением сил разбитые царскими полководцами.

Столица, воздвигнутая Петром, ни разу, даже в страшный период ленинградской блокады, не поддалась внешнему врагу. Но была захвачена внутренними варварами в 1917 году. Это ощущение на новом историческом витке прихода таких же завоевателей, чужих — не по крови, а по некой мен-

тальности, — было очень сильно. А связано это с тем, что принципы, которые большевики проводили в жизнь, были абсолютно допетровские. После революции стало особенно заметно, что Россия вернулась в допетровскую Русь. Вот Бунин: «Весь огромный город не живет. Сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги» [Бунин, 1990, с. 107]. И русские оказались вдруг в абсолютной тьме Московской и даже домосковской Руси. Петербургская Россия вся была выкинута за пределы России. Именно это варварское нашествие предвидел в «Медном всаднике» Пушкин, изобразив его как потоп.

Изучая подробности пугачевского бунта, думая изобразить благородного дворянина, перешедшего на сторону Пугачева, вариант Дубровского, Робин Гуда или Ринальдо Ринальдини, он почувствовал, что здесь нечто другое. Очевидно, чем больше он вчитывался в эту кровавую историю, тем яснее становилась гнусность и Пугачева, и перешедшего к Пугачеву дворянина. В результате возникает пара — юный, наивный Гринев, воспитанный в понятиях чести, и абсолютно безнравственный Швабрин. Огарев, эмигрант-радикал, человек, отдавший, не моргнув глазом, свою жену своему другу Герцену, готов был пойти в ординарцы к Пугачеву.

* * *

В 1906 году Мережковский написал потрясающую статью «Грядущий хам», где попытался обозначить ужас, уже существующий и входящий в русскую жизнь.

У этого Хама в России — три лица.

Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия (...).

Второе лицо прошлое — (...) позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной.

Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц.

[Мережковский, 2023, с. 144]

Он угадал, хамство, хулиганство, бандитизм становятся нормой сознания и воспеваются поэтами, предчувствующими погром России. В 1915 году выходит «Облако в штанах» Владимира Маяковского, в котором поэт не стесняется бандитской разнузданности, а призывает к ней:

Владимир Владимирович Маяковский. Фото. 1915

Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!

[Маяковский, 1955, с. 187]

Бандитский кастет вместо лиры предлагает поэт поэтам. Слабого бандит рад убить. Но Христос всегда был бит и гоним. Стало быть, можно гнать всю Троицу — Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого.

Я думал — ты всеильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крылатые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

[Маяковский, 1955, с. 195–196]

Стоит поставить эти стихи в контекст рассуждений Достоевского и Ницше об убийстве Бога. То, что звучало как предвестие апокалипсиса, стало приобретать реальные очертания. И Пугачева воспели далеко не худшие.

Вот гуру левых поэтов, авангардист Велемир Хлебников, уверявший, что он родился в стане монгольских исповедующих Будду кочевников. Его биограф немного уточняет: Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников родился 9 ноября 1885 года в Черноярском уезде Астраханской степи, среди калмыков-кочевников, исповедовавших ламаизм. И Хлебников одним из первых заявил о своей близости к Пугачеву (1922).

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!

[Хлебников, 2001, с. 372]

А вот и хулиган Сергей Есенин. Великий поэт, бравировавший своим хулиганством, написал поэму «Пугачев» (1921). К концу жизни писал, что теперь любит цивилизацию. Но поэтическое слово уже было сказано.

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр!
Чернь его любит за буйство и удаль.

[Есенин, 1955, с. 320]

Как Рим строил свою империю? Да, он сначала завоевывал племена и народы, но потом они становились римлянами и получали все права, которые имели граждане Вечного города. Похожим образом ситуация развивалась и в России. Она присоединяла кочевые племена и роды, и их вожди получали российское дворянство. Они становились частью элиты Российской империи, а их соплеменники — полноценными подданными государства. Думаю, ни для кого не секрет, что многие выдающиеся русские мыслители имеют татарские

корни. Это и Чаадаев, и Карамзин, и Тургенев, и другие. Всех просто не перечислишь, список будет огромный. Это все татарские роды, которые стали верными слугами российского самодержавия.

Монтескье писал, что между цивилизованными монархиями возможны войны, но со стороны деспотий существуют лишь нашествия. Запад тоже очень разный был. Когда немцы шли по миру, уничтожая все на свете, это было нашествие, но не азиатских орд, а просвещенных европейских наций под руководством Германии. Философ Георгий Федотов в своей работе «Письма о русской культуре. Русский человек» писал: «В течение долгого времени Европа, как целое, жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» [Федотов, 1992, с. 178]. Это были люди, воспитанные на высокой европейской классике, античной и христианской.

Возьмите Пушкина, который без конца цитирует в своих произведениях то Гомера, то Вергилия, то Горация и Овидия, то Анакреона, то Данте, то Евангелие. Он этим жил. Когда Екатерина повелела построить Одессу на месте какой-то маленькой турецкой крепости, она ведь велела построить не просто город-порт, а южный Петербург. Так было задумано. Это были ворота в Россию с Юга.

Петр задал русской жизни ориентацию на спасительное для России имперское сознание. Если Петр был основателем империи, то Екатерина — устроительницей. И страна усилилась и расцвела. Екатерина пробыла на троне 34 года, пережила страшный пугачевский бунт, чуть не погубивший империю, но она вышла из этой катастрофы победительницей и благоустроила Россию. Являлась главной имперской силой нашей страны. Потом были разные периоды. Но главное в них одно: когда на место наднационального имперского сознания ставится национальное, то происходят периоды спада.

Император Николай I однажды на придворном балу спросил маркиза Астольфа де Кюстина, спасавшегося в России от французской революции:

— Маркиз, как вы думаете, много ли русских в этом зале?

— Все, кроме меня и иностранных послов, ваше величество!

— Вы ошибаетесь. Вот этот мой приближенный — поляк, вот немец. Вон стоят два генерала — они грузины. Этот придворный — татарин, вот финн, а там крещеный еврей.

— Тогда где же русские? — спросил Кюстин.

— А вот все вместе они и есть русские.

Все европейские государства, которые можно вспомнить, сейчас маленькие, мононациональные страны, и по-другому они быть уже не могут. В пе-

риоды, когда были империями, они имели колонии, захваченные в стороне от основной их территории. Эти территории были за пределами метрополии, за далекими морями, порой на других континентах. В России такие территории стали частью государства, в котором все срослось и смешалось. Как она может разделиться? Когда я по стипендии Генриха Бёлля более полугодом жил в Германии, со мной общались немецкие слависты. И на голубом глазу, как невинные ягнята-доброжелатели, уговаривали меня агитировать в России, чтобы она разделилась на части, тогда, мол, ее будет легче европеизировать. Я спрашивал: «Как вы себе это представляете? Кому достанется ядерная кнопка? Москве, Петербургу, Грозному, Татарстану, Якутии, кому?» На этот вопрос ответа не было. Как говорил Монтескье, такие государства, как Россия, должны быть единомерными. А у нас Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Сибирь были частью материковой России. По меньшей мере 120 национальностей, и они все называют себя россиянами. Я в свое время бродил по Дагестану, и скажу, что язык, на котором все говорят, — русский, потому что по-другому они между собой не могут общаться. Каждый аул имеет свой язык. Они между собой не договорились бы никогда, если бы не было русского языка. Так что это не наша прихоть, а суровая правда жизни. Русский язык — связующий. На нем говорят и пишут люди разных национальностей. Впрочем, великие английские писатели, писавшие на английском, были этнически не только англичанами, но и шотландцами (Роберт Бернс, Вальтер Скотт, Роберт Стивенсон), и ирландцами (Джонатан Свифт, Оскар Уайльд, Джеймс Джойс). У начала русской классической литературы стояли потомок эфиопского арапа Пушкин и малоросс Гоголь.

На этих двух опорах и стоит Россия. А третий русский гений не только поэтически описал катастрофу, пережитую страной, но и указал Фарос — символ надежды.

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.

Астольф де Кюстин

И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад —
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.
И все ж придет, придет пора
И воскресенья, и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.

Иван Бунин. День памяти Петра (1925)

Список источников

Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. 414 с.

Волошин М. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Paris: YMCA-Press, 1982. Т. 1. 532 с.

Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.

Екатерина II и Вольтер. Переписка / пер. и сост. А. И. Любжин. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2022. 600 с.

Есенин С. А. Пугачов // Есенин С. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1956. С. 305–334.

Императрица Екатерина II. НАКАЗ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Императрица Екатерина II. О величии России. М.: Эксмо, 2003.

Кантор В. К. Крокодил. Роман. М.: Московский философский фонд, 2002. 238 с.

Кантор В. К. Тема власти в творчестве Пушкина (Читая еще раз «Капитанскую дочку») // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 11–41.

Лузин М. Правильно ли мы понимаем «Утопию»? Екатеринбург: Ельцин Центр, 2023. URL: <https://yeltsin.ru/news/pravilno-li-my-ponimaem-utopiyu/> (дата обращения: 23.12.2024).

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛО, 2002. 976 с.

Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 1. С. 173–196.

Мережковский Д. С. Вечные спутники. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 447 с.

Мережковский Д. С. Грядущий хам. М.: Дмитрий Сечин, 2023. 1088 с.

Монтескье Шарль Луи. О духе законов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2023. 832 с.

Повествование о величайшей на памяти человечества победе, или полный разгром великого бунтовщика Степана Разина и его стотысячной армии великим царем России и его прославленным генералом Долгоруковым. Написано

английским фактором из московского порта // *Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования*. Л.: Наука, 1975. С. 10–12.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.: Воскресенье, 1994. Т. 5: Поэмы 1825–1833. 543 с.

Федотов Г. П. Письма о русской культуре // *Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии и истории русской культуры*: В 2-х т. СПб.: Издательство «София», 1992. Т. 2. С. 163–187.

Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2001. Т. 2: Стихотворения 1917–1922. 608 с.

References

Bunin, I. A. (1990) *Okayannye dni [Cursed Days]*. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Voloshin, M. (1982) *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 tomakh. Tom 1 [Poems and Poems: in 2 vols. Vol. 1]*. Paris: YMCA-Press.

Gobbs, T. (2016) *Leviafan [Leviathan]*. Moscow: RIPOL klassik.

Ekaterina II and Vol'ter (2022) *Perepiska [Correspondence]*. Transl. and comp. by A. I. Lyubzhin. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo.

Esenin, S. A. (1956) "Pugachov," in Esenin, S. A. *Stikhotvoreniya i poemy [Poems]*. Leningrad: Sovetskii pisatel', pp. 305–334.

Ekaterina II, Imperatritsa (2003) "NAKAZ Komissii o sostavlenii proekta novogo Ulozheniya" ["ORDER of the Commission on Drafting a new Code"], in Ekaterina II, Imperatritsa. *O velichii Rossii [On the Greatness of Russia]*. Moscow: Eksmo.

Kantor, V. K. (2002) *Krokodil [Crocodile]*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond.

Kantor, V. K. (2024) "The Theme of Power in Pushkin's Works (Reading 'The Captain's Daughter' Again)," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 11–41. (In Russ.).

Luzin, M. (2023) *Pravil'no li my ponimaem "Utopiyu"?* [Do we Understand "Utopia" Correctly?]. Ekaterinburg: El'tsin Tsentr. Available at: <https://yeltsin.ru/news/pravilno-li-my-ponimaem-utopiyu/> (Accessed: 23 December 2024).

Madariaga, I. de (2002) *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the Era of Catherine the Great]*. Moscow: NLO.

Mayakovskii, V. V. (1955) "Oblako v shtanakh" ["A Cloud in Trousers"], in Mayakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh. Tom 1 [Complete Works: in 13 vols. Vol. 1]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 173–196.

Merezhkovskii, D. S. (2017) *Vechnye sputniki [Eternal Companions]*. Moscow: Dmitrii Sechin.

Merezhkovskii, D. S. (2013) *Gryadushchii kham [The Coming Boor]*. Moscow: Dmitrii Sechin.

Montesquieu, Charl' Lui (2023) *O dukhe zakonov [On the Spirit of Laws]*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

“Povestvovanie o velichaishei na pamyati chelovechestva pobede, ili polnyi razgrom velikogo buntovshchika Stepana Razina i ego stotysyachnoi armii velikim tsarem Rossii i ego proslavlennym generalom Dolgorukovym. Napisano angliiskim faktorom iz moskovskogo porta” [“The Story of the Greatest Victory in Human Memory, or the Complete Defeat of the Great Rebel Stepan Razin and his Hundred-thousand-strong Army by the Great Tsar of Russia and her Famous General Dolgorukov. Written by an English Factor from the Moscow Port”] (1975) in *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina. Materialy i issledovaniya [Foreign News about the Uprising of Stepan Razin. Materials and Research]*. Leningrad: Nauka, pp. 10–12.

Pushkin, A. S. (1994) *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 5 [Complete Works. Vol. 5]*. Moscow: Voskresen'e.

Fedotov, G. P. (1992) “Pis'ma o russkoi kul'ture” [“Letters about Russian Culture”], in Fedotov, G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii i istorii russkoi kul'tury: V 2 tomakh. Tom 2 [The Fate and Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy and History of Russian Culture: In 2 vols. Vol. 2]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sofiya, pp. 163–187.

Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. Tom 2 [Collected Works: in 6 vols. Vol. 2]*. Moscow: IMLI RAN; «Nasledie».

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

30 марта 2025 года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося отечественного философа, филолога, культуролога, писателя, доктора философских наук, ординарного профессора, главного научного сотрудника, заведующего Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главного редактора журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Владимира Карловича Кантора.

Дорогой Владимир Карлович!

Редакция, члены редколлегии, весь коллектив журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» и Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ сердечно поздравляют Вас с замечательным юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа и неизменных творческих успехов на благо отечественной философии, филологии и культурологии.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Владимир Кантор — светлый ум!
Ты знаешь жизни двиг и шум.
Философ, эстетик, писатель
Ты истин несметных искатель!

Русская классика — твоё Бытие.
К нему всегда устремлено
Не только твоё вдохновение,
Но и безмолвное терпение.

О Чернышевском, Достоевском
Ты знаешь все, что можно знать.
О тайном, скрытом, сокровенном
Ты можешь много рассказать...

Размышляя о произволе и свободе,
О счастье и горе, о смысле и воле,
Ты ставишь проблему ментальности
В связи с русской
национальностью...

Наблюдая Крушенье кумиров,
Роешься в старых архивах,
Стремясь к научным прорывам
Вдруг открываешь немислимые
мотивы!

Одолеева соблазны, веришь
в свои силы,
Наблюдаешь, познавая, становление
Широкого философского
пространства
В имперской России.

«Самостоянье человека»
Волнует каждого от века!
Слово против Хаоса —
Это не странные голоса.
Это классика и современность,
Гармония и самозабвенность.

Тексты твои — мосты
Через страны и языки.
На английском, немецком,
Французском звучат,
Итальянском, чешском, польском...
Становясь в нескончаемо
длинный ряд.

С юбилеем, Володя, тебя поздравляю,
Успехов в науках и счастья желаю!
Пусть мудрость и знания
в жизни ведут,
А Любовь с Вдохновением в сердце
живут!

Людмила Луцевич

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 39–43.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 39–43.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-39-43

О ДВУХ НЕОБЫЧНЫХ ИДЕЯХ ВЛАДИМИРА КАРЛОВИЧА КАНТОРА

Владислав Александрович Лекторский
Институт философии
Российской академии наук,
Москва, Россия, v.a.lektorski@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

 Аннотация. Для В. К. Кантора идея русского европеизма может быть понята следующим образом. Прежде всего это христианская идея личной свободы, достоинства, моральной ответственности, активной позиции, самореализации. Это также уважение разума, рационального способа решения жизненных проблем. Это идея цивилизации, противостоящей варварству и хаосу. Это понимание того, что Россия не только географически, но и культурно и политически является частью Европы («есть европейская держава») и поэтому может и должна принимать самое активное участие в решении всех европейских дел.

 Ключевые слова: В. К. Кантор, «русский европеец», Российская империя, личная свобода

© Лекторский В. А., 2025

Ссылка для цитирования: Лекторский В. А. О двух необычных идеях Владимира Карловича Кантора // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 39–43. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-39-43.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

ABOUT TWO UNUSUAL IDEAS OF VLADIMIR KARLOVICH KANTOR

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v.a.lektorski@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

Abstract. For V. K. Kantor, the idea of Russian Europeanism can be understood as follows. First of all, it is a Christian idea of personal freedom, dignity, moral responsibility, active position, self-realization. It is also respect for reason, a rational way of solving life's problems. It is the idea of a civilization that opposes barbarism and chaos. It is the understanding that Russia is not only geographically, but also culturally and politically a part of Europe (“is a European power”) and therefore can and should take the most active part in solving all European affairs.

Keywords: V. K. Kantor, “Russian European,” Russian Empire, personal freedom

For citation: Lektorsky, V. A. (2025) “About Two Unusual ideas of Vladimir Karlovich Kantor,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 39–43. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-39-43.

Владимир Карлович Кантор — один из самых интересных наших философов.

Предмет его исследований — анализ истории русской культуры, выявление в ней тех напряжений и проблемных узлов, которые не только были весьма значимы исторически, но до сих пор многое определяют в нашей жизни. В этой связи Владимир Карлович выдвинул и обосновал ряд идей, которые сначала могут показаться необычными, противоречащими тому, к чему мы привыкли, но которые в действительности помогают лучше понять наше прошлое, настоящее и будущее.

Первая такая идея — «русский европеец».

Казалось бы, это оксюморон. Мы привыкли к тому, что Россия и Европа как государства и как культуры не только исключают друг друга, но и друг другу всегда противостояли и противостоят. Поэтому если и принимать этот термин, то можно подумать, что он обозначает русского западника — человека, который родился и живет в России (является русским по рождению и месту пребывания), но считает, что будущее страны связано с заимствованием западноевропейской культуры во всех ее проявлениях, начиная с политических учреждений и кончая наукой, образованием, искусством. В. К. Кантор самым детальным образом исследовал полемику русских западников и славянофилов. По-моему, это лучшее, что написано на данную тему в нашей философии, литературоведении, истории культуры. И Владимир Карлович показал, что идеалы западников не соответствовали реальной жизни Западной Европы (в чем быстро убеждались носители этого идеала, оказавшись на Западе), так же как представления славянофилов вступали в противоречие с реальной жизнью и историей русского общества.

Для В. К. Кантора идея русского европеизма может быть понята следующим образом.

Прежде всего это христианская идея личной свободы, достоинства, моральной ответственности, активной позиции, самореализации.

Это также уважение разума, рационального способа решения жизненных проблем.

Это идея цивилизации, противостоящей варварству и хаосу.

Это понимание того, что Россия не только географически, но и культурно и политически является частью Европы («есть европейская держава») и поэтому может и должна принимать самое активное участие в решении всех европейских дел.

Позиция русского европеизма означает как национальную самокритику, так и критику отхода европейских стран от идеалов европеизма.

Поэтому русский европеец — это патриот, думающий о судьбах своей страны, о ее месте в мире и делающий все, что в его силах, для блага отечества. Среди русских европейцев наши выдающиеся писатели, композиторы, художники, ученые, государственные деятели.

Владимир Карлович выдвинул и посредством анализа большого материала обосновал еще одну идею, которая тоже кажется противоречащей нашим обычным представлениям. Это идея империи как цивилизационного образования, в рамках которого лучше всего может быть обеспечена личная свобода.

Но ведь мы привыкли к тому, что империя — это продукт завоевания, что она означает подавление входящих в нее этносов, что это синоним насилия и произвола. Недаром производным от слова «империя» является «империализм», означающий политику насильственного присоединения чужих территорий. Казалось бы, о какой свободе личности в империи может быть речь?

И вот здесь очень важна идея Владимира Карловича о принципиальном отличии империи и деспотии. Для В. К. Кантора империя предполагает наличие правовой системы, которой подчиняются все: сверху донизу. Деспотия — это царство произвола. Империя — место права и закона. Империя — это противостояние хаосу и варварству. Личность чувствует себя защищенной в империи и поэтому может самореализоваться. Другое дело, что исторически империи нередко скатывались к деспотии. Это имело место в истории многих империй, в том числе и в истории империи Российской.

Отличительная черта империи, по В. К. Кантору, — преодоление рамок узкого национализма, ориентация на универсальность и всеобщность. Входящие в империю разные этносы и культуры приобщаются к наднациональным ценностям и взаимодействуют друг с другом. Такой, по мнению Владимира Карловича, была Российская империя в лучшие ее времена (хотя это было далеко не всегда). Так что понятия империи и свободы, по В. К. Кантору, вполне совместимы (он повторяет слова Г. П. Федотова о Пушкине как «певце империи и свободы»).

Я с большим интересом читаю тексты Владимира Карловича о Пушкине, Тургеневе, Достоевском, Гончарове, Толстом. Это исследование философии, воплощенной в литературных произведениях наших классиков.

Да и сам Владимир Карлович, как известно, не только ученый-исследователь, но и интереснейший писатель.

Должен сказать, что чтение работ Владимира Карловича позволило мне во многом по-новому посмотреть на те проблемы, которыми я занимаюсь. Это касается, например, таких вопросов, как судьбы гуманизма в современном мире (в связи с противостоянием ему трансгуманизма и постгуманизма), как проблемы глобализации, мультикультурализма и национализма, как взаимоотношение свободы и ответственности, прав человека и прав культуры и многие другие.

Я поздравляю Владимира Карловича в связи с замечательным юбилеем и желаю ему многих лет плодотворной творческой жизни.

Информация об авторе: Владислав Александрович Лекторский — доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1.

Information about the author: Vladislav A. Lektorsky — DSc in Philosophy, Academician of RAS, Principal Research Fellow at the Department of Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 44–54.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 44–54.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-44-54

ДВА «ДОМА» ВЛАДИМИРА КАНТОРА: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ЛИТЕРАТУРОЙ

Борис Исаевич Пружинин

Институт философии
Российской академии наук,
Москва, Россия, prubor@mail.ru

Татьяна Геннадьевна Щедрина

Институт философии
Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный
университет, Москва, Россия, tannirra@yandex.ru

Ирина Олеговна Щедрина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, semargel@mail.ru

Автор, ответственный за переписку: Борис Исаевич Пружинин

Аннотация. Юбилей философа — это всегда «оглядка» на прошедшее с желанием уразуметь интеллектуальные траектории его творчества. Владимир Карлович Кантор идет по пути писателя-мыслителя, он созидает два «дома» (как и задумал в самом начале своего творческого движения) — Литературу и Философию. Его метод философического «письма» предполагает целостное единство разума и чувствования в уразумении реальности, и потому труды В. К. Кантора вписываются в традицию «положительной философии» на русской почве, включающую идеи П. Д. Юркевича, В. С. Соловьева, Л. М. Лопатина, кн. С. Н. и Е. Н. Трубецких, Г. Г. Шпета и др. Философическое «письмо» В. К. Кантора — это один из вариантов экзистенциальной экологии, которая принципиально человекоразмерна, то есть направлена на исследование того, как человек постигает себя в мире через акты наррации (через повествование). Большинство созданных юбиляром литературных произведений содержат не только метафорическое описание реальности (бытия русской классики), но и философический элемент саморефлексии. В. К. Кантор предлагает тому, кто делает культуру (художнику, поэту, писателю), «изображая, понимать», уразумевать «чувственную мысль» в конкретных исторических контекстах. Авторы статьи последовали этому девизу, обратившись к философской прозе юбиляра.

Ключевые слова: В. К. Кантор, философия, литература, философическое «письмо», экзистенциальная экология

Благодарности. Исследование И. О. Щедриной подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Два «дома» Владимира Кантора: между философией и литературой // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 44–54. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-44-54.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

TWO “HOUSES” OF VLADIMIR KANTOR:
BETWEEN PHILOSOPHY AND LITERATURE

Boris I. Pruzinin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, prubor@mail.ru

Tatiana G. Shchedrina

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, tannirra@yandex.ru

Irina O. Shchedrina

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, semargel@mail.ru

Corresponding author: Boris I. Pruzinin

Abstract. A philosopher’s anniversary is always a “retrospective” on the past with the desire to understand the intellectual trajectories of their work. Vladimir Karlovich Kantor follows the path of the writer-thinker, creating two “houses” (as he envisioned at the very beginning of his creative journey) — Literature and Philosophy. His method of Philosophical “Writing” presupposes a holistic unity of reason and feeling in understanding reality, and therefore, the works of V. K. Kantor fit into the tradition of “positive philosophy” (non-positivism) on Russian soil, including the ideas of P. D. Yurkevich, V. S. Solovyov, L. M. Lopatin, Princes S. N. and E. N. Trubetskoy, G. G. Shpet, and others. The philosophical “Writing” of V. K. Kantor is one of the variations of existential ecology, which is fundamentally human-sized, i.e., directed towards the study of how a person comprehends themselves in the world through acts of narration (through storytelling). Most of the literary works created by the celebrant contain not only a metaphorical description of reality (the being of Russian classics) but also a philosophical element of self-reflection. V. K. Kantor offers to those who create culture (artists, poets, writers) “to understand by depicting,” to comprehend “sensuous thought” in specific historical contexts. The authors of this article followed this motto, turning to the philosophical prose of the celebrant.

Keywords: V. K. Kantor, Philosophy, Literature, Philosophical “Writing,” Existential ecology

Acknowledgments. The research of Irina O. Shchedrina was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Pruzhinin, B. I., Shchedrina, T. G., Shchedrina, I. O. (2025) “Two ‘Houses’ of Vladimir Kantor: Between Philosophy and Literature,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 44–54. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-44-54.

Размышляя о работе исследователя, историка-архивиста, Владимир Кантор поделился однажды впечатлениями из детства: «...следовать за мыслями великого человека есть занятие удивительное, — рассказывал он. — Но, когда исследователь не просто следует за мыслями гения, не просто анализирует их, а воскрешает забытые тексты, реконструирует их, восстанавливает то, что было утрачено и, казалось, пропало навсегда, это занятие особенное. Оно напоминает мне своего рода проявление переводных картинок. Сейчас их уже не увидеть в продаже, стало быть, и не проявить, а когда-то это было любимейшим занятием моих сверстников. Взрослые нам покупали тонкие листочки, на которых сквозь смутную пленку угадывались контуры и краски возможной картинки. Надо было вырезать эту не проявленную картинку, приложить ее к нормальному листу бумаги и, осторожно смачивая водой, тихонько водить по поверхности пальцем. И вот начинали отслаиваться сероватые катышки, защитный слой утончался, и все отчетливее и отчетливее мы могли видеть будущее яркое чудо. Надо было быть только очень осторожным, чтобы, снимая пленку, ненароком не дернуть и не порвать, не уничтожить то, что под ней скрывалось. И если мы проявляли терпение и ловкость, бывали вполне вознаграждены. Как будто из некоего тумана, из белесой неотчетливости вдруг появлялась яркая, цветная и очень радовавшая нас картинка» [Кантор, 2006, с. 444].

Этот образ переводных картинок лежит в основании творчества Владимира Карловича, но особенно ярко такой метод работы проявился в его книге «Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте», где он попытался рефлексивно осмыслить бытие писателя-мыслителя. «Изображая, понимать» — в этой короткой, емкой формуле содержится смыс-

ловое ядро двух «домов» Владимира Карловича — Философии и Литературы. Изображает литература, понимает философия.

«Разве можно художнику собственноручно разрушить данную его глазам и потому подлинную действительность? — писал Густав Густавович Шпет. — Разве есть и разве может быть иная? Ей можно только “подражать”; ее надо творить; она — налицо, за нею — ничто. Изображайте ее, но не обезображивайте. Все ее внутреннее — ее внешнее. Внешнее без внутреннего может быть — такова иллюзия; внутреннего без внешнего — нет. Нет ни одного атома внутреннего без внешности. Реальность, действительность определяется только внешностью. Только внешность — непосредственно эстетична» [Шпет, 2007а, с. 190]. И Владимир Карлович это отчетливо понимает как ориентир своего творчества. Писатель создает образы реальности, а философ, обращаясь к ее осмыслению, сквозь ее образы эту реальность понимает, то есть схватывает ее смысл. В образе не просто «отпечатлевается» реальность, но проступает смысл того, что изображено. В литературе в метафорической форме выражается в Слове то, что затем концептуально «оформливается» в философском Понятии.

Описывая этот процесс как процесс «терминологизации» метафоры, Сергей Сергеевич Аверинцев замечал: «Когда философский термин уже стал философским термином, он тем более однозначен, намеренно фиксирован, стабилен — иначе он не был бы термином. Значит, как бытовое слово, так и термин — предметы малоподвижные, которые “знают свое место” и не дают сдвинуть себя с этого места. Но для рождения термина нужен сдвиг. Если вообразить, будто бытовое слово как таковое может стать термином, получается некое подобие Зеноновой апории о стреле: вот сейчас стрела находится в таком-то месте, в следующее мгновение — в другом месте, а когда же, как же она успела переместиться? Между бытовым словом и философским термином непременно должна лежать зона, в которой слова освобождены от жесткой связи со своим жизненным “местом”, сдвинуты с него, вышли из своих берегов, из равенства себе. Иначе говоря, это зона метафоры. Ведь философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как установленная, фиксированная, застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле» [Аверинцев, 1979, с. 51–52]. Действительно, именно в литературе рождаются слова, «вся полнота смысла которых не раскрывается в повседневном употреблении, но в судьбоносных для народа моментах культурно-исторических поворотов, в ситуациях радикального сдвига в этих повседневных словах вдруг начинает выражаться глубинная суть этих поворотов, отправляющих нас к самим основаниям куль-

туры. И тогда в этих словах проявляются глубинные смысловые оттенки, ставящие их в ранг философских терминов» [Щедрина Т. Г., 2008, с. 21]¹.

И вот эти эпохи социальных сдвигов и политических вывихов, эти «роковые минуты» мира и преобразует Владимир Карлович. Он создает литературу, изображая реальность и понимая ее философский смысл. Понимание — это особый метод, он требует от человека целостного взгляда, и неслучайно в качестве эпиграфа к одной из своих книг Владимир Карлович берет отрывок из романа Достоевского «Бесы»: «Ставрогин: я “почувствовал совсем новую мысль”. — “Мысль почувствовали?” — переговорил Кириллов. — Это хорошо. Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые» [Кантор, 2017, с. 5; Достоевский, 1974, с. 187].

Философическое «письмо» — так можно обозначить эпистемологический стиль Владимира Карловича, а направление, в которое вписываются созданные им произведения, — экзистенциальной экологией, пытающейся ответить на вопрос, как возможно обустроить внутренний дом человека, его душевный и духовный мир (см.: [Щедрина И. О., 2022, с. 74–75]). Вот, к примеру, как сам Владимир Карлович выражает смысл своей первой повести «Два дома»: «Душа человека в нашей общественной сумятице оказывалась без присмотра, да и не интересна. Интереснее сатирически изобразить политбюро или кошмары быта — отсюда чернушная литература, где внешняя обстановка не просто фон нашей жизни, а смысл произведения, хорошая пожива для литературно-общественной публицистики. Поэтому “Два дома” не знали, куда отнести, по какой рубрике. А это был вполне реалистический текст о душе и ее мытарствах» [Кантор, 2020, с. 9]. «Экзистенциальная экология» — понятие, которое подсказали нам, авторам этой статьи, наши исследования в области нарративных практик как познавательных стратегий отечественной экофилософской мысли, — это своего рода форма философского анализа, предполагающего снятие одного смыслового слоя за другим в стремлении «почувствовать» (в данном случае «умом узреть») то, что пытается сказать нам реальность. Философическое «письмо» открывает для читателя и для творца повествования возможность со-чувствия, со-переживания, «открывает» реальность, которая проступает сквозь «белесую неотчетливость» разорванных рацио и чувственности. Да, именно так, как с переводной картинкой: сквозь тончайшую пленку проступает «будущее яркое чудо».

¹ Между прочим, таковы почти все философские категории: пространство, время, мера, качество, количество и т. п. И мы сегодня очень часто употребляем их, не задумываясь о том бесконечно сложном и тернистом пути, который эти термины проделали от простых бытовых, повседневных метафор.

Философическое «письмо» — это особый, всегда авторский род литературного творчества. В «письме» Владимира Кантора можно, конечно, разглядеть и содержательный отклик на чаадаевские социально заостренные «Философические письма», и методологическую манеру «письма» Деррида, открывшего для нас способ «пересборки» словесных единиц для выявления в них новых смысловых нюансов. Но Владимир Карлович не пересобирает словесные единицы, он «переводит» русскую классику (с ее сюжетными линиями, персонажами, поэтикой и философскими беседами) на «язык» проблем современной российской действительности. Таково, к примеру, его повествование «Смерть пенсионера» — опыт «перевода» в современность «Станционного смотрителя». И во всяком случае, «перевод» этот убедительно демонстрирует нам, что классическая русская литература и есть картина «бытия России», ее подлинной культурной и гражданской реальности, которую нужно только умо-зреть за неотчетливой пленкой бытовой жизни.

Философическое «письмо» — это своеобразный опыт создания и анализа реальности, созвучный русской «положительной» философии в ее литературных истоках². «Философский проект, именованный “положительной философией”, принимался очень многими русскими философами, весьма и весьма различавшимися в иных отношениях. В основание “положительной философии” был положен фундаментальный принцип, предполагающий духовный рост и обогащение этой традиции через обращение к историческому опыту отечественной культуры, естественным образом включавшей в себя и религиозные идеи, и моральные установки, и принципы социального устройства общества» [Щедрина Т. Г., 2008, с. 38]. Если «перевести» этот процесс «письма» (как акта наррации) на строгий язык эпистемологии, то речь идет об осмыслении «человекообразных» объектов (или систем), отличающихся исторической изменчивостью. Экзистенциальная экология принципиально человекообразна. Тончайшая пленка, которую важно не порвать, — это и есть возможность со-чувствия, своего рода обращенный через себя к реальности автонарратив: когда я так повествую, я существую.

Уже в самых ранних своих литературных и философских опытах Владимир Карлович обустроивает свои «дома» с большой любовью, творчески преображая сюжеты русской классики. «Творчество — подражание (...) по воспоминанию (...). Поэтому подражание никогда не есть копирование. Воспоминания не было бы, если бы не было забывания. Забывание — кнут творчества, оно взды-

² Шпет определял традицию «положительной философии» на русской почве как «единое, внутренне связанное, цельное и конкретное знание о действительности» [Шпет, 2004, с. 199].

мает на дыбы фантазию. Парящий в пространствах фантазии “центр” напрягается до способности нового рождения, расслоения сконцентрировавшегося, дифференциации» [Шпет, 2007а, с. 188]. «Подражая не копировать, а создавать свое». Подражание — это школа для России. И если мы вспомним, что Владимир Карлович определял топос «дом» как топос «Россия» [Кантор, 2017, с. 301], создавая образ «русского европейца», то насколько созвучен его способ понимания с интерпретацией Г. П. Федотова: «русский европеец (...) дома везде» [Федотов, 1991, с. 178].

Тем не менее Кантор как философ отчетливо осознает границы «своего» и «чужого» и тем самым создает возможность для диалога между людьми, традициями, школами. И он, конечно, поддержал бы Густава Шпета, призывавшего современников-философов обратить внимание на проблемы своей культурной реальности. «Когда наши молодые ученые, — писал Шпет, — ездили в прежнее время на Запад “завершать” свою ученую школу, они слишком часто забывали, что там — только школа, а жизнь — здесь, и для своих самостоятельных работ они нередко выбирали темы и задачи, далекие от наших собственных, и ученых и культурно-исторических потребностей. Считалось, что решение какой-нибудь второстепенной научной задачи, выдвинувшейся в немецкой науке, удовлетворяло и наши культурные нужды. Как будто не хотели признать, что работа даже над первоклассным мастером требовала своего оправдания — или как методологический образец, или как тема, связанная материально с нашею культурою. Никого бы не удивило, если бы у нас появилось, без попыток даже оправдания, специальное исследование о любом второстепенном или третьестепенном мастере, оригиналы которого никогда даже не видели ни читатели, ни ученики, ни коллеги ученого исследователя. Но когда мы оказались “отрезанными” от Запада, побудило ли это нашу науку обратиться к организации работы в сфере собственной нашей культуры? Лишь отчасти» [Шпет, 2007b, с. 154]. Сегодня Владимир Карлович разделяет опасения Шпета. И потому, чтобы содержательно противостоять негативным трендам, он создал исследовательскую лабораторию, где и осмысливает вместе с коллегами и учениками возможные формы русско-европейского диалога, образцы которого находит в русской литературе. Следуя ее традициям, он создает собственные «концептуально-словесные» литературные произведения, где образы и герои живут в философско-литературном междумирье³. Он проявляет для

³ Хотя сегодня некоторые критики (да и сам Владимир Карлович) выделяют «двудомность» как смысловую доминанту его творчества (см.: [Кантор, 2020, с. 5]), мы все же думаем, что эпистемологическая метафора «междумирье» более точно передает фундаментальную онтологическую структуру его философического «письма».

себя и для читателя «переводные картинки» и, вглядываясь одновременно в них как философ, стремится увидеть то, что стоит за изображением. Создавая образы бытия, он пробивается к смыслу реальности как философ.

Список источников

Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Под ред. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1979. С. 41–81.

Достоевский Ф. М. Бесы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. М.: Наука, 1974. Т. 10. 518 с.

Кантор В. К. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 832 с.

Кантор В. К. Переводные картинки, или Целостный образ мыслителя [О книге Т. Г. Щедриной «“Я пишу как эхо другого...”: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета» (М.: Прогресс-Традиция, 2004)] // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 443–446.

Кантор В. К. Что значит быть писателем // *Кантор В. К.* Шум времени, или Быль и небыль. Философическая проза и эссе. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2020. С. 5–13.

Федотов Г. П. Письма о русской культуре // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 163–187.

Шпет Г. Г. К вопросу о постановке научной работы в области искусствознания // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007а. С. 149–163.

Шпет Г. Г. Философия и история // *Шпет Г. Г.* Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 191–200.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007б. С. 175–287.

Щедрина И. О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 174 с.

Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. 391 с.

References

Averintsev, S. S. (1979) “Klassicheskaya grecheskaya filosofia kak yavlenie istoriko-literaturnogo riada” [“Classical Greek Philosophy as a Phenomenon of the

Historical and Literary Series”], in *Novoe v sovremennoi klassicheskoj filologii* [New in Modern Classical Philology]. Ed. by S. S. Averintsev. Moscow: Nauka, pp. 41–81.

Dostoevsky, F. M. (1974) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 10: Besy* [Complete Works: in 30 vols. Vol. 10: Demons]. Moscow: Nauka.

Kantor, V. K. (2017) *Izobrazhaia, ponimat', ili Sententia sensa: Filosofija v literaturnom tekste* [To understand by depicting, or Sententia Sensa: Philosophy in Literary Text]. Moscow; St. Petersburg: TSGI Print.

Kantor, V. K. (2006) “Perevodnye kartinki, ili Tselostnyi obraz myslitelja” [“Decal Pictures, or the Holistic Image of a Thinker”], on T. G. Shchedrina’s book “Ja pishu kak ekho drugogo...’: Oчерki intellektual’noi biografii Gustava Shpeta” [“I Write Like an Echo of Another...’: Essays on the Intellectual Biography of Gustav Shpet”] (Moscow: Progress-Traditsiia, 2004), in *Gustav Shpet i sovremennaia filosofija gumanitarnogo znaniia* [Gustav Shpet and Contemporary Philosophy of the Humanities]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur, pp. 443–446.

Kantor, V. K. (2020) “Chto znachit byt’ pisatelem” [“What It Means to Be a Writer”], in Kantor, V. K. *Shum vremeni, ili Byl’ i ne byl’. Filosoficheskaia proza i esse* [The Noise of Time, or Was and Wasn’t. Philosophical Prose and Essays]. Moscow; St. Petersburg: TSGI Print, pp. 5–13.

Fedotov, G. P. (1991) “Pisma o russkoi kul’ture: v 2 tomakh” [“Letters on Russian Culture: in 2 vols”], in Fedotov, G. P. *Sud’ba i grekhi Rossii. Tom 2* [The Fate and Sins of Russia. Vol. 2]. St. Petersburg: Sofia, pp. 163–187.

Shpet, G. G. (2007a) “K voprosu o postanovke nauchnoi raboty v oblasti iskusstvovedeniia” [“On the Issue of Setting up Scientific Work in the Field of Art History”], in Shpet, G. G. *Iskusstvo kak vid znaniia. Izbrannye trudy po filosofii kul’tury* [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Ed. by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 149–163.

Shpet, G. G. (1998) “Philosophy and History. Translated by I. Martin,” *Philosophical Writings*, 9, Autumn, pp. 40–48.

Shpet, G. G. (2007b) “Esteticheskie fragmenty” [“Aesthetic Fragments”], in Shpet, G. G. *Iskusstvo kak vid znaniia. Izbrannye trudy po filosofii kul’tury* [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 175–322.

Shchedrina, I. O. (2022) *Istoricheskaja pamjat’ i narrativ: jekologicheskie konteksty* [Historical Memory and Narrative: Environmental Contexts]. Moscow–St. Petersburg: Center for humanitarian initiatives.

Shchedrina, T. G. (2008) *Arkhiv epokhi: Tematicheskoe edinstvo russkoi filosofii* [The Archive of Epoch: The Thematic Unity of Russian Philosophy]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторах:

Борис Исаевич Пружинин — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Татьяна Геннадьевна Щедрина — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор Московского педагогического государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Ирина Олеговна Щедрина — кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the authors:

Boris I. Pruzhinin — DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of philosophy of natural Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Tatiana G. Shchedrina — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow of the Department of the History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Professor, Moscow Pedagogical State University. Address: 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.

Irina O. Shchedrina — PhD in Philosophy, Associate Professor of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 55–75.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 55–75.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-55-75

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ: ФЕДОР СТЕПУН О НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМЕ

Нина Анатольевна Дмитриева

Академия Кантиана,
Балтийский федеральный университет
имена И. Канта, г. Калининград, Россия;
Московский педагогический
государственный университет,
Москва, Россия, ndmitrieva@kantiana.ru,
na.dmitrieva@mpgu.su,
<https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Юрген Штольценберг

Галле-Виттенбергский университет
имени Мартина Лютера, Галле (Зале), Германия,
juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de,
<https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

Автор, ответственный за переписку: Нина Анатольевна Дмитриева

Аннотация. В богатом творческом наследии русского неокантианца и русского европейца Ф. А. Степуна практически нет лакун благодаря интенсивным исследованиям Владимира Карловича Кантора, чей юбилей мы отмечаем в 2025 году. Обнаруженный нами текст Степуна «Забытые истины. (О нации и национализме)» (1925) посвящен остроактуальным проблемам нации и национализма в русской культурно-политической и религиозной жизни. Этот текст встраивается нами в общий контекст размышлений Степуна о национальном чувстве, национальном сознании, условиях формирования и существования нации и особенно о деформациях, которые может претерпевать национальное чувство, трансформируясь в различные формы национализма, для Степуна категорически не приемлемого явления. Установлено, что понятие нации у Степуна выражает культурное, религиозное и языковое единство некой общности людей, объединенных той или иной идеей. Показано, что в основе позитивно определенного национального чувства находится любовь «я» к «ты». Кроме того, восстановлен идейно-исторический контекст, в котором происходило оформление позиции Степуна по проблеме национализма. Показана роль В. К. Кантора в возвращении и актуализации интеллектуального наследия Степуна.

Ключевые слова: Федор Степун, Владимир Кантор, русский европеец, нация, национализм, национальное чувство, русская эмиграция

Благодарности. Исследование Н. А. Дмитриевой выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

Ссылка для цитирования: Дмитриева Н. А., Штольценберг Ю. Русский европеец: Федор Степун о нации и национализме // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 55–75.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-55-75.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

RUSSIAN EUROPEAN:
FEDOR STEPUN ON NATION AND NATIONALISM

Nina A. Dmitrieva

Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic
Federal University, Kaliningrad, Russia;
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
ndmitrieva@kantiana.ru, na.dmitrieva@mpgu.su,
<https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Jürgen Stolzenberg

Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany,
juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de,
<https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

Corresponding author: Nina A. Dmitrieva

Abstract. The rich intellectual heritage of the Russian neo-Kantian and Russian European Fedor Stepun has hardly any lacunas thanks to the intensive research of Vladimir K. Kantor. The 1925 text “Forgotten truths. (On Nation and Nationalism)” by Stepun that we have discovered is devoted to the acutely topical problems of nation and nationalism in Russian cultural, political and religious life. We place this text in the general context of Stepun’s reflections on national feeling, national consciousness, the conditions of formation and existence of the nation, and especially on the deformations that national feeling can undergo, transforming into various forms of nationalism, a phenomenon categorically unacceptable to Stepun. We found that Stepun’s concept of nation expresses cultural, religious and language unity of a certain community of people united by one or another idea. We show that the basis of positively defined national feeling is the love of ‘I’ to ‘you.’ In addition, the ideological and historical context in which Stepun’s position on the problem of nationalism was formed is restored. We show the role of Vladimir Kantor in the research of Stepun’s heritage.

Keywords: Fyodor Stepun, Vladimir Kantor, Russian European, nation, nationalism, national feeling, Russian emigration

Acknowledgments. The research of Nina A. Dmitrieva was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00651 “Ontology of the nation in Russian neo-Kantianism,” <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

For citation: Dmitrieva, N. A., Stolzenberg, J. (2025) “Russian European: Fedor Stepun on Nation and Nationalism,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 55–75. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-55-75.

На заре нового тысячелетия среди множества ярких интеллектуальных событий одно запомнилось особенно ясным и чистым звучанием: появление книги Владимира Карловича Кантора о русском европейце [Кантор, 2001]. В российский интеллектуальный обиход триумфально вернулось понятие, введенное А. И. Герценом [Герцен, 1956, с. 101, 231] и содержательно переосмысленное Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым [Кантор, 2001, с. 5–6, 11]. Вместе с этим понятием вернулось в Россию почти забытое к тому времени имя: Федор Августович Степун (1884–1965). Родившийся и выросший в Москве в немецкой семье потомственных почетных граждан России, Степун всей своей жизнью и всем своим творчеством как бы «снимал» обозначенную Герценом антитезу между «московским панславизмом» и «русским европеизмом». Согласно характеристике, данной учеником Степуна Хайнрихом А. Штаммлером¹, — ее приводит В. К. Кантор в своем предисловии к первому² наиболее полному сборнику [Степун, 2000], объединившему работы Степуна как дореволюционного, так и межвоенного и послевоенного периода, — «по всему своему существу он был... олицетворением того не очень распространенного человеческого типа, который называется русским европейцем — определение, в котором прилагательное столь же важно, как и существительное» [Штаммлер, 2017, с. 740].

Выпускник *немецкого* (Гейдельбергского) университета, одного из оплотов модного и влиятельного неокантианства, Степун в 1910 году успешно защитил в том же университете у неокантианского сcholарха Вильгельма Виндельбанда диссертацию о *русском* философе В. С. Соловьеве [Дмитриева, 2007, с. 152, 157]. И впредь «он писал прежде всего о России, хотя *немецкий* опыт был также его постоянной проблемой, более того, *грунд*фоном его *российских* размышлений»

¹ О том, что Хайнрих А. Штаммлер (1912–2006), профессор славистики Канзасского университета, и Андрей Штаммлер, автор «Федор Августович Степун. In memoriam» в «Новом журнале» (1966, № 82), — одно лицо, см. в рецензии Г. П. Струве: [Struve, 1973, p. 209].

² На год раньше вышел сборник [Степун, 1999], в который А. А. Ермичевым были включены только работы, написанные и опубликованные после 1922 года, — года высылки Степуна из Советской России.

[Кантор, 2000, с. 4]. В этом и заключаются две тематические особенности его творчества: «самоанализ национальной специфики» в сопряжении с осмыслением «общеевропейского контекста» [Кантор, 2000, с. 8]. Доминанта первой у Степуна очевидна — это альфа и омега всех его работ, включая автобиографические. В одной из ранних своих статей Степун указывает, что эта тема — «специфически романтическая», то есть восходит к рефлексиям немецких романтиков об «особой задаче и особом назначении каждой национальности» и о «народе как сокровенном источнике национального творчества» [Степун, 2000e, с. 38]. И в дальнейших своих работах Степун неизменно касается или хотя бы оказывается вблизи этой темы. Но что же он понимает под «нацией», «национальным» и «национальностью»?

Ответить на этот вопрос непросто, потому что размышления Степуна об этих понятиях рассредоточены по различным работам, посвященным хотя и близким темам, но не касающимся этого вопроса напрямую. До сих пор во всех современных сборниках его сочинений присутствует только одна небольшая поздняя статья, в названии которой заявлены интересующие нас понятия: «Нация и национализм». Впервые она была опубликована в «Вестнике РСХД» в 1965 году, в год смерти ее автора [Степун, 2000d]. В ней Степун сейсмографирует тенденции, которые наметились в русском зарубежье в первой половине 1960-х годов в ландшафте Европы, протрезвевшей в катастрофе Второй мировой войны («озлобленное отрицание национального начала», вменение «национальным чувствам» ответственности за развязывание Первой и Второй мировых войн [Степун, 2000d, с. 941]), и которые можно выразить в отношении русской эмиграции одним емким словом: «денационализация» [Степун, 2000d, с. 941]. А также он дает определения, необходимые, но, правда, не всегда исчерпывающие для раскрытия его позиции в отношении этого «гнезда» понятий. Поэтому для реконструкции их содержания мы будем обращаться и к другим сочинениям русского мыслителя.

В статье 1965 года Степун определяет нацию как «своеобразно-соборный облик многоликой человеческой культуры»³. Чтобы разобраться, что он вкладывает в это определение, обратимся к «Очерку X» из цикла «Мысли о России», вышедшего в «Современных записках» в 1928 году. В нем Степун дает определение культуре и нации и показывает их взаимосвязь. Культурой он называет «творческое запечатление религиозной жизни», а нацию полагает субъектом культуры, ее творцом «в лице своих отдельных представителей»; в свою очередь нация в этом очерке определяется как «особый дух и стиль видимо-

³ О понятии соборности и его связи с культурой у Степуна см.: [Загирняк, 2019].

го обличения вещей невидимых» [Степун, 2000с, с. 370]. Таким образом, Степун определяет нацию не этнографически, а духовно, то есть через ее культурную специфику, которую сводит по крайней мере в этом очерке «к качественным особенностям религиозных переживаний отдельных народов» [Степун, 2000с, с. 370]. Конкретно России такую культурную специфику придает православие [Степун, 2000с, с. 370], причем Степун подчеркивает его культурно-политическое значение для формирования русской нации, нежели сугубо религиозное. Предвосхищая вопрос о полиэтничности России и бытовании в ее пределах разных религий и разных христианских конфессий и одновременно признавая «принципиальную разноценность для России составляющих Россию народностей», Степун вводит еще один критерий культурной специфики, определяющей нацию: язык. Именно русский язык — тот язык, на котором «естественно писать» не только «Чехову, Бунину и Горькому», но и «Каролине Павловой (урожденной Яниш), Сейфуллиной и Минскому», что позволяет Степуну сделать вывод о русском народе как *основном народе* российского государства (почему-то он пишет именно о государстве, хотя весь контекст выстроен для обсуждения понятия нации) [Степун, 2000с, с. 375–376].

Для пояснения того, что Степун понимал под «своеобразно-соборным обликом» нации, можно привести его слова о нации, опубликованные в статье 1933 года из «Новоградского цикла» под свежим впечатлением от прихода Гитлера к власти: «Нация есть прежде всего *круговая порука и круговая ответственность*», поэтому «каждый ее член отвечает за ошибки и грехи других, как за свои собственные» [Степун, 2000а, с. 375–376].

В уже известной нам статье 1965 года Степун строго разводит понятия нации и национализма, пользуясь ярким сравнением Соловьева: «нация относится к национализму, как личность к эгоизму»⁴ [Степун, 2000d, с. 941; Кантор, 2010b, с. 41–45]. Этой же «пропорцией» из разряда «забытых истин» открывает Степун и свою более раннюю статью [Степун, 1925], вышедшую в газете «Дни» и публикуемую нами в приложении⁵. Здесь так же, как и позднее, в статье 1965 года, Степун связывает оба эти понятия с чувством любви («любовью к родине») и сразу же предостерегает от отождествления патриотизма (любви

⁴ Ср. высказывание об этом Соловьева в его «Открытом письме к И. С. Аксакову» (1884): «...самоотречение, как нравственный подвиг, всегда есть высшее проявление духовной силы и для отдельного лица, и для целого народа. Если личное самоотречение не есть отречение *от личности*, а есть отречение *лица* от своего эгоизма, то точно так же и национальное самоотречение не есть отречение *от национальности*, или народности, а есть отречение *народа*, или нации, от своего национального эгоизма, или национализма» [Соловьев, 1914, с. 47].

⁵ Эта статья на протяжении последующих ста лет ни разу, как нам удалось установить, не републиковалась. Ее анализ-пересказ имеется в кн.: [Hufen, 2001, S. 191–196].

к родине) и национализма, метко замечая, что патриотизм бывает без всякого национализма, а национализм, «пламене[ет] не столько любовью к родине, сколько к своему привилегированному положению в ней» [Степун, 1925, с. 2]. И далее Степун анализирует случаи «националистической деформации», сопряженные с национальным чувством: национализм представляет собой «некое искажение, некую ложную экзаменацию и воинственное заострение здоровой любви к родине» [Степун, 1925, с. 2]. Раскрывая, в чем именно заключается «искажение» и ложь национализма, Степун демонстрирует его связь с такими понятиями, как «морализм, эстетизм, эгоизм... и т. д.», где «-изм» «определенно указывает... на некое грешное возвеличение относительностей ценности до значения абсолютного начала» [Степун, 1925, с. 2].

В связи с этими размышлениями обращает на себя внимание то, что первыми двумя — морализмом и эстетизмом — Степун характеризует героя одного из своих очерков в цикле «Мысли о России». Речь идет о «черносотенном персонаже», или, как его иначе называет Степун, «предельном обывателе» из «Очерка IV», опубликованного в 1924 году, то есть этот очерк как бы предваряет тематику статьи о нации и национализме в газете «Дни». В очерке черносотенный персонаж предстает как «примиритель эстетических и этических устремлений»: в нем встречаются, дополняя друг друга, «ограниченность нравственного дарования» и «снобистически-цинический» культ «стильной вещи», предметом которого может служить и сам носитель этого культа [Степун, 2000b, с. 243–244], так что человек низводится таким персонажем до положения вещи. И хотя в очерке еще не звучат слова «эгоизм» и «национализм», но в газетной статье они логично дополняют ассоциативный ряд понятий и занимают свое законное место в указанном контексте.

В этом же ряду возможных и наличных в политической жизни русской эмиграции искажений национального чувства стоит упомянутый Степуном в статье 1925 года «шатовский национализм» [Степун, 1925, с. 5]. Надо сказать, что Шатов, один из центральных героев «Бесов» Достоевского, довольно часто появляется на страницах произведений Степуна. Возможно, впервые Степун написал о нем еще в России, в 1913 году: «Шатов в Бога не верует. Он верует в Россию, в ее православие, в тело Христово, верует, что пришествие свершится в России, верует, наконец, и в то, что он *будет веровать* в Бога... В сущности, Шатов не верует, а лишь верует, что он верует, т. е. верует не в Бога, а лишь в свою веру в него» [Степун, 2000f, с. 844]. В своей немецкой брошюре о Достоевском он указывает, что у Шатова есть идея — «идея религиозно обоснованного национализма. Шатов верит в “избранный” русский народ, в его призвание привести человечество ко Христу» [Stepun, 1950, S. 48–49]. Как указывает

В. К. Кантор, эту идею Иван Шатов привез «с Запада, выдумал ее там, как противовес неприемлемому для него западному образу жизни» [Кантор, 2010а, с. 286]. «Не ясно ли, что религия Шатова еще не христианство, а лишь религиозно окрашенный русский мессианизм?» [Степун, 2000g, с. 638] — вопрошает Степун в другой своей статье и поясняет, что «Шатов, душа которого — прирожденная христианка, почитает Божьим Телом не Тело Иисуса Христа, а тело русского народа», и потому «шатовщина все же ближе к языческому национализму германцев, и в особенности Гитлера, чем к православно-национальной историософии Достоевского» [Степун, 2000g, с. 638–689]. Степуну, знакомому с нацизмом не понаслышке, глубоко претил даже намек на «идею биологически обосновываемого национализма» [Степун, 2000а, с. 493].

По завершении интенсивной критики разного рода национализмов Степун и сам замечает, что обделил своего читателя позитивным определением «правильного... национального чувства. Но сущность этого чувства в любви» [Степун, 1925, с. 5]. От дальнейших рассуждений по этому вопросу Степун в статье 1925 года воздерживается, но немного расширяет свою характеристику этого чувства в статье 1965 года: «личность [а значит, и нация]... рождается в любви к некоему Ты... и крепнет в служении ему» [Степун, 2000d, с. 941]. Сам Степун в этом фрагменте ссылается на Вячеслава Иванова и его «Ты еси» [Иванова, 1979, с. 264], но нам слышится здесь отголосок всей традиции философии диалога, берущей свои истоки, не в последнюю очередь, в философиях Г. Когена и М. Бубера [Dmitrieva, 2020; Дворкин, 2020] и получившей к моменту написания этой статьи большую известность в мире. Через узнавание и признание «ты» со стороны «я», «ты» получает статус существующего, а через него и «я» утверждает себя в собственном существовании, собственной инаковости и в то же время неразрывной связи с «ты». Если считать эту нашу экспликацию отношения «я» и «ты» верной, то мы выходим на понимание того, что вкладывал Степун в свою концепцию национального чувства. Казалось бы, неочевидный тезис о том, что личность (=нация), рожденная в любви к «ты», не может быть эгоистичной, Степун в статье 1965 года поясняет словами Ф. М. Достоевского, которые повторяет на четырех страницах статьи дважды: «Быть русским значит быть всечеловеком» [Степун, 2000d, с. 941, 943].

Степун не идет дальше в своем анализе концептов нации и национализма, а обращается к их конкретно-историческому функционированию в культурном пространстве России и Европы. Он вполне разделяет «диагноз» славянофилов в отношении «все более стареющей» Европы: «утрата западно-европейской культурой начала духовной целостности» [Степун, 2000d, с. 943], но обосновывает его весьма неожиданными аргументами, явно позаимствован-

ными из знаменитого доклада М. Вебера «Наука как призвание и профессия» (1918). Степун воспринимает веберовский текст как своего рода психограмму стартовых условий современности, которые ко времени написания статьи проявились в полную силу: диктат «духа отвлеченной рационалистической науки» во всех европейских странах привел, по мнению русского мыслителя, к тому, что европейская культура стала жить, подобно науке, «последним ею сказанным словом» [Степун, 2000d, с. 942] (ср.: «всякое совершенное исполнение замысла в науке... по своему существу желает быть превзойденным» [Вебер, 1990, с. 712]), хотя — и в этом отличие духа науки «от духа искусства и религии», как полагал и Вебер, — «Данте не поколебал положение Гомера, как и Гете не поколебал положение Данте...» [Степун, 2000d, с. 942]. Степун, однако, диагностирует перенос на остальные сферы культуры характерных аспектов этоса современной науки (в частности, «строжайшая специализация» с ее требованием к ученому быть узким «специалистом» и только в таком качестве — «личностью» [Вебер, 1990, с. 708, 711]; редукция «смысла» науки к технике овладения жизнью и исключение из нее вопросов о смысле существования или ценности жизни как таковой [Вебер, 1990, с. 720]). Он сожалеет, что «деспотия последнего слова оказывает большое влияние... на стиль и дух всей современной жизни: из нее все заметнее и быстрее исчезают личности и в ней все быстрее и быстрее нарождаются специалисты. Этим ученым специалистам мы обязаны всеми внешними усовершенствованиями нашей жизни⁶, но и исчезновением из нее личности и всеобещающих целостных постижений, без которых мы и в научном свете двигаемся, как впотьмах» [Степун, 2000d, с. 942].

Вернемся, однако, к вопросу о национализме, а точнее — о русском национализме в его постановке Степуном. Некоторое отступление в сторону нам было необходимо для того, чтобы понять, в чем именно видел Степун «закат» Европы и почему критика в ее адрес ни у него, ни у близких ему по духу мыслителей, от Соловьева до Бердяева или Федотова, «никогда не превращалась в заносчивое отрицание Запада» [Степун, 2000d, с. 943]. Убежденный в том, что «корни европейской культуры таятся в христианстве с его двумя Ветхими Заветами: еврейским и античным» [Степун, 2000d, с. 942], Степун надеялся, что русские эмигранты, будучи людьми «живой, творческой веры», смогут помочь Европе вернуться к ее истокам, потому что «подлинное христианство по духу... сверхнационально» [Степун, 2000с, с. 376].

В заключение можно утверждать, что наднациональный смысл «русского европеизма» замешан на глубоком национальном чувстве, которым обладает

⁶ Ср: [Вебер, 1990, с. 328–329].

«носитель высшей русской культурной мысли, (...) ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей» [Кантор, 2001, с. 6]. Сто лет назад зазвучавшая у русского европейца Федора Степуна национальная тема применительно к России была со всей ее «фонетической чистотой и нравственной серьезностью» подхвачена Владимиром Кантором, которого по праву можно назвать хранителем высших смыслов русской культуры, многие творческие годы настойчиво возвращающим их в российский актуалитет.

Забывшие истины. (О нации и национализме)⁷

I.

Еще Шопенгауэр утверждал, что печальная судьба всякой истины заключается в том, что, появляясь на свет в форме парадокса, она покидает его в форме тривиальности⁸. В известном смысле великий пессимист был прав. Для бессмертной истины осуществление в жизни является, конечно, своеобразною формою смерти. Но как все в жизни, так и правильное ощущение Шопенгауэра имеет и свою обратную сторону; превращение парадокса в тривиальность, в не требующую доказательства, *обжитую* очевидность есть не только печальный акт снижения истины, но и акт возвышения жизни.

Если бы все те истины, которыми мы бессознательно живем изо дня в день, вдруг предстали перед нами теми парадоксами, какими они впервые вошли в управление миром, — наша жизнь немедленно превратилась бы в сплошную ложь. Как ни скорбно с точки зрения истории идей превращение парадоксов в тривиальности, — с точки зрения жизни вдвое страшнее обратное: превращение тривиальностей снова в парадоксы.

Казалось бы, что после той, совершенно исключительной по своему блеску, защиты национального лица России от посягательств славянофильского национализма, которой Владимир Соловьев принес в жертву не одну, оставшуюся ненаписанной, главу своей философской системы, снова подымать старый вопрос о взаимоотношении понятий нации и национализма, вещь излишняя и никому ненужная. Казалось бы, что начертанная Соловьевым пропорция: нация относится к национализму, как лицо к эгоизму, и его (связанное с нею) определение национализма как *национального эгоизма*⁹ должны были бы быть известны и памятливы всем тем, что ныне снова защищают идею

⁷ Публикуется по изданию: [Степун, 1925]. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Публикация и примечания Н. А. Дмитриевой и Ю. Штольценберга.

⁸ См.: [Шопенгауэр, 1993, с. 130; Степун, 2000, с. 235].

⁹ См.: [Соловьев, 1914, с. 47; Степун, 2000b, с. 941].

национализма как главную ось будущей русской культуры. Нельзя же в самом деле проповедовать религиозно-культурный легитимизм¹⁰ и беззаботно и беспамятно проходить мимо явлений такого значения, как пройденный Соловьевым творческий и жизненный путь.

Казалось бы нельзя... но вот проходят, пробегают, и пробегают с удивительной самонадеянностью. На все лады взывают ныне многие (не слишком ли многие!) к национализму, делая вид, что они проповедуют всего только такие прекрасные и бесспорные истины, как любовь к родине и освобождение ее.

Всякую терминологию можно, конечно, индивидуализировать, но насиловать (по крайней мере безнаказанно) ее нельзя. Любовь к родине, ощущения своей духовной, культурной и бытовой погруженности в национальную стихию — есть нечто совсем иное, чем национализм. Возможен патриотизм, лишенный всякого национализма, и обратно: национализм, пламенеющий не столько любовью к родине, сколько к своему привилегированному положению в ней. Я очень хорошо чувствую, что пишу невероятные тривиальности, но что делать, если идея антинационалистического патриотизма ныне уже снова представляется каким-то бессмысленным парадоксом, логически порочным *contradictio in adjecto*¹¹?

Спор о словах почти никогда не бывает только спором о словах. За внешним разноречием, в конце концов, всегда таится внутреннее разногласие. Слова совсем не ярлыки, которые можно наклеивать на любые вещи; они сами вещи, весьма определенные духовные реальности. У каждого слова за спиной своя история, своя судьба; все они излучают определенный мир эмоции и ассоциации. Но мало того: многие слова живут в стихии языка не одиночками, а стаями, гнездами, в определенной связи с другими, им близкими и с ними связанными. Так органически связаны между собою такие привычные уху термины, как морализм, эстетизм, эгоизм, национализм, и т. д. Во всех них окончание *изм* определенно указывает на вредное заострение некой правды и подлинности, на некое грешное возвеличение относительностей ценности до значения абсолютного начала.

Безусловное значение морали — вне всяких сомнений, но морализм, к которому так легко и привычно присоединяется термин «узкий», представляет собою уже нечто иное, не только положительное, но и преизбыточность морального чувства и отрицательное: какую-то чрезмерность, неправомерный захват им неподвластных морали областей жизни. С морализмом мы легко и

¹⁰ В газетном наборе ошибка: «лигитизм». Слово восстановлено по смыслу.

¹¹ Противоречие в определении (*лат.*).

привычно связываем представление о тенденциозности в искусстве, о мертвом педагогизме в жизни, о принципиальном бессердечии и даже ханжестве.

Аналогично обстоит дело и с эстетизмом. Сущность эстетизма совсем не в любви к искусству, а в отрицании всего, кроме искусства. Искусство само по себе отнюдь не враждебно ни Богу, ни нравственности, ни политике: но эстетизм всему этому определенно враждебен. Характерно, что большие художники всегда были чужды всякому эстетизму; эстетствовали лишь такие определенно неполновесные таланты, как Уайльд, Д'Анунцио, Альтенберг, Северянин и др.

В слове «национализм» окончание «изм», звучит еще гораздо ядовитее, чем в приведенных примерах. Национализм отнюдь не означает простой, крепкой любви к родине... Под словом «национализм» мы определенно понимаем некое искажение, некую ложную экзаменацию и воинственное заострение здоровой любви к родине. Для националистически окрашенного патриотизма глубоко характерно или принижение понятия родины до какой-нибудь определенной социально-политической формы ее бытия, или, наоборот, утверждение его превыше всего остального, превыше добра и даже... Бога.

Запретить употреблять термин «национализм» в другом смысле, запретить подразумевать под ним всего только любовь к родине и к соотечественникам, никому, конечно, нельзя, но и отделаться от неприятного впечатления, что такое толкование национализма не только *лингвистическая бестактность*, но и определенная *политическая тактика*, тоже весьма трудно.

Парадоксальное употребление привычных уху и обжитых в языке слов в конце концов всегда насилие над их смыслами, над их душами. А от насилия над душами слов недалеко и до насилия над человеческими душами.

II.

Две любви бессмертны в душе человека. Первая — эта любовь к своей земле, к своему дому, к своему порогу, к своей родине. Вторая любовь — это любовь к чужому небу, к вольной дали, к пути-дороге, к чужбине. При всей противоположности обеих любвей они как все противоположности тесно связаны друг с другом. Только из родного угла может сердце последней тоской вдруг встосковать о дали; и только в скитаниях обретаем мы дом. Сложная диалектика этих чувств бесконечно усложнена сейчас в душах русских людей. *Обе любви слиты в нас в одну неделимую*. Россия всем нам сейчас и дом, и дальний порог, и дорога, мы чувствуем ее и как родину на чужбине, и как чужбину на родине, и любим ее потому тою новою, страстною, тоскующею любовью, в которой спасем, быть может, не только наши скитания души, но и ее — Россию.

Бытие и любовь связаны между собой глубочайшею метафизической связью: только тем и держится мир, что он любим Богом, и только потому дьявол и есть небытие, что он при всех своих соблазнах никем не может быть любим.

Сейчас на Россию направлены самые темные силы мира; их воля — опрокинуть Россию в небытие; они уничтожили ее имя; они борются с ее сокровенною духовною сущностью — с ее церковью и культурой; они насильственно перечеркивают и перекраивают пластический образ ее душевной и бытовой жизни.

В таких условиях любовь к России перестает быть *только нашим естественным чувством*, нашим неоспоримым правом, лирикой нашей души, она превращается в наш *нравственный долг*, в *метафизическую функцию спасения духовного лица и бытия России* от большевицкой воли к ее небытию.

Но кроме этой верховной задачи перед русским национальным сознанием стоят, или во всяком случае завтра же встанут и другие, быть может, менее значительные, но зато и более конкретные задачи.

Направленная на свержение «старого режима» творческая воля русской революции, естественно, не могла быть к нему абсолютно справедлива. Правильно чувствуя, что Россия давно переросла царский режим, революционная воля, быть может, недостаточно чувствовала ту историческую даль, из которой он вырос. Справедливо борясь против «помещичьего феодализма», она часто несправедливо забывала, что с помещичьим феодализмом как-то связана и русская культура: помещичья философия и помещичья литература. Тысячу раз правая в своей защите «социальных низов» и «национальных меньшинств», она все же явно недооценивала страшной, с первых же месяцев революции обнаружившейся трудности соединения этого равнения на «низы» и «меньшинства» с ревностным служением тому российскому великодержавию, в котором, очевидно, заключался исторический смысл миновавшей эпохи.

Насколько эта несправедливость на пути к революционной победе была неизбежна, а потому в известном смысле и права, настолько же она сейчас, после того как революция достигла своей цели, и излишня, и недопустима, и вредна. Долгие годы вся оппозиционная Россия только и жила ожиданием смены политической формы правления; теперь эта смена произошла, и наше внимание естественно направляется на то *вечное содержание: Россия*, при котором она происходила. Социально-политический интерес невольно заменяется *национальным*.

Многие ныне отчетливо сознают, что политическая революция в своем безудерже смела на своем пути много таких духовных и культурных ценно-

стей, на которые она *никогда не посягала*; и многие чувствуют, что социально-политическая революция сможет оставаться правдой или, вернее, снова стать таковой только в том случае, если она в ближайшее же время *осложнится национально-культурною контрреволюцией*. Обострение и повышение национального чувства право таким образом не только перед лицом большевицкого безумия, но и [...] ¹² [на]ции.

Но оно право еще и иначе; не только своею историческою правдой, но и своею непосредственной понятностью. Как здоровые, мы не чувствуем своего здоровья и счастливые — своего счастья, так, живущие благоустроенною национальною жизнью, не чувствуем мы и родины.

Сейчас эта жизнь разбита. Родина как внешняя жизнь, *как быт* у всех у нас отнята, но тем самым только глубже дана нам как наше *внутреннее бытие*. Скрытая от наших глаз как явление пространственной трехмерности, загнанная в два измерения души и как бы непомещающаяся в них, она разрывает душу безмерной тоской и, утверждаясь в ней образом вечности, обретает некую религиозную санкцию.

В свете этой тоски образ отошедшей России невольно перелицовывается на бело. Страдания, которые она приняла, создают вокруг нее ореол мученичества. Ее недостатки и даже тяжкие преступления ступшеваются в памяти. Пластический рельеф ее быта приобретает магическую власть над душой; и во всех этих чувствах есть большая внутренняя правда.

Пусть социологически тысячу раз верно, как это часто подчеркивалось в республиканско-демократической прессе, что структура большевицкого строя имеет много общего с самодержавием, но всякой национально настроенной душе сейчас, естественно, глубоко неприятны эти параллели; не время как-то говорить о сходстве двух братьев, из которых один качается на виселице, а другой пляшет под ней.

Пусть верно и то, что на помещичьем классе лежит не только ответственность, но и тяжелая вина перед Россией, но сейчас, когда только что отпыхали усадьбы и невредимыми вышли из огня только написанные Тургеневым и Толстым, больно и неприятно читать о «черносотенных преступниках» и «помещичьих зубрах». И т. д. и т. д.

Пока *сила* все еще в руках *третьего интернационала*, та *правда*, которая сильнее всякой силы, *не может не быть окрашенной в определенные национальные тона*.

¹² Здесь типографская ошибка: утрачены несколько слов, вместо которых повторно дается строка «перед лицом большевицкого безумия, но и».

Каким-то своеобразным бытовым реставраторством заражены сейчас даже многие стоящие на советской службе интеллигенты, вчерашние безбытники. Слышно, что они весьма гордятся, что всюду по старым планам ремонтируются *старинные здания*, что они на последние деньги покупают гарднеровский и поповский фарфор и, выезжая иной раз по знакомству в какой-нибудь совхоз, дают громадные «на чай», чтобы соблазнить застрявшего на старом месте кучера, покруче собрать пристяжных на галопе.

Что, снявши голову, по волосам не плачут, верно только в порядке рационально-императивном, в порядке же иррациональном, сердечном, верно как раз обратное: все мы, снявши голову, сейчас горько плачем по волосам, и глумиться над этими слезами никому не приходится.

Я знаю, что, дав определение национализма, я *не определил* природы национального эроса, правильного и правого национального чувства. Но сущность этого чувства в любви. Любовь же, все определяя собой, сама неопределима.

Не надо быть особенно внимательным наблюдателем нашей эмигрантской жизни, чтобы ясно видеть все те препятствия, которые предстоит преодолеть подлинно национально настроенной России, чтобы не скатиться в бездну антинационального национализма.

Очень близки к этому скату все те, что, не владея столь неизбежным в наше сложное время искусством углубленного самоанализа, наивно и некритично переливают свои воспоминания о прошлом в мечты о будущем, чем сразу убивают как бессмертную правду прошлого, так и нарождающуюся правду будущего. Сколько бы ни утверждали эти лирики от политики, собирающиеся по памяти реставрировать Россию и любящие называть себя «*активными националистами*», что они только и мечтают послужить делу возрождения России, они служат как раз обратному.

У всей России есть сейчас, в сущности, только одно дело: свержение той анти-России, которая господствует в Кремле. Это свержение требует прежде всего объединения всех русских сил, или иначе, *примирения* всех России; и прежде всего двух главных: дореволюционной (монархической) и пореволюционной (демократической). После всех тех искупительных страданий, что выпали на долю дореволюционной России, примирение с нею легко: злобствовать о ее грехах сейчас позорно, помнить же о том положительном, что было все же с нею связано — обязательно. Но, конечно, примирение с дореволюционной Россией возможно только, как с *покоящейся в усыпальнице истории*. Ее относительная правда обнаружилась ведь только через ее смерть; вместе с ее возрождением не сможет не *возродиться и та ложь, которая привела ее к гибели*.

Примирение с этой ложью для всей пореволюционной России *невозможно*: оно было бы для нее равносильно отмене своего собственного бытия. А так как в этом примирении наша главная национальная задача, то ясно, что национализм сейчас определенно антинационален, национально вреден.

Не надо, однако, думать, что националистическое принижение понятия России до монархической формы ее социально-политического бытия овладевает ныне душами исключительно только на путях примирительного реставраторства. Как это на первый взгляд ни странно, как ни парадоксально, но внимательному взору совершенно ясно, что националистическим заострением национальных чувств питается ныне не только борьба с большевизмом, но и *примирение с ним*. Не только идеологи сменовеховства (и прежде всего Устрялов), но в последнее время быть может и некоторые теоретики евразийства явно склоняются в сторону большевизма ради его великодержавного, империалистического пафоса. Крайне интересно и то, что, обретя в православии ту единственную идею, которую национальная Россия может противопоставить коммунизму, евразийцы обнаруживают весьма опасную склонность считать русского татарина-мусульманина в каком-то смысле лучшим христианином, чем западно-европейского католика. Повышая национальное до революционного, они снижают таким образом религиозное до простого атрибута национального, впадая тем самым в порочный круг шатовского¹³ национализма.

Все эти лишь бегло намеченные мною националистические деформации представляют собою весьма серьезную опасность для национального возрождения России. Ввиду той силы, с которой в ближайшее время безусловно зазвучит, должна зазвучать национальная тема в России, не может быть более существенной задачи, как напряженно следить за фонетической чистотой и нравственной серьезностью ее звука.

Ф. Степун

Список источников

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Герцен А. И. Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie; О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 7. С. 5–263.

¹³ Здесь типографский брак, затрудняющий прочтение. Слово реконструировано из общего дискурса межвоенных работ Степуна [Stepun, 1938/1939, S. 487; Люкс, 2018, с. 295; ср.: Кантор, 2013, с. 61–62] и примерного количества и образа букв.

Дворкин И. С. Место идей Германа Когена в философии диалога // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 4. С. 62–94.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 512 с.

Загирняк М. Ю. Специфика обоснования социальных феноменов в философии культуры Фёдора Степуна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 85–92.

Иванов В. И. Ты еси // Иванов В. И. Собрание сочинений в 4-х т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, с введением и примеч. О. Дешарг. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. С. 262–268.

Кантор В. К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: Очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010а. 422 с.

Кантор В. К. Владимир Соловьёв о соблазне национализма // Соловьёвские исследования. 2010b. № 4 (28). С. 35–47.

Кантор В. К. Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры. Очерки. М.: Научно-политическая книга, 2013. 654 с.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 704 с.

Кантор В. К. Ф. А. Степун: русский философ в эпоху безумия Разума // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 3–33.

Люкс Л. Деятельность Федора Степуна в немецкой эмиграции на примере его статей в журнале «Хохланд» (1924–1940 годы) // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 2. С. 284–298.

Соловьёв В. С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоизд. Т-во «Просвещение», 1914. Т. 5: (1883–1892). С. 3–156.

Степун Ф. А. Германия «проснулась» // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000а. С. 482–495.

Степун Ф. Забытые истины. (О нации и национализме) // Дни (Париж). 1925. № 806, 20 сентября. С. 2, 5.

Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк IV // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000b. С. 234–257.

Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк X // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000с. С. 352–376.

Степун Ф. А. Нация и национализм // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000d. С. 940–944.

Степун Ф. А. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000e. С. 38–57.

Степун Ф. А. О «Бесах» Достоевского и письмах Максима Горького // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000f. С. 837–848.

Степун Ф. А. О «Бесах» и большевистская революция // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000g. С. 627–640.

Степун Ф. А. Чаемая Россия / сост. и авт. послесл. А. А. Ермичев; ред. В. Н. Немнонова. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. 475 с.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1 // Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии: Пер. с нем. / Ин-т философии. М.: Наука, 1993. С. 125–502.

Штаммлер А. Ф. А. Степун // Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В. К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 732–742.

Dmitrieva N. A. Hermann Cohen's Ethical Ideas in the Works of Boris Pasternak // Russian Studies in Philosophy. 2020. Vol. 58, no. 4. P. 279–291.

Hufen Ch. Fedor Stepun: ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa; die Jahre 1884–1945. Berlin: Lukas-Verl., 2001.

Stepun F. Die Kirche der Selbstmörder // Hochland. 1938/1939. Jg. 36, H. 1. S. 472–488.

Stepun F. Dostojewskij. Weltanschauung und Weltanschauung. Heidelberg: Carl Pfeffer Verlag und Heidelberger Gutenberg-Druckerei, 1950.

Struve G. [Rev.:] Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. By Robert C. Williams // Slavic Review. 1973. Vol. 32, № 1. P. 208–209.

References

Weber, M. (1990) “Nauka kak prizvanie i professija” [“Science as a Vocation and Profession”], in Weber, M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Ed. and afterword by Y. N. Davydov; foreword by P. P. Gaidenko. Moscow: Progress, pp. 707–735.

Herzen, A. I. (1956) “Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie; O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii” [“On the Development of Revolutionary Ideas in Russia”], in Herzen, A. I. *Sobranie sochinenij v 30 tomakh. Tom 7* [Collected Works in 30 vols. Vol. 7]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 5–263.

Dvorkin, I. (2020) “The Place of Hermann Cohen’s Ideas in the Philosophy of Dialogue,” *Kantian Journal*, 39(4), pp. 62–94.

Dmitrieva, N. A. (2007) *Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: ‘Marburg’ in Russia. Historical and philosophical essays]. Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN).

Zagirnyak, M. Ju. (2019) “Specifika obosnovanija social’nyh fenomenov v filosofii kul’tury Fjodora Stepuna” [“The Specificity of the Substantiation of Social Phenomena in Fyodor Stepun’s Philosophy of Culture”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 52, pp. 85–92.

Ivanov, V. I. (1979b) “Ty esi” [“You are”], in Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 3* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 3]. Bryussel’: Foyer Oriental Chrétien, pp. 262–268.

Kantor, V. K. (2010a) “Sudit’ Bozh’ju tvar’”. *Prorocheskij pafos Dostoevskogo: Oчерki* [“To Judge God’s Creature.” Dostoevsky’s Prophetic Pathos: Essays], Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN).

Kantor, V. K. (2010b) “Vladimir Solov’jov o soblazne nacionalizma” [“Vladimir Solovyov on the Lure of Nationalism”], *Solov’jovskie issledovanija* [Solovyov Studies], 4(28), pp. 35–47.

Kantor, V. K. (2013) *Ljubov’ k dvojniku. Mif i real’nost’ russkoj kul’tury. Oчерki* [Love for the Double. Myth and Reality of Russian Culture. Essays]. Moscow: Nauchno-politicheskaja kniga.

Kantor, V. K. (2001) *Russkij evropec kak javlenie kul’tury (filosofsko-istoricheskij analiz)* [Russian European as a Cultural Phenomenon (philosophical and historical analysis)]. Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN).

Kantor, V. K. (2000) “F. A. Stepun: russkij filosof v jepohu bezumija Razuma” [F. A. Stepun: Russian Philosopher in the Age of the Madness of Reason], in Stepun, F. A. *Sochinenija* [Essays]. Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 3–33.

Luks, L. (2018) “Dejatel’nost’ Fedora Stepuna v nemeckoj jemigracii na primere ego statej v zhurnale “Hohland” (1924–1940 gody) [Fedor Stepun’s Work in the German Emigration, as Exemplified by His Articles in the “Hochland” Magazine (1924–1940)], *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 17 (2), pp. 284–298.

Solovyov, V. S. (1914) “Nacional’nyj vopros v Rossii. Vyp. 1” [“National Question in Russia. Iss. 1”], in *Sobranie sochinenij Vladimira Sergeevicha Solov’eva. Tom 5 (1883–1892)* [Collected Works of Vladimir Sergejevich Soloviev. Vol. 5 (1883–1892)]. Ed. and with notes by S. M. Soloviev and E. L. Radlov. 2nd ed. St. Petersburg: Enlightenment, pp. 3–156.

Stepun, F. A. (2000a) “Germanija ‘prosnulas’” [“Germany Has ‘Woken Up’”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 482–495.

Stepun, F. (1925) “Zabytye istiny. (O nacii i nacionalizme)” [“Forgotten Truths. (On Nation and Nationalism)”], *Dni [Days]*, 806, Paris, 20 September, pp. 2, 5.

Stepun, F. A. (2000b) “Mysli o Rossii. Oчерk IV” [“Thoughts on Russia. Essay IV”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 234–257.

Stepun, F. A. (2000c) “Mysli o Rossii. Oчерk X” [“Thoughts on Russia. Essay X”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 352–376.

Stepun, F. A. (2000d) “Nacija i nacionalizm” [“Nation and Nationalism”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 940–944.

Stepun, F. A. (2000e) “Nemeckij romantizm i russkoe slavjanofil’stvo” [“German Romanticism and Russian Slavophilism”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 38–57.

Stepun, F. A. (2000f) “O ‘Besah’ Dostoevskogo i pis’mah Maksima Gor’kogo” [“On Dostoevsky’s ‘Demons’ and Maxim Gorky’s Letters”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 837–848.

Stepun, F. A. (2000g) “O ‘Besah’ i bol’shevistskaja revoljucija” [“About ‘Demons’ and the Bolshevik Revolution”], in Stepun F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 627–640.

Stepun, F. A. (1999) *Chaemaja Rossija [Anticipated Russia]*. Ed. by A. A. Ermichev; V. N. Nemnonova. St. Petersburg: Russkij Hristianskij gumanitarnyj institut.

Schopenhauer, A. (1993) “Mir kak volja i predstavlenie. Tom 1” [“The World as Will and Representation. Vol. 1”], in Schopenhauer, A. *O četverojakom korne... Mir kak volja i predstavlenie. Tom 1. Kritika kantovskoj filosofii [On the Fourfold Root... The World as Will and Representation. Vol. 1. Critique of Kantian Philosophy]*. Moscow: Nauka, pp. 125–502.

Stammler, A. (2017) “F. A. Stepun”, in Stepun, F. A. *Bol’shevizm i hristianskaja jekzistencija. Izbrannye sochinenija [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]*. Ed. by V. K. Kantor. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, pp. 732–742.

Dmitrieva, N. A. (2020) “Hermann Cohen’s Ethical Ideas in the Works of Boris Pasternak,” *Russian Studies in Philosophy*, 58(4), pp. 279–291.

Hufen, Ch. (2001) *Fedor Stepun: ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa; die Jahre 1884–1945*. Berlin: Lukas-Verl.

Stepun, F. (1938/1939) “Die Kirche der Selbstmörder”, *Hochland*, 36(1), pp. 472–488.

Stepun, F. (1950) *Dostojewskij. Weltschau und Weltanschauung*. Heidelberg: Carl Pfeffer Verlag und Heidelberger Gutenberg-Druckerei.

Struve, G. (1973) “[Rev.:] Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. By Robert C. Williams,” *Slavic Review*, 32(1), pp. 208–209.

Информация об авторах:

Нина Анатольевна Дмитриева — доктор философских наук, иностранный член-корреспондент Австрийской академии наук, Вена, Австрия; научный директор Академии Кантианы Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград, Россия. Адрес: Россия, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия. Адрес: Россия, 119435, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1.

Юрген Штольценберг — доктор философии, профессор, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле (Зале); член-корреспондент Гёттингенской академии наук, председатель межакадемического координационного комитета «Leibniz-Edition», Германия. Адрес: Германия, 06108, Галле (Зале), Эмиль-Абдерхальденштрассе, д. 26–27.

Information about the authors:

Nina A. Dmitrieva — DSc in Philosophy, Corresponding Member Abroad of the Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria; Research Director of the Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia. Address: 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; Professor of Philosophy at the Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia. Address: 1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russian Federation.

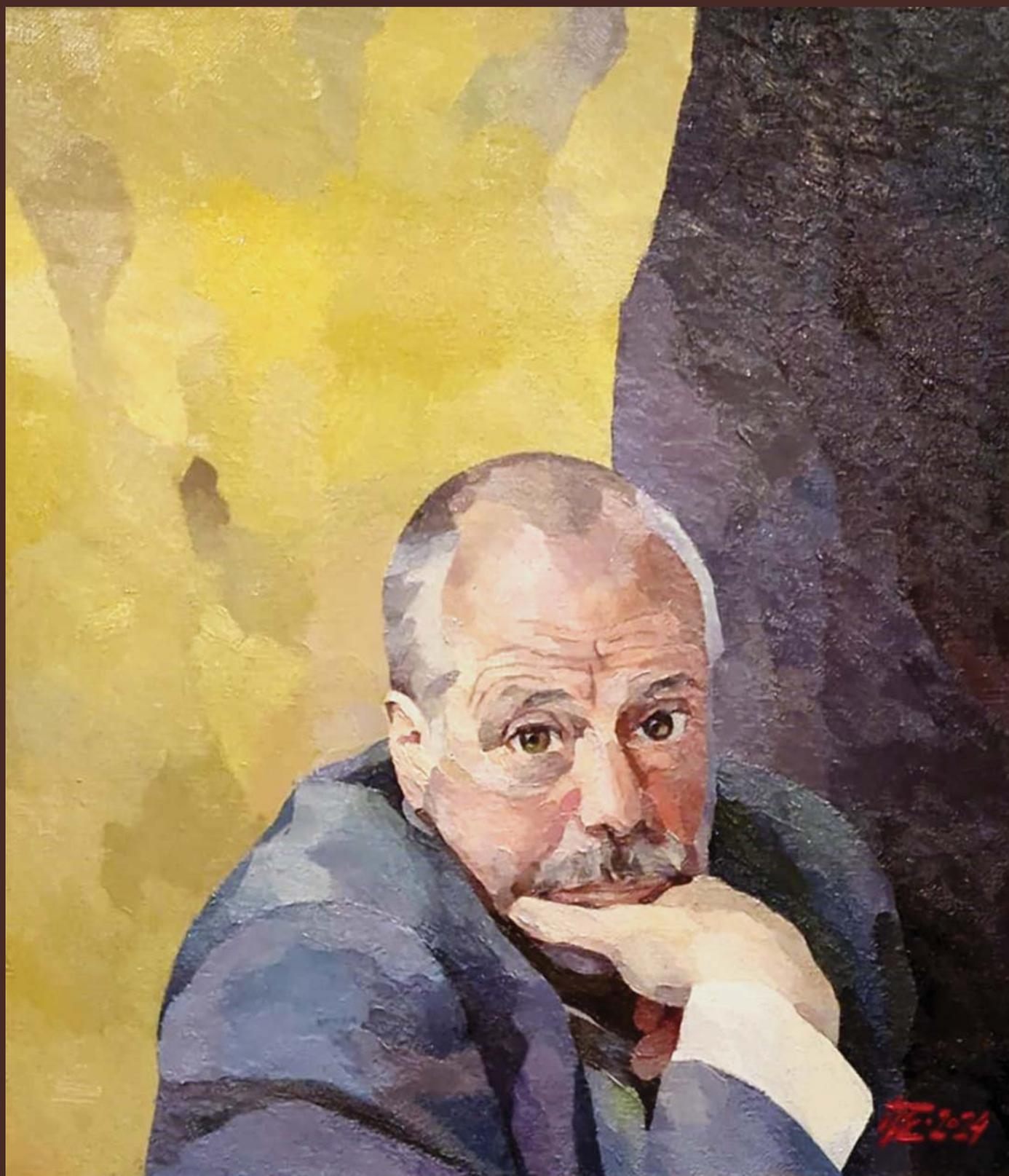
Jürgen Stolzenberg — DSc, Professor of Philosophy, Martin Luther University Halle-Wittenberg (MLU), Halle (Saale); Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Chairman of the Interacademic Leadership Commission “Leibniz-Edition”, Germany. Address: Emil-Abderhalden-st. 26–27, 06108 Halle (Saale), Germany.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 22.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Петр Ефремов. Портрет Владимира Карловича Кантора. 2024

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 77–100.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 77–100.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-77-100

МЕЖДУ ШЛЁЦЕРОМ И ШЕКСПИРОМ: О ЗАРОЖДЕНИИ ПРИНЦИПОВ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Россия, fyodorgayda@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается процесс зарождения и первоначального формирования существующей ныне в России традиции исторической науки. Автор показывает значение эволюции Н. М. Карамзина как историка, его связь с научным подходом А. Л. Шлёцера. В дальнейшем историографическую традицию в России закладывал творческий тандем А. С. Пушкина и М. П. Погодина. Автор статьи приходит к выводу, что первоначальные принципы российской науки были связаны с немецкой историографией последней трети XVIII века, как она складывалась в рамках Геттингенской школы. Именно тогда возник критический подход, положенный в основание исторического

источниковедения. Однако другой насущной проблемой стала реконструкция картины прошлого. В результате за основу была принята шекспировская драматургия.

Ключевые слова: историческая наука, Геттингенская школа, исторический источник, А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. П. Погодин

Ссылка для цитирования: *Гайда Ф. А. Между Шлёцером и Шекспиром: о зарождении принципов русской исторической науки в первой трети XIX века // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 77–100. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-77-100.*

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

BETWEEN SCHLOZER AND SHAKESPEARE:
ON THE EMERGENCE OF THE PRINCIPLES OF RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE
IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia,
fyodorgayda@gmail.com

Abstract. The article examines the process of the origin and initial formation of the modern Russian tradition of historical science. The author shows the significance of the evolution of N. M. Karamzin as a historian, his connection with the scientific approach of A. L. Schlozer. Later, the historiographic tradition in Russia was laid by the creative tandem of A. S. Pushkin and M. P. Pogodin. The author of the article comes to the conclusion that the initial principles of Russian science were associated with German historiography of the last third of the 18th century, it was formed within the framework of the Göttingen school. The critical approach arose precisely then, it was laid in the foundation of historical source studies. Another pressing problem was the reconstruction of the picture of the past. As a result, Shakespearean dramaturgy was adopted as a basis.

Keywords: historical science, Göttingen school, historical source, A. L. Schlozer, N. M. Karamzin, A. S. Pushkin, M. P. Pogodin

For citation: Gayda, F. A. (2025) “Between Schlozer and Shakespeare: On the Emergence of the Principles of Russian Historical Science in the First Third of the 19th Century,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 77–100. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-77-100.

Существующая ныне в России научная традиция изучения истории насчитывает два века и уходит корнями в начало XIX столетия. За это время исследовательские подходы кардинально трансформировались, однако сама наука, несмотря на все политические перипетии, в той или иной мере все же сохраняла свою преемственность. В последние десятилетия, в отличие от советского времени, в подходах историков царит методологическое разнообразие. Тем интереснее задаться вопросом: на каких же принципах историография изначально задумывалась?

А. Л. Шлёцер: критический метод

Мировая (европейская) историческая наука сложилась в конце XVIII — начале XIX века, когда были выработаны основные подходы к критике исторического источника, а в качестве цели научного исследования обозначена реконструкция картины прошлого. Первоначально под влиянием Ш. Л. де Монтескье (1689–1755) родилась немецкая критическая филология, у истоков которой стоял И. Д. Михаэлис (1717–1791) — первый научный комментатор Ветхого Завета. Он стал отцом-основателем Геттингенской исторической школы — предшественницы современной исторической науки. Одним из ярчайших представителей Геттингенской школы был Август Людвиг Шлёцер (1735–1809). Учебник Шлёцера, вышедший в 1779 году, стал первой попыткой научного изложения всеобщей истории на основе критического метода. В 1810–1820-е годы принципы Геттингенской школы были развиты Б. Г. Нибуром (1776–1831) и Л. фон Ранке (1795–1886), когда основной упор был сделан на извлечение из источника скрытой информации. Основной целью была заявлена реконструкция истории «как она есть». Во Франции пошли несколько иным путем, не забывая и про интерес читателя. На французскую историографию этого времени (в первую очередь О. Тьерри (1795–1856)) большое влияние оказала английская художественная литература. Исторический роман, у истоков которого стоял Вальтер Скотт (1771–1832), открывал возможность «погружения в эпоху». Французские историки стремились осуществить это с опорой на научные изыскания.

У нас Шлёцер известен прежде всего своим пребыванием в России в 1761–1767 годах и спорами с М. В. Ломоносовым. Тогда немецкий историк был еще

только начинающим ученым. Уехав из России, Шлёцер более никогда в нее не возвращался, однако навсегда сохранил живой интерес к русской истории. Он писал:

Какое ужасное понятие представляет русская древняя история! Я почти теряюсь в величии оного! История такой земли, которая составляет 9-ю часть обитаемого мира и в два раза более Европы; такой земли, которая в два раза обширнее древнего Рима, хотя и называющегося обладателем вселенныя; — история такого *народа*, который 900 уже лет играет важное лице на театре народов и теперь обладает от Ледовитого моря на юге до Балтийского, Каспийского и Байкала, а на востоке от Киммени, Двины и Днепра до Анадыря, Авачи и ложа Авроры; — история *державы*, соединяющей под своим скипетром словен, немцев, финнов, семоедов, калмыков, тунгузов и курильцев, народы совершенно различных языков и племяни, и соседящий с шведами, поляками, персами, бухарцами, китайцами, японцами и североамериканскими дикарями; — история России, сего настоящего розсадника народов, из южных части которых вышло толикое множество народов, разрушивших и основавших целые царства. Раскройте летописи всех времен и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась бы с рускою! Это история не какия нибудь *земли*, а *целыя части света*, не *одного* народа, а *множества* народов, которые различались между собою языком, религиєю, нравами и происхождением, соединены под одну державу завоеваниями, судьбою и счастием. Руская история вообще, как я докажу, есть I. бесконечно *пространна*, по множеству или совсем неописанных, или недостаточно описанных народов, составляющих части сего великого целого, члены сего исполинского политического целого. II. Чрезвычайно *важна*, по непосредственному своему влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую древнюю историю. III. Очень *верна*, по богатству своему в достоверных времянниках и прочих исторических источниках (здесь и далее в цитатах: курсив автора. — Ф. Г.).

[Нестор, 1809, с. XXXIV]

Именно Шлёцер ввел в русскую науку понятие «источник». По богатству источников ученый считал древнюю русскую историю более предпочтительной, чем истории иных европейских стран [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 73]. В Геттингене историк неизменно оказывал покровительство русским студентам. Находившийся там в 1802–1804 годах Александр Тургенев (1784–1845) писал родителям: «Профессор Шлецер мне отменно полюбился за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и

говорит о ней с такою похвалой и с таким жаром, как бы самой ревностной сын моего отечества» [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 29]. На склоне лет, в 1802–1805 годах, Шлёцером был написан посвященный источникам ранней русской истории труд «Нестор». В 1809 году работа была переведена на русский язык и посвящена императору Александру I. «Нестор» оказал большое влияние на целый ряд русских историков первой половины XIX века.

Н. М. Карамзин: «ферула Шлецера»

Однако в России историографическая традиция так же, как в Британии и Франции, складывалась в тесной связи с художественной литературой. Почему же модный молодой писатель Н. М. Карамзин (1766–1826) стал ученым-историком? Уже после своего знаменитого европейского путешествия он намеревался написать для иностранцев очерк русской истории, чтобы развеять слухи о русском варварстве. Так в 1792 году родилась повесть «Наталья, дочь боярская». Та же мысль содержалась в статье Карамзина о «Слове о полку Игореве», которое сравнивалось с шотландским Оссианом [Карамзин, 1978, с. 306 (пер. с. фр.)]. Свой основной принцип писатель формулировал так: «Всё народное — ничто перед человеческим» [Карамзин, 1984, с. 254].

Вместе с тем панъевропейский пафос Карамзина вызвал критику молодого поколения, упрекавшего писателя в блестящей подражательности. Андрей Тургенев (1781–1803), сын покровителя Карамзина И. П. Тургенева и брат Александра Тургенева, в 1800 году отмечал:

Карамзин сделал эпоху в нашей литературе и вопреки русскому характеру и климату и пр. (...) он слишком склонил нас к мягкости и разнеженности. Ему бы надлежало явиться веком позже, тогда, когда бы мы имели уже более сочинений в важнейших родах; тогда пусть бы он в отечественные дубы и лавры вплетал цветы свои. (...) Чем медленнее ход успехов, тем он вернее. Правда и то, что иногда один человек явится и, так сказать, увлечет за собою своих современников. Мы это знаем; мы сами имели Петра Великого, но такой человек для русской литературы должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей литературе; иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных питательных плодов.

[Литературная критика 1800–1820-х годов, 1980, с. 45–47;
Лотман, 1958, с. 54–57]

Впрочем, павловская эпоха обернулась для Карамзина цензурными запретами. Не складывалась и личная жизнь. Ухудшилось здоровье. Вдохновение молодости ушло. Писатель почувствовал, что исписался: «Цветы жизни более и более для меня увядают. Желая только одного: умереть покойно. (...) Талант мой как Сибирской плод: не дозрев иссыхает» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 113]. Однако лекарством в невзгодах неожиданно стало новое увлечение: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах» [Исторические воспоминания и замечания ... , 1802, с. 46]. В 1798 году Карамзин решил активно изучать всеобщую историю: «Займусь Историею. Начну с Джиллиса, после буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки, а там примусь за древних авторов, особливо за Плутарха» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 111]. Сперва речь не шла о сочинительстве. Карамзин решил написать похвалу Петру Великому, но понял, что для этого придется засесть за изучение истории на целых три месяца, и охладел: «Едва ли возможное для меня дело!» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 102].

Однако весной 1800 года от скуки и душевного томления Карамзин все же углубился в русскую историю: «Мне и грустно и досадно. Время у нас несносное: холод, снег, дождь; и на гулянье 1 Мая почти можно было ехать в санях. Я хотел рано убраться за город, на берег Москвы-реки; но теперь и думать нельзя; одна забава, играть в бостон. (...) Я по уши влез в Рускую историю; сплю и вижу Никона с Нестором» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 116]. Выехать из Москвы все же удалось, и целое лето писатель провел уединенно в нарышкинской усадьбе в Кунцеве (нынешнем Филевском парке), где его ждали «книга, чай и трубка». Карамзин описывал свое созерцательное одиночество: «Пишу к тебе, сидя на высоком берегу Москвы-реки, под тенью густых лип, и взглядывая на обширную равнину, которую вдали ограничивают роции и пригорки» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 115–116, 121]. Лицезрея Мнёвники, которые ныне активно превращаются из «обширной равнины» в спальный район, писатель отважился стать историком.

В мае 1802 года Шлёцер обратился к новому царю Александру I с пожеланием возродить должность историографа (ранее в этой должности в России уже состояли Г. Ф. Миллер (1705–1783), пригласивший Шлёцера в Россию, и кн. М. М. Щербатов (1733–1790)). Ходили даже слухи о назначении самого Шлёцера [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 275], хотя сам он уже был слишком стар и не смог бы приехать в Россию. Заслуги его были почтены тем, что в сентябре 1803 года историк получил орден св. Владимира и

российское дворянство [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 471–473]. Однако мысль о воссоздании должности историографа была посеяна, и Карамзин решился предложить свои услуги. 31 октября 1803 года вышел именной указ о его назначении. От Карамзина явно ждали изящной и либеральной истории Отечества. Шлёцеру подобное назначение историографом писателя явно не понравилось [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 327]. Карамзину предстояло на себе испытать учительскую «ферулу Шлецера» [Погодин, 1866, с. 30].

В 1804 году ученик Шлёцера Александр Тургенев написал в Геттингене статью о началах русской истории, прямо направленную против недавно вышедшего очерка Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметами художеств» (1802). Тургенев требовал критически разобрать источники, чтобы глубоко вникнуть в дух русского народа и понять его особенности:

Историк как частного человека, так и целый народ должен изображать беспристрастно, и характер и того, и другого представлять в истинном виде, собирая для сего материалы не как-нибудь, но с критическим разбором, пропуская сквозь чистилище критики каждое сказанное слово, каждое историческое известие, застарелое ли или новое, не полагаясь на авторитет славного писателя, должен сам доходить до источников, и не прежде выдавать что-нибудь за *быль*, как по точном исследовании. Наконец, он должен стараться вникнуть в дух того народа, коего он хочет быть историком, или — что все равно — строгим судиею предков его пред современниками и потомками.

[Тургенев, 1911, с. 166–167]

Однако Карамзин отнесся к новому поприщу со всей серьезностью. В его «Истории» изящество стиля сочеталось с серьезным научным аппаратом (примечания составляли более половины общего объема текста). В марте 1805 года был завершён первый том, доводивший события до кончины Владимира Святого. Затем историограф читал свой труд московским друзьям, в том числе С. Л. Пушкину. На чтении присутствовал его 5-летний сын Александр. Мальчик отбросил игрушки и заворуженно смотрел на Карамзина [Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1999, с. 5]. Тогда же произошла перемена отношения к Карамзину и со стороны Тургенева [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 327]. Теперь писатель получил признание как ученый и перестал уже бояться пресловутой «ферулы Шлецера» [Погодин, 1866, с. 30]. Солнце русской историографии вставало накануне восхода солнца Аустерлица.

Поле для авторского вдохновения было громадно. Карамзинская «История» продвигалась вместе с самой историей. Наполеон узурпаторски возлагал на себя императорскую корону, когда Карамзин описывал добровольное призвание Рюрика. Печальный для историка период раздробленности описывался уже после Аустерлица. О татарском иге Карамзин повествовал в годы Тильзита и Эрфурта. После Московского пожара 1812 года, в котором сгорела карамзинская библиотека, историк написал: «Грущу и по своей библиотеке, которую я собирал четверть века. Утешаюсь только мыслию, что Бог через нас истребляет всемирного злодея. Российская История может сделаться еще любопытнее» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 169–170]. С окончанием Наполеоновских войн, увенчавшихся победой России и Венским конгрессом, был дописан VIII том, в котором говорилось и о московском пожаре 1547 года, и о реформах Избранной рады. В 1818 году восемь томов были опубликованы и мгновенно раскуплены. В 1819 году работа была продолжена. Период опричнины совпал с волнениями в военных поселениях и Семеновской историей, Смута — с закатом александровской эпохи и восстанием декабристов [Погодин, 1865, с. 4–8, 15–33]. Карамзин жил в «Истории» и в истории, однако хорошо помнил о научной строгости. Другу поэту И. И. Дмитриеву он писал: «Между тем я в Сибири: пишу о *твоем* герое Ермаке. Но жалуюсь на худые материалы: ищу и не нахожу ничего характерного; все бездушно — а выдумывать нельзя» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 291].

А. С. Пушкин: драматургия истории

Вышедший в 1824 году XI том Карамзина сподвиг Пушкина, находившегося в михайловской ссылке, на написание трагедии «Борис Годунов». Разочаровавшись к этому времени в европейских революциях (их отголосками, как считалось, были испанские и итальянские события 1820–1823 годов), поэт изобразил обоюдную драму властителя и бунтовщика. Борис Годунов талантлив, но не может осуществить реформы, потому что пришел к власти через убийство (Пушкин исходил из карамзинской версии убийства царевича Дмитрия). Однако у него есть законный наследник. Увы, ему не суждено править, потому что его свергает Отрепьев. Неплохой, в сущности, молодой человек запутался в политических противоречиях. Его царствование обречено на неудачу, потому что к власти он приходит как кровавый узурпатор. Параллель Годунова с Александром I, вступившим на престол после убийства и неспособным провести задуманные реформы, оказалась вполне прозрачна. Сходство Самозванца с революционерами для самого Пушкина могло стать творческим открытием. Трагедия была завершена за 12 дней до кончины царя. До восстания оставалось чуть более месяца.

Стоит отметить, что к тому времени Карамзин уже был далеко не единственный интересовавший Пушкина историк. Из Одессы в 1824 году кн. П. А. Вяземскому (как известно, на его сводной сестре был женат Карамзин) поэт писал о французской историографии:

Французы ничуть не ниже англичан в истории. Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей «Истории»¹. 2-е, Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его «Обозрение царствования Людовика XIV»², и ты поставишь его выше Юма³ и Робертсона. Рабо де Сент-Этьен⁴ — дряннь.

[Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 102]

Тогда же Пушкин заинтересовался творчеством Вальтера Скотта, уже весьма популярного в России [Аносова, 2012]. Хорошо известно, что британский романист вдохновлялся творчеством У. Шекспира. Возможно, именно отсюда у русского поэта в 1824 году возникло пристальное внимание к английскому драматургу, который стал для него вершиной мировой литературы. В Шекспире привлекал реализм: «Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии. (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего изумителен Шекспир! Не могу прийти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! (...) Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру». В другой редакции письма отмечалось: «Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется — но каждый на свой лад — *почитайте-ка* Шекспира. (...) Читайте Шекспира [это мой постоянный припев]» [Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 541, 573 (пер. с. фр.)]. При этом Пушкин не скрывал амбивалентности своего восприятия: «После чтения Шекспира (...) я всегда чувствую кружение головы; — мне кажется, будто я глядел в ужасную мрачную пропасть» [Разговоры Пушкина, 1991, с. 87].

¹ Британский историк У. Робертсон (1721–1793), автор «Истории о государствовании императора Карла V и проч.» (Лондон, 1769; рус. пер.: СПб., 1775) и др. произведений.

² П.-Э. Лемонте (1762–1826), автор «Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV» (1818).

³ Британский философ, экономист и историк Д. Юм (1711–1776), автор «Истории Англии» (1754–1762).

⁴ Французский политик и публицист Ж.-П. Рабо Сент-Этьен (1743–1793), автор «Précis de l'histoire de la Révolution française» (1792).

Летом 1825 года была написана пушкинская «Сцена из Фауста». Общий сюжет брался у И. В. фон Гёте, однако под пером Пушкина гётевский Фауст превращался в раздираемого противоречиями шекспировского героя. Морской берег, на который поэт помещал своего персонажа, становился берегом у Эльсинора⁵. «Сцена из Фауста» стала отправной точкой для всей архитектоники «Бориса Годунова», в котором действовал целый сонм пушкинских фаустов. В результате пушкинский «Борис Годунов» родился как шекспировская трагедия на карамзинском сюжете. О событиях 14 декабря 1825 года Пушкин вскоре написал А. А. Дельвигу: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как фр.(анцузские) трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» [Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 259].

М. П. Погодин: «истинная народная история»

В 1826 году, после николаевской амнистии, Пушкин вернулся в Москву и познакомился с молодым историком Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875). Он начал усиленно изучать русскую историю с 1818 года под влиянием Шлёцера и Карамзина. Учителем Погодина в Московском университете был филолог-классик Р. Ф. Тимковский (1785–1820). Еще в 1807–1809 годах он учился в Геттингене у учителя Шлёцера профессора-филолога Х. Г. Гейне (1729–1812). В университете Тимковский вполне мог встречаться и со Шлёцером. Как бы то ни было, Тимковский явно под его влиянием уже после выхода «Нестора» в 1810-е годы критически изучал древнерусские тексты [Барсуков, 1888–1910, т. 1, с. 33–37]. После ранней кончины ученого было опубликовано его исследование на эту тему [Летопись Несторова, 1824]. Навыки анализа источников у Тимковского почерпнул студент Погодин. 11 марта 1825 года состоялась защита его диссертации «О происхождении Руси». Свой труд ученый преподнес Карамзину и получил обнадеживающий отзыв [Погодин, 1865, с. 31–32]. С сентября 1825 года Погодин читал в Московском университете курс всеобщей истории. Основным ориентиром для ученого стал уже упомянутый учебник Шлёцера. Под влиянием историка, а также ученика Шлёцера — философа И. Г. Гердера — и Ф. В. Й. Шеллинга Погодин начал записывать в дневник свои «афоризмы», которые впоследствии, с 1827 года, публиковал в собственном журнале «Московский вестник» [Барсуков, 1888–1910, т. 1, с. 298–299].

Погодин испытал влияние французской историографии. В 1827 году в «Московском вестнике» была опубликована хвалебная рецензия филолога

⁵ «Шекспир понял страсти; Гете — нравы» [Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 572 (пер. с. фр.)]. Морская тема во второй части гётевского «Фауста» появилась позднее пушкинской «Сцены» и могла быть навеяна пушкинской поэзией [Алексеев, 1976].

С. П. Шевырева на труд О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами». Рецензент обращал внимание на благотворность влияния немецкой науки: историк построил свое исследование на доскональном изучении источников и кропотливой реконструкции реалий прошлого. Шевырев отмечал:

Сочинитель утверждает в предисловии, что мы доселе не имеем еще французской истории, которая бы вполне соответствовала всем требованиям ученого или, говоря определеннее, не имеем такой истории народа, в коей бы достаточно изложено было различие частей, из коих он составился, и которая перенесла бы нас во времена описываемые, отстранив все влияние настоящего. Французские историки изображали прежнее бытие государств по понятиям своего века; но теперь требуют, чтоб состояние народа было представлено в разных периодах. Такова была цель автора при описании важного события истории, которое он хотел представить; он справлялся только с оригинальными и древнейшими источниками и ласкается надеждою, что едва ли оставил без внимания какие либо акты, для его предмета полезные.

[Шевырев, 1827, с. 329–330]

В 1828 году Шевырев писал об изучении «истории народа» как актуальной задаче французской историографии. Говоря здесь же о русской словесности, автор указывал на опубликованную в первом номере «Московского вестника» сцену разговора Пимена и Григория из «Бориса Годунова». Замечая в поэзии Пушкина (в опубликованном уже письме Татьяны и особенно в указанной сцене) проявившуюся оригинальность и зрелость, Шевырев указывал на причину такого суждения: «Характер Пимена носит на себе благородные черты народности» [Шевырев, 1828, с. 63, 68–69]. В наблюдениях автора относительно французских историков и русского поэта явно отражались итоги недавно отгремевшей полемики о «народности», происходившей по инициативе Вяземского. Под «народностью» тут понимали верное, правдивое отражение национального характера, проявлявшегося как у героя, так и у автора [Гайда, 2020].

В том же номере журнала сам Погодин опубликовал рецензию на «Письма об истории Франции» Тьерри. Русский историк соглашался с французским: «Истинная народная история, та история, которая достойно могла бы так называться, погребена еще в пыли современных летописей; одни только неточные, слабые компиляции предлагаются публике без истины и без цвета». Погодин цитировал Тьерри: «Весьма малое число избранных лиц занимает всю сцену истории, а целая масса народа исчезает за плащами придворных».

При этом одной источниковедческой реконструкции было бы недостаточно: «Люди и даже века минувшие должны в рассказе являться, как будто на сцене, живыми. Те ошибаются [сказано в адрес немецких историков. — Ф. Г.], которые отделяют происшествия от того, что составляет их цвет, их частную характеристику: невозможно, чтоб историк мог хорошо рассказывать, не живописуя, и удачно живописать, не рассказывая. Последователи той ошибочной методы бытописания всегда почти жертвуют повествованием, существенной частью истории, для объяснений посторонних, дающих только ключ к нему» [Погодин, 1828, с. 217, 219–220]. Погодин соглашался с Тьерри, что историю важно было уметь донести до читателя.

В 1829 году вышел первый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого (1796–1846), который автор посвятил «г-ну Нибуру, первому историку нашего века». Труд писался как альтернатива карамзинскому [Полевой, 1829]. В рецензии на труд Карамзина Полевой упрекал его в написании истории правителей, а не народа [Полевой, 1990, с. 48–49]. Погодин ответил резкой рецензией, обвинив Полевого в компиляторстве и безграмотности [Погодин, 1830]. Пушкин был более сдержан. Отмечая чрезмерную увлеченность Полевого критикой Карамзина, Пушкин писал в его защиту как подлинного ученого:

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апоффегами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. «Заметим, что сии апоффегмы», говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, «бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров». Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: *вольному воля*, как говорили наши предки.

[Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 120–121]

Пушкин отмечал, что научные подходы в истории еще только продолжали формироваться: «Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта⁶ и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита. Пленясь романической живостью истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории» [Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 121]. Пародией на Полевого стала пушкинская «История села Горюхина» [Пушкин, 1994–1997, т. 8, с. 127–140]. При этом Пушкин критиковал Полевого на основании все той же французской историографии, противопоставляя ему последовательный метод изложения Ф. Гизо («Очерк истории Франции с V по X в.» (1823)): «История Гизо одна мысль, одно событие, и какая сила, какая ясность, какая алгебраическая верность, точность» [Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 127, 378].

«Воскресить минувший век во всей его истине»

Но общий взгляд на историю, свойственный Гизо, мог быть лишь следствием кропотливого изучения деталей. И здесь Пушкин оставался приверженцем драматургического подхода. Еще в 1826 году поэт обратил внимание Погодина на Шекспира; под влиянием «Бориса Годунова» в ноябре 1829 — июне 1830 года историком была написана трагедия «Марфа, посадница Новгородская». Пушкин раскритиковал слог Погодина, но высоко оценил достоверность характеров [Пушкин, 1994–1997, т. 14, с. 128–129]. В черновике рецензии Пушкин написал:

Драм.(атический) поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить — столь же искренно, сколько глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило — отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, [их] умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине.

[Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 181]

Синтетический подход Пушкина предполагал сочетание драматургии, живописания и научного анализа: «Действие В. Скотта ощутительно во всех от-

⁶ Барон А. Г. Проспер де Барант (1782–1866), автор «Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois» (в 13 т., Париж, 1824–1826).

раслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гёте» [Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 121]. Поэт раскрывал метод Скотта:

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с *enflure* [напыщенностью — *франц.*] французских трагедий, — не с чопорностью чувствительных романов — не с *dignité* [достоинством — *франц.*] истории, (...) но домашним образом. (...) *Ce qui nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons* [что нас очаровывает в историческом романе — это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим — *франц.*]. Shakespeare, Гете, Walter Scott не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не подходят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse*. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté de théâtral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières. On voit que Walter Scott est de la petite société des rois d'Angleterre [достоинство и благородство. Они просты в буднях жизни, в их речах нет приподнятости, театральности, даже в торжественных случаях, так как величественное для них обычно. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей — *франц.*].

[Пушкин, 1994–1997, т. 12, с. 195]

Подобное понимание привело Пушкина от написания «Истории Пугачева» (1833–1834) к созданию «Капитанской дочки» (1833–1836). Вяземский отмечал:

В Пушкине было верно понимание истории. (...) Он не историю воплощал бы в себя и свою современность, а себя перенес бы в историю и в минувшее. (...) Он был одарен воображением и, так сказать, самоотвержением личности своей, настолько, что мог отрешать себя от присущего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем.

[Вяземский, 1879, с. 373–374]

И. В. Киреевский выразил эту мысль по-своему: «Пушкин рожден для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен, чтобы

быть лириком; в каждой из его поэм заметно невольное стремление дать особенную жизнь отдельным частям, стремление, часто клонящееся ко вреду целого в творениях эпических, но необходимое, драгоценное для драматика». К слову «объективен» присовокуплялось примечание: «Мы принуждены употреблять это выражение, покуда не имеем однозначительного на нашем языке» [Киреевский, 1979, с. 54]. Слово, как известно, не появилось до сих пор. Тем не менее «объективность» вполне соответствовало вяземскому «самоотвержению личности».

Н. В. Гоголь, познакомившийся в это время с Пушкиным и Погодиным и размышлявший о собственном поприще историка, в 1832 году дал свою формулу:

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера⁷, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще много кое-чего недоставало: ему бы недоставало высокого драматического искусства, которого не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие. Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составился такой историк, какого требует всеобщая история. Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много осветили всеобщую историю, и если в нынешнее время мы имеем несколько замечательных сочинений, то этим обязаны им одним.

[Гоголь, 1937–1952, т. 8, с. 89]

В отношении Шлёцера писатель отмечал:

⁷ Швейцарский историк И. Мюллер (1752–1809), автор «Geschichte der Schweiz. Eidgenossenschaft» (т. 1–5, Лейпциг, 1786–1808).

Шлецер, можно сказать, первый почувствовал идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы. Он хотел одним взглядом обнять весь мир, всё живущее. Казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира. Его слог — молния, почти вдруг блещущая то там, то здесь и освещающая предметы на одно мгновение, но зато в ослепительной ясности. Я не знаю, исполнил ли бы он в самом деле то, что резко показывал другим, но по крайней мере никто так сильно не поражен был сам своим предметом, как он. Он имел достоинство в высшей степени сжимать всё в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и народ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодом одной счастливой минуты, одного внезапного вдохновения и так исполнены резкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на ум определившему себя на долгое глубокое исследование, выключая только, если этот исследователь будет сам Шлецер. (...) Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам. И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по такому же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога.

[Гоголь, 1937–1952, т. 8, с. 85–86]

В конце 1836 года Пушкин тоже обратился к чтению шлёцеровского «Нестора». Поэта сразу поразил подход к источникам: «Смотри, чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывает летописи слово в слово, букву в букву... (...) А наши!..» [Пушкин, 1994–1997, т. 12, с. 207–208]. В свою очередь, под влиянием Пушкина, за чтение Гизо («Всеобщая история цивилизации в Европе» (1828)) принялся и Погодин [М. П. Погодин — Пушкину, 1996, с. 171, 207]. В июне 1831 года Погодин хотел написать «Теорию Истории, сообразно с нынешним состоянием науки» [М. П. Погодин — Пушкину, 1996, с. 170]. Этот грандиозный замысел остался нереализованным, однако историк продолжил сочинение и издание своих «афоризмов» с размышлениями на темы французской историографии. В 1832 году Погодин начал преподавание русской

истории, вдохновляясь подходом Гизо [Барсуков, 1888–1910, т. 4, с. 60]. Первая лекция была прочитана в присутствии нового товарища министра народного просвещения С. С. Уварова, инспектировавшего университет (на лекцию по истории литературы Уваров приведет и Пушкина) [Погодин, 2010, с. 85–94; Барсуков, 1888–1910, т. 4, с. 72–78]. Именно в это время в Московском университете была заложена та традиция изучения и преподавания русской истории (а позднее, с 1839 года, в лице Т. Н. Грановского — и всеобщей истории), которая по сути существует поныне.

Таким образом, зарождение традиций современной русской исторической науки в первой трети XIX века оказалось напрямую связано со шлёцеровской критикой источника и рецепцией шекспировского драматургического метода. Если первое составляло узкую специфику труда историка, то второе выводило исследование и исследователя на широкое гуманитарное поприще, помогало понять человека в истории и поделиться этим знанием с читателем. Собственно, и читатель, и сам историк выступали таким же человеком в истории. В этом и заключалось значение исторического знания. Эти принципы формулировались как задача для будущего. Поскольку такая задача универсальна, она остается актуальной и теперь.

Список источников

Алексеев М. П. К «Сцене из Фауста» Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*, 1976. Л.: Наука, 1979. С. 80–97.

Аносова О. Г. Восприятие творчества В. Скотта современниками в России // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2012. № 3. С. 79–85.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888–1910.

Вяземский П. А. Взгляд на литературу нашу после смерти Пушкина // *Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского*. СПб., 1879. Т. 2. С. 348–379.

Гайда Ф. А. Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в. // *Русский Сборник: Исследования по истории России* / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. Т. XXIX. М., 2020. С. 97–116.

Гоголь Н. В. Шлецер, Миллер и Гердер // *Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1937–1952. Т. 8. С. 85–89.*

Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // *Вестник Европы*. 1802. Ч. 5, № 17. С. 30–47.

Карамзин Н. М. Несколько слов о русской литературе. Письмо в «Зритель» о русской литературе // *Русская литературная критика XVIII века. Сборник текстов*. М., 1978. С. 305–306.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 43–55.

Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский. М., 1999. Т. I.

Летопись Несторова, по древнейшему списку Мниха Лаврентия: Напеч. при О-ве истории и древн. российских / Изд. проф. Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М., 1824.

Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980.

Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958.

М. П. Погодин — Пушкину. 3 июня 1831 г., Москва // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1996. Т. 14. С. 170–171.

М. П. Погодин — Пушкину. 10 августа 1831 г., Москва // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1996. Т. 14. С. 206–207.

Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлецером. СПб., 1809. Ч. 1.

Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введ. и примеч. В. М. Истрина. СПб., 1911. II паг.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Погодин М. П. Взгляд на русскую историю. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. // *Погодин М. П.* Избранные труды. М., 2010. С. 85–94.

[*Погодин М. П.*] История русского народа. Соч. Н. Полевого. Том I. Москва. В тип. А. Семена, 1829, в малую 8-ку LXXXII. 368. VII. 14 // *Московский вестник.* 1830. Ч. 1. С. 165–190.

Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2.

Погодин М. П. Ход исторических работ Карамзина. М., 1865.

[*Погодин М. П.*] *Lettres sur l`histoire de France pour servir d`introduction à l`étude de celle histoire.* Par Augustin Thierry. Paris, 1827. Письма об истории Франции, соч. Тьерри // *Московский вестник.* 1828. Ч. 7. С. 215–223.

Полевой Н. А. История Государства Российского. Сочинение Н. М. Карамзина. СПб. Томы I–VIII, 1816 года, IX, 1821 г., X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые восемь томов напечатаны вторым изданием в 1818 и 1819 годах) // *Полевой Н., Полевой Кс.* Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. Л., 1990. С. 32–52.

Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829. Т. I.

Пушкин А. С. <Заметки при чтении «Нестора» Шлецера> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 12. С. 207–208.

Пушкин А. С. <О втором томе «Истории русского народа» Полевого> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 11. С. 125–127, 375–378.

Пушкин А. С. <О романах Вальтера Скотта> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 12. С. 195.

Пушкин А. С. А. А. Дельвигу. Начало февраля 1826 г. Михайловское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 13. С. 259–260.

Пушкин А. С. История русского народа, сочинение Николая Полевого. Том I. — М. в типогр. Августа Семена, 1829 (LXXXII—368 стран., в 8-ю д. л.). В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 11. С. 119–124.

Пушкин А. С. Кн. П. А. Вяземскому, 5 июля 1824 г., Одесса (набросок) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 13. С. 102.

Пушкин А. С. М. П. Погодину. Последние числа ноября 1830 г. Болдино // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 14. С. 128–129.

Пушкин А. С. Н. Н. Раевскому-сыну. Вторая половина (после 19) июля 1825 г. Михайловское. (Черновое) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 13. С. 540–542, 571–573.

Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 11. С. 177–183.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997.

Разговоры Пушкина. М., 1991.

Тургенев А. И. Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории // Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введ. и примеч. В. М. Истрина. СПб., 1911. II паг. С. 166–167.

[Шевырев С. П.] Обзорение русской словесности за 1827-й год // Московский вестник. 1828. Ч. 7. С. 59–84.

[Шевырев С. П.] Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent, par Augustin Thierry. T. I. XXVI. 440 p. T. II. 501 p. T. III. 566 p. 1825. 1826. in 8°: История завоевания Англии Норманнами // Московский вестник. 1827. Ч. 6. С. 329–330.

References

Alekseev, M. P. (1979) “K ‘Stsene iz Fausta’ Pushkina” [“To Pushkin’s ‘Scene from Faust’”], in *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1976* [*Vremyanik Pushkinskoy Komissiyi, 1976*]. Leningrad: Nauka, pp. 80–97.

Anosova, O. G. (2012) “Vospriyatie tvorchestva V. Skotta sovremennikami v Rossii” [“Perception of W. Scott’s Work by Contemporaries in Russia”], *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial’nost’* [*Bulletin of RUDN. Series: Educational Issues: Languages and Specialties*], 3, pp. 79–85.

Barsukov, N. P. (1888–1910) *Zhizn’ i trudy M. P. Pogodina: V 22-kh tomakh* [*Life and Works of M. P. Pogodin: In 22 vols*]. St. Petersburg.

Vyazemskii, P. A. (1879) “Vzglyad na literaturu nashu posle smerti Pushkina” [“A Look at Our Literature after Pushkin’s Death”], in *Polnoe sobranie sochinenii kn. P. A. Vyazemskogo, Tom 2* [*Complete Works of Prince P. A. Vyazemsky. Vol. 2*]. St. Petersburg, pp. 348–379.

Gaida, F. A. (2020) “Svyazuyushchee nachalo: o ponimanii ‘narodnosti’ v Rossii I poloviny XIX v.” [“The Connecting Principle: On the Understanding of ‘Nationality’ in Russia in the First Half of the 19th Century”], in *Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. Tom XXIX* [*Russian Collection: Studies in the History of Russia. Vol. XXIX*]. Ed. by O. R. Airapetov, et al. Moscow, pp. 97–116.

Gogol’, N. V. (1937–1952) “Shletser, Miller i Gerder” [“Schlozer, Miller and Herder”], in Gogol’, N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 tomakh]. Tom 8* [*Complete Works: [In 14 vols]. Vol. 8*]. [Moscow; Leningrad], pp. 85–89.

“Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse i v sem monastyre” [“Historical Memoirs and Remarks on the Way to Trinity and in this Monastery”] (1802) *Vestnik Evropy* [*Bulletin of Europe*], 5(17), pp. 30–47.

Karamzin, N. M. (1978) “Neskol’ko slov o russkoi literature. Pis’mo v ‘Zritel’ o russkoi literature” [“A Few Words about Russian Literature. Letter to the ‘Spectator’ about Russian Literature”], in *Russkaya literaturnaya kritika XVIII veka. Sbornik tekstov* [*Russian Literary Criticism of the 18th Century*]. Moscow, pp. 305–306.

Karamzin, N. M. (1984) *Pis’ma russkogo puteshestvennika* [*Letters of a Russian Traveler*]. Leningrad.

Kireevskii, I. V. (1979) “Nechto o kharaktere poezii Pushkina” [“Something about the Character of Pushkin’s Poetry”], in Kireevskii, I. V. *Kritika i estetika* [*Criticism and Aesthetics*]. Moscow, pp. 43–55.

Letopis’ zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 tomakh. Tom I [*Chronicle of the Life and Work of A. S. Pushkin: In 4 vols. Vol. I*] (1999) Compiled by M. A. Tsyavlovskii. Moscow.

Letopis' Nestorova, po drevneishemu spisku Mnikha Lavrentiya: Napech. pri O-ve istorii i drevn. Rossiiskikh. Izd. prof. Timkovskogo, preryvayushcheesya 1019 godom [Nestor's Chronicle, according to the Oldest Copy of Monk Laurentiy: Printed at the Society of History and Ancient Russian. Published by prof. Timkovsky, interrupted by the year 1019] (1824) Moscow.

Literaturnaya kritika 1800–1820-kh godov [Literary Criticism of the 1800–1820s] (1980) Moscow.

Lotman, Yu. M. (1958) *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni* [Andrei Sergeevich Kaisarov and the Literary and Social Struggle of his Time]. Tartu.

“M. P. Pogodin — Pushkinu. 3 iyunya 1831 g., Moskva” [“M. P. Pogodin — Pushkin. June 3, 1831, Moscow”] (1996) in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 14* [Complete Works in 17 vols. Vol. 14]. Moscow, pp. 170–171.

“M. P. Pogodin — Pushkinu. 10 avgusta 1831 g., Moskva” [“M. P. Pogodin — Pushkin. August 10, 1831, Moscow”] (1996) in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 14* [Complete Works in 17 vols. Vol. 14]. Moscow, pp. 206–207.

Nestor. Russkie letopisi na drevneslavyanskom yazyke, slichennye, perevedennye i ob'yasnennye Avgustom Lyudvigom Shletserom. Ch. 1 [Nestor. Russian chronicles in Old Slavic, collated, translated and explained by August Ludwig Schlozer. Part 1] (1809) St. Petersburg.

Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgenyeva gettingenskogo perioda (1802–1804 gg.) i pis'ma ego k A. S. Kaisarovu i brat'yam v Gettingen 1805–1811 gg. S vved. i primech. V. M. Istrina [Letters and Diary of Alexander Ivanovich Turgenyev from the Göttingen Period (1802–1804) and his Letters to A. S. Kaisarov and his Brothers in Göttingen 1805–1811. From input and notes by V. M. Istrin] (1911) St. Petersburg, II pag.

Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitrievu [Letters from N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev] (1866) St. Petersburg.

Pogodin, M. P. (2010) “Vzglyad na russkuyu istoriyu. Lektsiya pri otkrytii kursa v sentyabre 1832 g.” [“A Look at Russian History. Lecture at the Opening of the Course in September 1832”], in Pogodin, M. P. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Moscow, pp. 85–94.

[Pogodin, M. P.] (1830) “Istoriya russkogo naroda. Soch. H. Polevogo. Tom I. Moskva. V tip. A. Semena, 1829, v maluyu 8-ku LXXXII. 368. VII. 14” [“History of the Russian People. Op. H. Field. Volume I. Moscow. In type A. Semena, 1829, in small 8 LXXXII. 368. VII. 14”], *Moskovskii vestnik* [Moskovsky Vestnik], 1, pp. 165–190.

Pogodin, M. P. (1866) *N. M. Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Ch. 2* [N. M. Karamzin Based on His Works, Letters, and Reviews of His Contemporaries. Part 2]. Moscow.

Pogodin, M. P. (1865) *Khod istoricheskikh rabot Karamzina* [*The Course of Karamzin's Historical Works*]. Moscow.

[Pogodin, M. P.] (1828) “Lettres sur l`histoire de France pour servir d`introduction à l`étude de celle histoire. Par Augustin Thierry. Paris, 1827. Pis'ma ob istorii Frantsii, soch. T'erri” [“Letters on the History of France to Serve as an Introduction to the History of Celle. By Augustin Thierry. Paris, 1827. Letters on the History of France, Works by Thierry”], *Moskovskii vestnik* [*Moskovsky Vestnik*], 7, pp. 215–223.

Polevoi, N. A. (1990) “Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo. Sochinenie N. M. Karamzina. SPb. Tomy I–VIII, 1816 goda, IX, 1821 g., X, XI, 1821 g., XII, 1829 goda (pervye vosem' tomov napechatany vtorym izdaniem v 1818 i 1819 godakh)” [“History of the Russian State. Work of N. M. Karamzin. St. Petersburg. Volumes I–VIII, 1816, IX, 1821, X, XI, 1821, XII, 1829 (the first eight volumes were printed in a second edition in 1818 and 1819)”], in Polevoi, N. and Polevoi, Ks. *Literaturnaya kritika: Stat'i, retsenzii 1825–1842* [*Literary Criticism: Articles, Reviews 1825–1842*]. Leningrad, pp. 32–52.

Polevoi, N. A. (1829) *Istoriya russkogo naroda. Tom I* [*History of the Russian People. Vol. I*]. Moscow.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “<Zametki pri chtenii ‘Nestora’ Shletsera>” [“<Notes on Reading Schlozer's ‘Nestor’>”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 12* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 12*]. Moscow, pp. 207–208.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “<O vtorem tome ‘Istorii russkogo naroda’ Polevogo>” [“<On the Second Volume of Polevoy's ‘History of the Russian People’>”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 11* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 11*]. Moscow, pp. 125–127, 375–378.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “<O romanakh Val'tera Skotta>” [“<On Walter Scott's Novels>”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 12* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 12*]. Moscow, p. 195.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “A. A. Del'vigu. Nachalo fevralya 1826 g. Mikhailovskoe” [“To A. A. Delvig. Beginning of February 1826. Mikhailovskoye”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 13* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 13*]. Moscow, pp. 259–260.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “Istoriya russkogo naroda, sochinenie Nikolaya Polevogo. Tom I. — M. v tipogr. Avgusta Semena, 1829 (LXXXII—368 stran., v 8-yu d. l.). V kontse knigi prilozhena tablitsa, sodержashchaya v sebe genealogicheskuyu rospis' russkikh knyazei s 862 po 1055 god” [“History of the Russian People, Work by Nikolai Polevoy. Volume I. — M. in the Printing House of August Semyon, 1829 (LXXXII—368 pages, in 8 p. l.). At the end of the book there is a table containing a genealogical list of Russian princes from 862 to 1055”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 11* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 11*]. Moscow, pp. 119–124.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “Kn. P. A. Vyazemskomu, 5 iyulya 1824 g., Odessa (nabrosok)” [“To Prince P. A. Vyazemsky, July 5, 1824, Odessa (sketch)”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 13* [Complete Works in 17 vols. Vol. 13]. Moscow, p. 102.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “M. P. Pogodinu. Poslednie chisla noyabrya 1830 g. Boldino” [“To M. P. Pogodin. The Last Days of November 1830. Boldino”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 14* [Complete Works in 17 vols. Vol. 14]. Moscow, pp. 128–129.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “N. N. Raevskomu-synu. Vtoraya polovina (posle 19) iyulya 1825 g. Mikhailovskoe. (Chernovoe)” [“To N. N. Raevsky the Son. The Second Half (After 19) of July 1825. Mikhailovskoye. (Draft)”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 13* [Complete Works in 17 vols. Vol. 13]. Moscow, pp. 540–542, 571–573.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “O narodnoi drame i drame ‘Marfa Posadnitsa’” [“On the Folk Drama and the Drama ‘Marfa Posadnitsa’”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 11* [Complete Works in 17 vols. Vol. 11]. Moscow, pp. 177–183.

Pushkin, A. S. (1994–1997) *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh* [Complete Works in 17 vols] (19 vols). Moscow.

Razgovory Pushkina [Conversations of Pushkin] (1991) Moscow.

Turgenev, A. I. (1911) “Kriticheskie primechaniya, kasayushchiesya do drevnei slavyano-russkoi istorii” [“Critical Notes Concerning Ancient Slavic-Russian History”], in *Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804 gg.) i pis'ma ego k A. S. Kaisarovu i brat'yam v Gettingen 1805–1811 gg. S vved. i primech. V. M. Istrina* [Letters and Diary of Alexander Ivanovich Turgenev from the Göttingen Period (1802–1804) and his Letters to A. S. Kaisarov and his Brothers in Göttingen 1805–1811. From input and notes by V. M. Istrin]. St. Petersburg, II pag., pp. 166–167.

[Shevyrev, S. P.] (1828) “Obozrenie russkoi slovesnosti za 1827-i god” [“Review of Russian Literature for the Year 1827”], *Moskovskii vestnik* [Moskovsky Vestnik], 7, pp. 59–84.

[Shevyrev, S. P.] (1827) “Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent, par Augustin Thierry. T. I. XXVI. 440 p. T. II. 501 p. T. III. 566 p. 1825. 1826. in 8°: Istoriya zavoevaniya Anglii Normannami” [“History of the Conquest of England by the Normans, its Causes and their Consequences, in England, in Ecology, in Ireland and on the Continent, by Augustin Thierry. T. I. XXVI. 440 p. T. II. 501 p. T. III. 566 p. 1825. 1826. in 8°: History of the Conquest of England by the Normans”], *Moskovskii vestnik* [Moskovsky Vestnik], 6, pp. 329–330.

Информация об авторе: Федор Александрович Гайда — доктор исторических наук, профессор, исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: Российская Федерация, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.

Information about the author: Fyodor A. Gayda — DSc in History, Professor, the History Department of the Lomonosov Moscow State University. Address: 4, 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Leading Research Fellow at the Department of Contemporary History of the St. Tikhon Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya Str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 06.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 101–124.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 101–124.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-101-124

«ЕДИНЕНИЕ ОКРАИНЫ С ИМПЕРИЕЙ»: ВОПРОС РУСИФИКАЦИИ «СПОКОЙНОЙ ФИНЛЯНДИИ»

Людмила Федоровна Луцевич

Варшавский университет,
Варшава, Польша, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы, связанные 1) с особым положением финской «окраины» в составе Российской империи, а также 2) с процессом ее русификации. Великое княжество Финляндское, возникшее в результате присоединения Россией территории Финляндии по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 года, стало «надежным щитом безопасности» на северо-западных рубежах империи. Александр I специальным манифестом сохранил финнам традиционный уклад жизни, прежние законы, права и свободы, что превращало княжество в некое автономное государство со всеми присущими ему атрибутами. Этот политический курс поддерживался всеми последующими правителями России. Особое значение для развития «окраины» имели глобальные реформы Александра II по модернизации различных сфер жизни. К концу XIX века усилились милитаристские тенденции в Европе,

© Луцевич Л. Ф., 2025

распространялись антироссийские настроения. В этих условиях правительство актуализировало идею «единой и нераздельной России», которая стала стержнем процесса русификации «окраин». Реализация идеи «теснейшего единения» финской «окраины» с империей была возложена на генерала-губернатора Н. И. Бобрикова. Он составил программу конкретных мероприятий, необходимых для «обрусения» края, пропаганда которых возлагалась на «Финляндскую газету». И программа, и газета вызвали резкое неприятие со стороны финской элиты. Н. И. Бобриков в 1904 году погиб от рук экстремиста, газета закрылась, опубликовав манифесты об отречении Николая II и Великого князя Михаила.

Ключевые слова: Российская империя, финская «окраина», Великое княжество Финляндское, безопасность, автономия, Александр I, Александр II, реформы, Н. И. Бобриков, «Финляндская газета»

Ссылка для цитирования: Луцевич Л. Ф. «Единение окраины с империей»: Вопрос русификации «спокойной Финляндии» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 101–124.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-101-124.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

“UNITY OF THE REGION WITH THE EMPIRE”:
THE ISSUE OF RUSIFICATION OF “QUIET FINLAND”

Ludmila F. Lutsevich

Warsaw University,
Warszawa, Polska, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Abstract. The article discusses several issues related to 1) the special status of the Finnish “borderland” within the Russian Empire, and 2) the process of Russification. The Grand Duchy of Finland, which emerged as a result of Russia’s annexation of Finnish territory through the Treaty of Fredrikshamn in 1809, became a “reliable shield of security” on the northwestern borders of the empire. Alexander I, through a special manifesto, preserved the traditional way of life for Finns, along with their previous laws, rights, and freedoms, which transformed the duchy into a quasi-

autonomous state with all its inherent attributes. This political course was supported by all subsequent rulers of Russia. The global reforms of Alexander II aimed at modernizing various spheres of life were particularly significant for the development of the “borderland.” By the end of the 19th century, militaristic tendencies in Europe intensified, and anti-Russian sentiments began to spread. In this context, the government emphasized the idea of a “united and indivisible Russia,” which became the core of the Russification process in the “borderlands.” The implementation of the idea of “closer unity” between the Finnish “borderland” and the empire was entrusted to Governor-General N. I. Bobrikov. He developed a program of specific measures necessary for the “Russification” of the region, the promotion of which was entrusted to the “Finnish Newspaper.” Both the program and the newspaper faced strong opposition from the Finnish elite. N. I. Bobrikov was assassinated by an extremist in 1904, and the newspaper was closed, publishing manifestos about the abdication of Nicholas II and Grand Duke Michael.

Keywords: Russian Empire, Finnish “borderland”, Grand Duchy of Finland, security, autonomy, Alexander I, Alexander II, reforms, N. I. Bobrikov, “Finnish Newspaper”

For citation: Lutsevich, L. F. (2025) “‘Unity of the Region with the Empire’: The Issue of Rusification of ‘Quiet Finland’,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 101–124. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-101-124.

Империя — это неплохое понятие. Она
цивилизует дикие окраины, вводит
правовые нормы, пусть плохо
исполнявшиеся, но такая тенденция
дает пространство свободы.
[Кантор, 2020, с. 14]

1

Войны между Русью (а затем Россией) и Швецией, начавшись в XIII веке, продолжались до XIX века, предметом конфликта являлось побережье Финского залива, которым стремилась завладеть каждая из воюющих сторон. В русско-шведских войнах Финляндия, по словам К. Ф. Ордина (1836–1892), «была козлицем отпущения и местом битв, и средством пропитания проходящих войск, и жертвою всяких репрессалий. Принадлежав столетиями

Д. Доу. Портрет императора России Александра I. Между 1818 и 1825

Швеции, заимствовав от нее в большей части свою культуру, принимав участие во всех ее счастливых и несчастных судьбах, Финляндия постоянно была, однако, в отношении к Швеции в положении пасынка» [Ордин, 1889, т. 2, с. 2]. Шведская пресса, поощряемая властями, изображала русских государей «кроважидными извергами», правительство, общество, частную жизнь россиян описывала «в самых черных, специально сгущенных красках» [Ордин, 1889, т. 2, с. 4], стремясь таким образом разжечь в среде простых финнов враждебные чувства к России и ее жителям. При полном доверии большей части населения печатному слову в то время, цель эта достигалась в полной мере.

Последняя русско-шведская война (1808–1809) была начата Россией с целью установления контроля над Финским и Ботническим заливами. Александр I «двинул войска в Финляндию для сохранения безопасности Империи» [Ми-

хайловский–Данилевский, 1841, с. 6]. Благодаря активным действиям, русские войска уже через месяц заняли значительную часть финской территории.

Император, еще до официального заключения мира, в специальном Манифесте «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» от 20 марта 1808 года объявил соотечественникам и всем европейским правительствам: «Всевышний приосенил помощью Своею праведною Наше дело. Войска Наши с мужеством им обычным, борясь с препятствиями и преодолевая все трудности им предстоявшие, повсюду встречая неприятеля и храбро поражая его, овладели и заняли всю почти Шведскую Финляндию. Страну сию, оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи» [Полное собрание законов, 1830, т. XXX, с. 146–147].

Ректор Абоского университета, юрист, политик Матиас Калониус (Matthias Calonius, 1738–1817) относительно военных действий русской армии на финской территории писал так: «Надобно откровенно сознаться, что настоящая война ведена с такой умеренностью, какая не только прилична нашему просвещённому веку, но заслуживает, чтобы её ставили в пример другим, даже просвещённым нациям» [Бородкин, 1911, с. 112–113]. Русский военный историк, подводя итоги, подчеркивал: «Покорив Финляндию, Александр поставил естественные, твердые, безопасные границы, чем раз навсегда отдалил и пресек причины и предлоги вековых войн России с Швецией и упрочил мир на севере» [Михайловский–Данилевский, 1841, с. 514]. Академик К. И. Арсеньев (1789–1865) считал завоевание Финляндии «драгоценнейшим из всех приобретений Александровых», ставшее «несокрушимым щитом безопасности России со стороны Швеции» [Арсеньев, 1848, с. 50].

Император прекрасно понимал, что только военной победы в данном случае недостаточно, в целях надежной охраны северо-западных рубежей империи необходимо всеми доступными способами привлечь большинство финского населения на свою сторону. Ради этого пошел на невиданные до тех пор уступки: он не стал распространять на западную «окраину» общепринятые тогда в России централизованное управление и крепостничество. Вместо этого издал указ о созыве сейма в городе Борго — сословного собрания представителей народов Финляндии. 16 марта 1809 года император лично открыл первое заседание сейма, где зачитал Манифест, которым «удостоверял» сохранение княжеству традиционного уклада жизни, прежних законов, прав и свобод: «Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего

Княжества по Конституциям¹ их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии» [Шиловский, 1903, с. 10].

Каждый последующий российский монарх, вступая на престол, подписывал *этот документ* в неизменном виде [Шиловский, 1903, с. 11, 12, 13–14, 14–15].

2

Александр II (1818–1881) взошел на престол 18 февраля 1855 года, а уже 19-го подписал Манифест, составленный в 1809 году Александром I, где «удостоверил Религию, Коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние Княжества по прежним установлениям донныне пользовались» и обещал «хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии» [Шиловский, 1903, с. 12].

Финскую «окраину» Александр II знал неплохо. Еще будучи наследником, он не раз бывал в княжестве с отцом в инспекционных поездках (1842, 1853, 1854), любил финские пейзажи, симпатизировал мирным финляндцам. В 1851 году самостоятельно успешно осуществил так называемый «примирительный визит» в столицу княжества

в качестве канцлера Александровского университета в Гельсингфорсе, выступив посредником в конфликте местных властей и студентов.

Как император он посетил университет 11 марта 1856 года. На встрече с преподавателями и студентами подтвердил им свое «непреложное расположение, благожелательность и милость», припомнив, что 30 лет назад он, тогда 8-летний наследник, «был назначен отцом канцлером университета, для того, чтобы “служить прочною связью” между императором и этим высшим учебным заведением. Ныне, волею Всемогущего, вступив на престол моих предков, Я в доказатель-

Портрет Великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II

¹ В данном случае под Конституциями понимались действовавшие в Финляндии шведские законы: «Форма правления от 21 августа 1772 г.» и «Акт соединения и безопасности от 21 февраля и 3 апреля 1789 г.». Императорский «Манифест» сохранил Финляндии свод гражданских, уголовных и процессуальных законов, известных под названием «Общего Уложения Шведского Королевства» (швед. “Sveriges Rikes Allmanna Lag”).

Императорский Александровский (Гельсингфорский) университет. 1870

ство моей любви к этому университету, назначил канцлером его — старшего сына моего и наследника престола (в 1856 году Николаю Александровичу было 13 лет, — *Л. Л.*), чтобы он также в свою очередь был залогом связи между Мною и вами. Будьте уверены в неизменности моих благосклонных чувств к вам, а Я полагаюсь на вас» [Бородкин, 1908, с. 24]. В речи Александра II зазвучала личностная нотка. Присутствующие почувствовали это и восторженно приветствовали императора.

На следующий день, 12 марта, Александр II выступал в Сенате. Прежде всего он поблагодарил финнов за храбрость, проявленную в Крымской войне, а затем ознакомил присутствующих со своими грандиозными планами по реформированию экономики княжества, которые включали: развитие промышленности и мореплавания, либерализацию торговли, распространение народного образования, развитие финской культуры, реализацию крупных проектов в сфере транспорта (новые каналы, дороги, железнодорожные пути) и др.

На все предложенные императором проекты выделялись огромные субсидии. Финские реформы стали частью более широкой политики Александра II по модернизации Российской империи в целом, что в конечном итоге привело к значительным изменениям в разных сферах жизни. Абоская «Åbo Underrättelser» — старейшая шведоязычная газета Финляндии — писала: «Ни один Монарх не встречен с такою теплотою чувств, как великодушный, кроткий, миролюбивый Александр II, наша надежда, наш свет, наше спокойствие, воздвигнувший себе памятник в верных финских сердцах, памятник столь

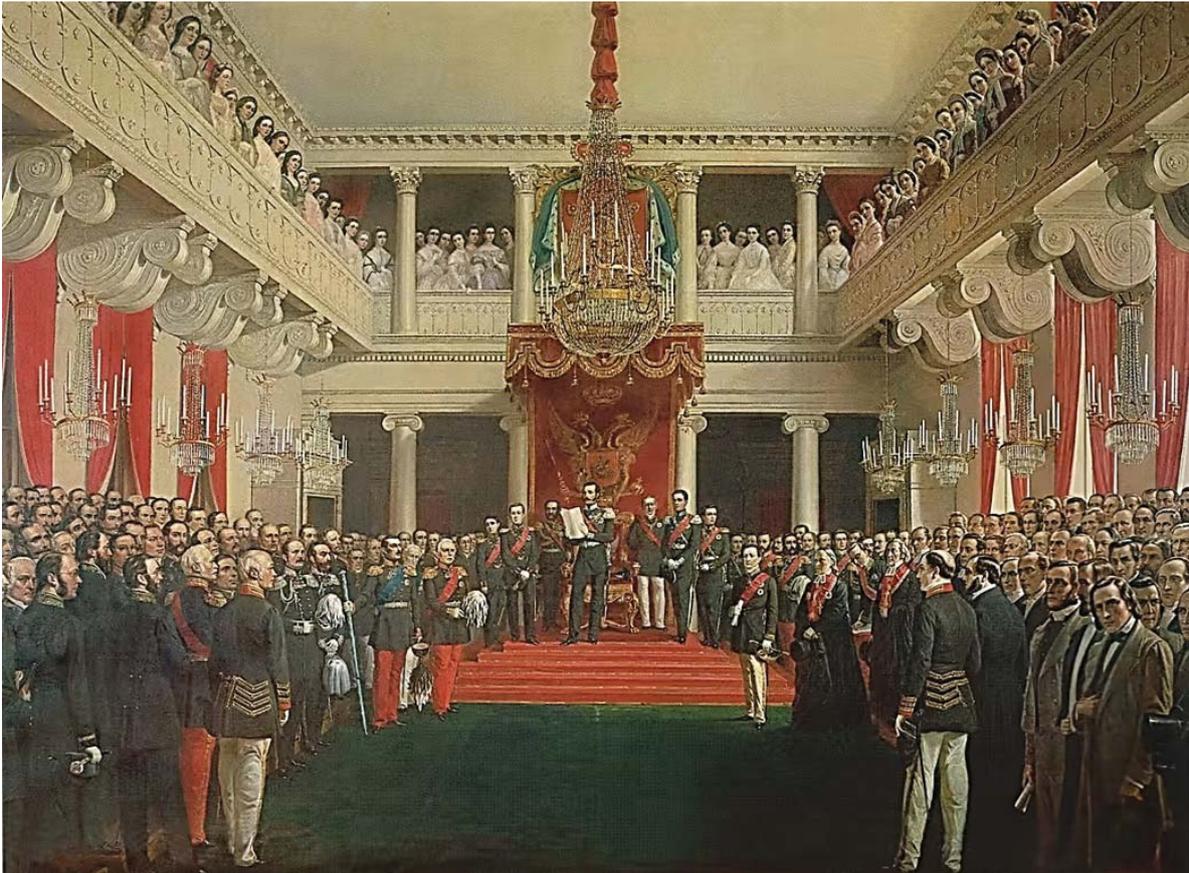
Е. И. Ботман. Портрет Александра II. 1856

же прекрасный и прочный, сколько благородно и скромно все его существо. Да здравствует на многие лета великодушный, великообразованный Александр II» [Бородкин, 1908, с. 26].

Особую благодарность финское общество выражало императору за возобновление регулярной деятельности сейма, который не собирался с 1809 года. Хотя решение о созыве сейма далось Александру II не просто, особенно в связи с начавшимся в январе 1863 года восстанием в Польше. Вероятно, свою позитивную роль сыграло стремление, с одной стороны, поощрить лояльных финнов в противовес бунтующим полякам, с другой — необходимость стабилизировать ситуацию в западном крае и в стране в целом.

6 сентября 1863 года император открыл долгожданное заседание сейма в Гельсингфорсе программной речью:

Представители Великого Княжества Финляндского, видя вас собранными вокруг меня, я счастлив, что мог осуществить ваши желания и надежды. (...) Вам известны мои чувства и желания счастья и благоденствия народов, вве-

Р. В. Экман. Император Александр II объявляет сессию парламента 1863 года открытой. 1865

ренных Богом моему попечению. Ни одно из моих действий не нарушило согласия, которое должно существовать между Государем и народом. Я хочу, чтобы согласие это продолжало служить, как и прежде, залогом добрых отношений, соединяющих меня с мужественным и честным финским народом. Оно будет, несомненно, способствовать благосостоянию страны, близкой моему сердцу, и доставит мне случай созывать вас в определенные сроки. От вас, представителей Великого Княжества Финляндского, зависит доказать достоинством, умеренностью и спокойствием ваших рассуждений, что в руках народа мудрого, расположенного трудиться сообща с Государем в практическом духе над развитием своего благоденствия, либеральные учреждения не только не составляют опасности, но являются гарантией порядка и преуспевания.

[Татищев, 1903, т. 1, с. 473–474]

Император упомянул в речи также о своем намерении даровать сейму более обширные права (этот замысел будет реализован в «Сеймовом уставе» 1869 года) и окончательно провозгласил Финляндию конституционным княжеством, имеющим выборное правительство, права и свободы. Тогда же он

подписал документ о финском языке, который планировалось постепенно, в течение 20-летнего переходного периода, вводить в делопроизводство, после чего он должен был получить, наряду со шведским языком, официальный статус в княжестве. Этот документ сыграл важную позитивную роль: возникли школы с обучением на финском языке, постепенно расширился круг финских газет, стремительно начала развиваться финноязычная литература, открылся Финский национальный театр (1872). По сути, благодаря инициативе Александра II, финский язык реально обрел статус национально значимого.

Открытие сейма, как и сам визит императора в Финляндию в сопровождении членов императорской фамилии и высших государственных чиновников, были обставлены весьма пышно: празднества длились несколько дней, состоялся парад, завершились торжества роскошным балом.

По словам профессора Матти Клинге (Matti Klinge, 1936–2023), в княжестве сформировался особый «культ» императора:

Настоящее поклонение Александру II существовало в Финляндии как при его жизни, так и после его преждевременной смерти. Ещё современники

М. Зичи. Бал в честь императора Александра II, организованный городом Гельсингфорсом в сентябре 1863 года в здании железнодорожного вокзала. 1864

Александра заметили, что императором восхищались заметно больше в Финляндии, чем в России, не говоря уже о Польше... Для либералов он был монархом, даровавшим сейм и парламентаризм, для фенноманов — императором, подписавшим рескрипт о финском языке, а для всех — государем, в период правления которого Финляндия не только развивалась экономически и культурно, но также превратилась в современную нацию и государство.

[Клинге, 2005, с. 114]

После трагической гибели Александра II сенат принял решение об увековечивании его памяти в столице Финляндии. Монумент, созданный известными скульпторами В. Рунебергом и Й. Таканеном, был открыт 17 (29) апреля 1894 года на Сенатской площади. Император изображен во время выступления в сейме в 1863 году. Вокруг гранитного основания расположены четыре аллегорические фигуры, составляющие основу государства: Лех (Закон), Лух (Просвещение), Рах (Мир), Labor (Труд).

3

Вопрос русификации «спокойной Финляндии» не выдвигался на повестку дня почти до конца XIX века, в отличие от бурной Польши, которая доставляла российскому правительству множественные «неудобства», бесконечно обостряя так называемое «польское дело». Однако к концу столетия усилились милитаристские тенденции в Европе, более жесткой стала внутривнутриполитическая борьба в России (расцветал терроризм). На «западных окраинах» ширились настроения антироссийские, националистические, сепаратистские. Это характерно уже не только для Польши и Прибалтики, но и для «смирной» Финляндии.

Член Государственного Совета А. П. Николаи (1821–1899) в «Записке по вопросу о преобразовании центрального управления на Кавказе» (1882) напомнил: «Российская империя состоит из двух органических элементов: коренного русского государства, сердцевины империи, ее ядра, обнимающего то большинство населения, которое принадлежит к русско-славянскому племени, и из разнородных, разновремененно присоединенных инородческих и иноплеменных окраин: Царство Польское, Прибалтийский край, Финляндия, в большей мере Сибирь, Туркестанский край, Кавказ и Закаспийский край. Так как всякое государство, для утверждения своей силы, должно стремиться к возможному объединению разнородных элементов, то весьма естественно, что государственная политика требует, чтобы эта цель объединения была преследуема постоянно, настойчиво, но вместе с тем осторожно и разумно. Никакая приобретенная веками национальная или племенная своеобразность не

Памятник Александру II в Хельсинки. 1894

сдается без борьбы к поглощению, а потому, при преследовании целей объединения, необходимо с этим естественным законом считаться и часто делать ему временные уступки, не упуская из вида главные цели окончательного создания гармонического единства» империи и окраин [Кэмпбелл, 2001, с. 206–207]. Перед русским правительством остро вставали вопросы упорядочивания управления «окраинами», модернизации административно-правового и культурно-языкового пространства империи. В этих условиях актуализирована идея «единой и нераздельной России», издавна прописанная в «Своде законов Российской империи» как основополагающий принцип государственной политики [Свод Законов, 1912, т. I, ч. 1, с. 1]. Эта идея и стала стержнем запущенного властями процесса русификации «окраин», в том числе и Финляндии.

В 1898 году губернатором княжества был назначен генерал Николай Иванович Бобриков (1839–1904). В рескрипте о его назначении Николай II указал на личную заинтересованность в развитии края и особо подчеркнул общеполитическую установку «теснейшего единения» окраины с империей: «Высоко ценя вашу опытность и многообразные дарования Я питаю уверенность, что исполнение обязанностей ваших одушевлено будет, стремлением к последовательному укоренению в сознании местного населения всей важности для блага финляндского края теснейшего единения его с общим для всех верно-подданных Отечеством» [Финляндская газета, 1904, № 87, с. 2]. Консерватор и монархист по убеждениям, исполнительный военный по профессии, Бобриков будет точно следовать указаниям, полученным от императора.

3 февраля 1899 года последовал Высочайший манифест, в котором констатировалось:

Мы, в непрестанной заботе о благе всех без различия верных наших подданных, признали полезным, в дополнение действующих постановлений и в руководство подлежащим учреждениям Империи и Великого Княжества, установить твердый и незыблемый порядок их деятельности по начертанию и изданию законов общегосударственных. Вместе с тем, оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно для нужд Финляндского края относящихся, Мы почли необходимым предоставить Нашему усмотрению ближайшее указание предметом общеимперского законодательства.

[Ежегодник ... , 1899, с. 32]

Вместе с манифестом были утверждены «Основные Положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для Империи со включением Великого Княжества Финляндского», по которым законодательная власть по вопросам общегосударственного значения была передана от финского сейма Императору [Ежегодник ... , 1899, с. 33].

Политическая линия в отношении княжества была выработана министром и статс-секретарем Великого княжества Финляндского В. К. Плеве (1846–1904), который в письме Бобрикову от 8 сентября 1899 года, излагая свое видение в решении проблемы сближения княжества с империей, пояснял: «...ни законодательного, ни административного самоуправления уничтожать не предполагается, и денационализация в виду не имеется. Что же касается культуры, то желательно ее дальнейшее развитие, лишь бы она не поддерживала антагонизма по отношению к нам Финляндии. С высшей этической

Николай Иванович Бобриков

точки зрения, задачи этой культуры должны бы заключаться в отыскании точек соприкосновения» [Памяти Плеве, 1904, с. 27]. Непосредственно практическая реализация идеи «теснейшего единения» финской окраины с империей была возложена на Н. И. Бобрикова. Он составил программу конкретных мероприятий, необходимых для «обрусения» края, согласовал ее с императором Николаем II и В. К. Плеве. Губернатор предлагал осуществить следующие действия: объединить армии княжества и империи; упразднить финскую таможенную и денежную систему (финская марка); ввести государственный статус русского языка; увеличить число россиян в администрации княжества (доминировали шведы); усилить властную вертикаль российской администрации (доминировали

шведы); ввести единый с Россией порядок делопроизводства; создать пророссийские учебники для всех финских школ; начать издание имперской правительственной газеты и мн. др. Намеченные мероприятия генерал-губернатор намеревался осуществить «без коренной ломки и не вызывая, по возможности, в крае раздражения», напоминая, что «жители Великого княжества, оставаясь финнами, могут быть хорошими русскими подданными (...) по присяге и по политическим стремлениям» [Бородкин, 1905, с. 116]. Финская элита, однако, восприняла предложенную программу реформ резко отрицательно. Не молчала и иностранная пресса. Новоявленный русский политэмигрант В. Г. Чертков (1854–1936) в своем лондонском издательстве «Свободное слово» издал сборник статей с показательным названием «Финляндский разгром», куда включил публикации И. П. Рейтера, Нисбета Бэна, Эдуарда Вестермарка и свои собственные размышления о характере взаимоотношений России и Финляндии. Основное зло, по общему мнению публицистов, сосредоточено было в фигуре генерала-губернатора Бобрикова — «энергичного поборника русификации Финляндии», который «бесчисленными придирками и притеснениями в важных и мелких случаях старался довести финляндцев до открытого возмущения», ввел «шпионскую систему», «агитацию провокаторов», устроил «гонение на свободное слово» — финскую прессу, сделав ее «предметом своих

нападок», и наконец, основал «Финляндскую Газету» на русском, т. е. незнакомом публике языке, с целью противодействовать одностороннему влиянию местной прессы. Так как в Финляндии найти редактора для этого органа было невозможно, то его пришлось выписать из России в лице г. Баженова, а так как газета не могла существовать на свои собственные средства, то, по приказу русского правительства, финляндский сенат вынужден был ассигновать 30 тысяч марок единовременно на устройство типографии и еще 30 тысяч в виде ежегодной субсидии» [Чертков, 1900, с. 61, 63, 65, 66]. Эти субсидии из финской казны на нужды первой русской газеты и стали камнем преткновения в отношениях между губернатором и элитой княжества. Сборник «Финляндский разгром» был запрещен цензурой к ввозу и распространению в России.

4

В самом княжестве детищем начавшегося процесса русификации стала «Финляндская газета» (1900–1917) — первый печатный орган на русском языке. Газета основана по инициативе Бобрикова. Удачно с позиций идеологических был выбран редактор. Им стал хорошо образованный Иван Александрович Баженов (1846–1915). В Московском университете он изучал историю, филологию, естественные и юридические науки; защитил диссертацию в области права «Шантаж как уголовное преступление» [Баженов, 1878], но занимался не юриспруденцией, а журналистикой, был сотрудником «Зари», «Киевского слова», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Биржевых ведомостей», др. Главным критерием в выборе редактора для «Финляндской газеты» было единомыслие: Баженов — убежденный консерватор-монархист, русский националист, полностью разделяя бобриковскую русификаторскую программу, был твердым сторонником курса на сближение финляндской окраины с империей.

Проблема обрусения к тому времени широко обсуждалась в русской консервативной прессе («Русское обозрение», «Московские ведомости», «Благовест», «Русское дело», др.). Теоретически русификация мыслилась как средство защиты государственных интересов России за счет усиления русского национального ядра. Известный публицист Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) — в молодости общепризнанный теоретик народников-террористов, а затем убежденный консерватор-монархист — рассматривал проблему русификации с двух сторон, разграничивая такие понятия, как русификация государственная и русификация национальная.

В статье «Русское дело и обрусение» (1895) он писал: *русификация государственная* «всегда обязательна. Наша власть (...) имеет право требовать верной

Лев Александрович Тихомиров

службы и поддержки своему государству от всякого подданного (...) и того, что для такой службы необходимо (...), например, знания официального государственного языка (...). И если (...) нерусская национальность верно несет свою (...) службу, (...) то она имеет полное право на охрану государством ее национального существования» [Тихомиров, 1895, № 1]. Что же касается *русификации национальной*, то это процесс долговременный. Само собой разумелось, по мысли теоретика, что Российская империя должна оставаться государством унитарным, русский язык — государственным, православная религия — господствующей. При этом наиболее *желательная тенденция* — это ненасильственная, постепенная, добровольная ассимиляция других народов на основе приобщения к русскому языку,

православию, культуре. Позиции Тихомирова разделяли и губернатор Бобриков, и редактор Баженов.

Первый номер газеты вышел 1 января 1900 года с программной редакторской статьей «Задачи “Финляндской газеты”» [Баженов, 1900, № 1]. Руководствуясь идеей *единой, нераздельной России*, автор начал статью напоминанием: Финляндия, вошла в 1809 году в состав «великой русской *государственной семьи* как полноправный ее член, как один из *родных сыновей России*» [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. Метафора, базирующаяся на концепте семейственности, составляет стержень статьи. В бесконфликтном сосуществовании автономии и империи на протяжении почти столетия Баженов видел пример мягкого взаимодействия сторон — по примеру *добрых родственных отношений*, при которых семья берет на себя заботы по защите всех своих членов, по достойному их существованию, опираясь на взаимные чувства нравственного единения. В меру деликатно редактор разъяснял, убеждал, воспитывал: «Если судьбою определено русским и финнам жить под одной кровлею, то естественно желать, чтобы *союз их был самый тесный, проникнутый и согретый, как искренний союз семейный, миром и любовью*. (...) Россия, по отношению ко всем народностям (...) является *доброжелательной и любящей матерью* (...). Государственная программа ее (...) великодушна и справедлива. Ее мощь позволяет ей

обеспечить права и свободу инородцев — развитие их своеобразных культур [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. Главная задача газеты, — подчеркивал редактор, — «проведение в среду финляндцев (...) убеждений» о необходимости «тесного единения» Финляндии с Россией, осознания «общности интересов»; «пора научиться понимать друг друга, только тогда можно «делить горе и радости совместной политической судьбы». Для укоренения в сознании читателей идеи «общности интересов» редактор намеревался «всеми средствами способствовать обоюдному ознакомлению России с ее Финляндской окраиной», «возбудить взаимное сочувствие и доверие» [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. Решая задачу «взаимодействия» двух народов, редакция запланировала издание недельных номеров газеты и на финском языке.

Развивая далее тему «обоюдного ознакомления», редактор указывает на различные подходы сторон: россиян в познании и отношении к Финляндии, финнов в познании и отношении к России. Что касается интереса россиян, то ситуация такова: «...на русском языке имеется (...) довольно значительная литература, которая успела осветить некоторые отрасли жизни финского народа, отметив по достоинству упорный труд, бережливость и борьбу финляндца с неблагоприятными климатическими и экономическими условиями, а также справедливо отметить некоторые его культурные успехи в разных отраслях деятельности» [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. При этом имелись в виду общекультурные факторы. Прежде всего, освоение русскими читателями «Калевалы» — финского народного эпоса, записанного его первым собирателем Элиасом Лённротом (1802–1884) в 1828 году и изданного в первой редакции (так называемой малой «Калевалы») в 1835 году. Так, Федор Глинка, получив еще в 1827 году от собирателя рун А. Шёгрена две песни, перевел их на русский язык, одну опубликовал в 1828 году в журнале «Славянин», вторую — позже [Хурмеваара, 1972, с. 7, 20–23]. С содержанием всей малой «Калевалы» познакомил русских читателей профессор Гельсингфорского университета Я. К. Грот в 1840 году в журнале «Современник» [Хурмеваара, 1972, с. 24–28]. В 1847 году попытку прозаического перевода «главных черт» эпоса предпринял студент Гельсингфорского университета Мориц Эман [Хурмеваара, 1972, с. 29–31]. В 1888 году Л. П. Бельский (1855–1916) — поэт, переводчик, литературовед — полностью перевел текст и издал его отдельной книгой [Калевала, 1888]; в 1905 году Бельский осуществил также сокращенный перевод эпоса для юношества, который неоднократно переиздавался. Приведенные факты, касающиеся только одного артефакта, безусловно, свидетельствуют о высокой заинтересованности русского общества культурой соседней «окраины». Кроме того, следует иметь в виду постоянное обращение русских поэтов к финской тематике (К. Батюшков,

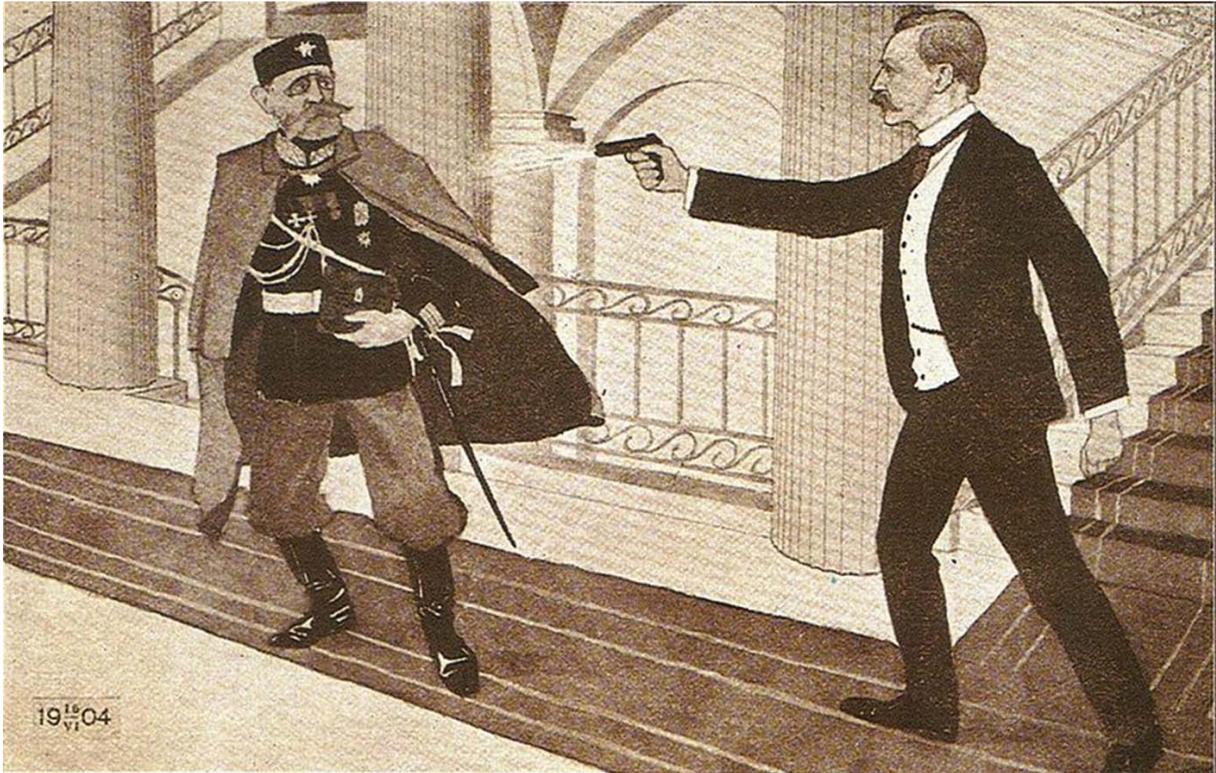

Иван Александрович Баженов

Д. Давыдов, Ф. Глинка, Е. Баратынский, А. Пушкин, Яков Полонский, В. Брюсов, А. Блок и многие другие). Финляндские мотивы отразились в дневниках, письмах, воспоминаниях Я. Грота, М. Салтыкова-Щедрина, журналиста Леонида Полонского, публициста Григория Джаншиева и др. Журналы «Современник», «Москвитянин», «Русский архив» и др. регулярно знакомили русских читателей с финляндским миром. В результате в русской культуре сформировался позитивный образ Финляндии как идиллического «европейского уголка», приспособленного для «опрятной» жизни; страны, хотя и чужой, но спокойной, приветливой, симпатич-

ной; сформировался и образ финна — покорителя суровой природы, свободного труженика, мирного созерцателя.

Что же касается финнов, считает редактор, то они вовсе не утруждали себя какими-либо познаниями о большом имперском отечестве: «для финляндской окраины, Россия — совершенно неведомая страна» [Хурмеваара, 1972, с. 29–31]. Авторы финских учебников, как правило, «излагая прошлое Финляндии, (...) освещали все события со шведской точки зрения, сожалея о неудачах Швеции и радуясь ее успехам. Россия же всегда была представлена в невыгодном освещении. Все успехи русских объяснялись или случаем, или подкупом» [Каменский, 1908, с. 26–27]. Причины такого положения дел Баженов видел в том, что «ни финляндская школа, ни местная печать до сих пор не ввели в свои программы изучения русской жизни, истории, литературы, науки, философии, искусства, промышленности в той мере, в какой надлежало бы это сделать в ближайшей к столице окраине великого государства» [Каменский, 1908, с. 1–2]. Редактор убежден: знакомство финнов с позитивной Россией, ее вековыми морально-нравственными ценностями, культурой, где выразились духовные устремления русского народа, особенности его характера, обычаи, обряды, общий уклад жизни и проч. поможет воспитать и «на окраине» истинных сторонников «великого государства» вместо сепаратистов, живущих все еще в «неведомой стране» [Каменский, 1908, с. 1–2].

Неизвестный художник. Ойген Шауман стреляет в генерал-губернатора Николая Бобрикова. 1904

Появление «Финляндской газеты» не вызвало энтузиазма с финской стороны. Русский историк отмечал: «Местные газеты стали замалчивать и игнорировать русского собрата; агитаторы стали преследовать финнов, служивших в типографии, и лиц, печатавших в русской газете свои объявления; почта в начале не пожелала доставлять ее по назначению», «финляндцы встретили новую русскую газету (...) бойкотом» [Бородкин, 1905, с. 117, 118].

Официальная политика Петербурга строилась на постепенном размывании основ финляндской автономии через трансформацию и унификацию законодательства. Финны воспринимали эти мероприятия как покушение на суверенитет страны. Напряжение в обществе возрастало. Кульминацией стало убийство губернатора 3 июня 1904 года чиновником Эйгеном Шауманом. Убийца и сам застрелился.

Акцию возмездия взяла на себя левая шведская партия, не мирившаяся с русификаторской политикой Бобрикова. Через полтора месяца после этого 15 (28) июля 1904 года в Петербурге студент Егор Созонов убил министра В. К. Плеве. 17 (30) июля 1904 года «Финляндская газета» вышла с траурной рамкой, где сообщала эту печальную вест. На следующей странице газеты было помещено стихотворение Вл. Лебедева «Памяти И. И. Бобрикова. К сороковому дню по его кончине», начинавшееся стихами:

Опять умы тоской объяты,
Опять легла на сердце тень:
Настал унылый срок утраты,
Сороковой печальный день!..

[Лебедев, 1904, с. 2]

Эти неприхотливые строки запечатлели на странице «Финляндской газеты» трагическую общность судеб людей, некогда стоявших у ее истоков. Сама же газета дожила до 5 (18) марта 1917 года. Опубликовав в своем последнем номере манифесты об отречении от престола императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича [Финляндская газета, 1917, № 51], она зафиксировала момент крушения Российской империи.

Список источников

Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1848. 503 с.

Баженов И. А. Шантаж как уголовное преступление. М.: Тип. К. Индриха, 1878. 30 с.

[*Баженов И. А.*] Задачи «Финляндской газеты» // Финляндская газета. 1900. № 1. 13 янв. С. 1.

Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 481 с.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Александра II. СПб.: Гос. тип., 1908. 571 с.

Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 198 с.

Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1899. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1899.

Калевала: Финская народная эпопея. Полный стихотворный перевод, с предисловием и примечаниями Л. П. Бельского. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1888. 616 с.

Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства: К финляндскому вопросу в Государственной думе. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. 65 с.

Кантор В. К. Русская мысль, или «Самостоянье человека». Философические эссе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 416 с.

Клингге М. Имперская Финляндия / пер. с фин. И. Соломеща, В. И. Мусаева, А. Рупасова; науч. ред. В. И. Мусаева. СПб.: Коло, 2005. 616 с.

Кэмпбелл Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности: сб. ст. / под ред. Б. В. Ананьича, С. И. Барзилова. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 206–207. URL: <https://www.istorya.ru/referat/referat2/74002.php> (дата обращения: 02.02. 2025).

Лебедев В. Памяти Н. И. Бобрикова. К сороковому дню по его кончине // Финляндская газета. 1904. № 110. 17 (30) июля. С. 2.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. 524 с.

Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам: в 2 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. Т 2. 702 с.

Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. Краткий биографический очерк (по документам и личным воспоминаниям). СПб.: Тип. Мин-ва Внутр. Дел, 1904. 132 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXX. 1808–1809. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Импер. Велич. Канцелярии, 1830. 1416 с.

Свод Законов Российской Империи: в 3 кн. / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Книжное товарищество «Деятель», 1912. Кн. 1. Т. I, ч. 1. 440 с.

Татищев. С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. Т. 1. 538 с.

Тихомиров Л. А. Русское дело и обрусение // Русское обозрение. 1895. № 1. URL: <http://samoderjavie.ru/tihomirov-russkoe-delo30> (дата обращения: 02.02.2025).

Финляндская газета. 1904. № 87. 6 (19) июня. 4 с.

Финляндская газета, 1917. № 51. 5 (18) марта. 4 с.

Чертков В. Г. (ред.) Финляндский разгром. England: Изд. «Свободного слова», 1900. No 35. 76 с.

Шиловский П. П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии, СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 143 с.

Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России. К истории перевода. Петрозаводск: Изд. «Карелия», 1972, 103 с.

References

Arsen'ev, K. I. (1848) *Statisticheskie ocherki Rossii [Statistical Essays on Russia]*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk Publ.

Bazhenov, I. A. (1878) *Shantazh kak ugovnoe prestuplenie [Blackmail as a Criminal Offense]*. Moscow: Tip. K. Indriha Publ.

[Bazhenov, I. A.] (1900) “Zadachi ‘Finljandskoj gazety’” [“Objectives of the ‘Finnish Newspaper’”], *Finljandskaja Gazeta [Finnish Newspaper]*, 1, 13 Jan.

Borodkin, M. M. (1905) *Iz novejshej istorii Finlandii. Vremja upravlenija N. I. Bobrikova [From the Modern History of Finland. Management Time of N. I. Bobrikov]*. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ.

Borodkin, M. M. (1908) *Istorija Finlandii. Vremja Aleksandra II [History of Finland. The Time of Alexander II]*. St. Petersburg: Gos. tip. Publ.

Borodkin, M. M. (1911) *Kratkaja istorija Finlandii [A Brief History of Finland]*. St. Petersburg: Tov-tvo R. Golike i A. Vil'borg, Publ.

Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh Del [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs] (1899) St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno Publ.

Kalevala: Finskaja narodnaja jepopeja [Kalevala: Finnish Folk Epic] (1888) Full poetic translation, with preface and notes by L. P. Belsky. St. Petersburg: Tip. N. A. Lebedeva Publ.

Kamenskij, N. (1908) *Sovremennoe polozhenie Finlandii s točki zrenija oborony gosudarstva: K finljandskomu voprosu v Gosudarstvennoj dume [The Current Situation in Finland from the Point of View of State Defense: On the Finnish question in the State Duma]*. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. Udelov Publ.

Kantor, V. K. (2020) *Russkaja mysl', ili “Samostojan'e cheloveka”. Filosoficheskie jesse [Russian Thought, or “Independence of Man.” Philosophical Essays]*. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ Publ.

Klinge, M. (2005) *Imperskaja Finlandija [Imperial Finland]*. Translation from Finnish by I. Solomeshcha, V. I. Musaeva and A. Rupasova; scientific ed. V. I. Musaeva. St. Petersburg: Kolo Publ.

Kjempbell, E. I. (2001) “‘Edinaja i nedelimaja Rossija’ i ‘Inorodcheskij vopros’ v imperskoj ideologii samoderzhavija” [“‘United and Indivisible Russia’ and the ‘Foreign Question’ in the Imperial Ideology of Autocracy”], in *Prostranstvo vlasti: istoričeskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti [Space of Power: Russia’s Historical Experience and Modern Challenges: Collection of articles]*. Ed. by B. V. Ananich and S. I. Barzilov. Moscow: Mosk. obshhestv. nauch. Fond Publ., pp. 206–207. Available at: <http://www.istorya.ru/referat/referat2/74002.php> (Accessed: 02 February 2025).

Lebedev, V. (1904) “Pamjati N. I. Bobrikova. K sorokovomu dnu po ego konchine” [“In Memory of N. I. Bobrikov. By the Fortieth Day after his Death”], *Finljandskaja gazeta [Finnish Newspaper]*, 110, 17(30) Jul.

Mihajlovskij-Danilevskij, A. I. (1841) *Opisanie Finljandskoj vojny na suhom puti i na more v 1808 i 1809 godah po vysochajshemu povelenu sochinennoe general-lejtenantom*

Mihajlovskim-Danilevskim [Description of the Finnish War on the Land Route and at Sea in 1808 and 1809 by the Highest Order, Composed by Lieutenant General Mikhailovsky-Danilevsky]. St. Petersburg: Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Publ.

Ordin, K. F. (1889) *Pokorenie Finljandii. Opyt opisanija po neizdannym istochnikam: v 2 tomakh. Tom 2 [Conquest of Finland. Experience of Description from Unpublished Sources: in 2 vols. Vol. 2]*. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorohodova Publ.

Pamjati Vjacheslava Konstantinovicha Pleve. Kratkij biograficheskiy ocherk (po dokumentam i lichnym vospominanijam) [In Memory of Vyacheslav Konstantinovich Pleve. A Brief Biographical Sketch (Based on Documents and Personal Recollections)] (1904) St. Petersburg: Tip. Min-va Vnutr. Del Publ.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe. Tom XXX: 1808–1809 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire from 1649. First Collection. Vol. 30: 1808–1809]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. Ego Imper. Velich. Kanceljarii Publ.

Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. Tom I. Chast' 1 [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. I. Part 1] (1912) Ed. and notes by I. D. Mordukhai-Bolotovskiy. St. Petersburg: Knizhnoe tovarishhestvo “Dejatel” Publ.

Tatishhev, S. S. (1903) *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie: v 2 tomakh [Emperor Alexander II. His Life and Reign: in 2 vols]*. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina Publ.

Tihomirov, L. A. (1895) “Russkoe delo i obrusenie” [“The Russian Cause and Russification”], *Russkoe obozreniye [Russian Review]*, 1. Available at: <http://samoderjavie.ru/tihomirov-russkoe-delo30> (Accessed: 02 February 2025).

Finljandskaja Gazeta [Finnish Newspaper] (1904) 87, 6(19) Jun.

Finljandskaja Gazeta [Finnish Newspaper] (1917) 51, 5(18) Mar.

Chertkov, V. G. (ed.) (1900) *Finljandskij razgrom [The Finnish Defeat]*. England, Izd. «Svobodnogo slova» Publ., 35.

Shilovskij, P. P. (1903) *Akty, odnosjashiesja k politicheskomu polozheniju Finljandii [Acts Relating to the Political Status of Finland]*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasjulevicha Publ.

Hurmevaara, A. G. (1972) “Kalevala” v Rossii. *K istorii perevoda [“Kalevala” in Russia. On the History of the Translation]*. Petrozavodsk: Izd. Karelija Publ.

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Адрес: Polska, 00-312, Warszawa, ul. Dobra, 55.

Information about the author: Ludmila F. Lutsevich — DSc in Philology, Professor of the Department of Literature and Intercultural Studies at the Institute of Special and Intercultural Communication, Faculty of Applied Linguistics of the Warsaw University. Address: 55 Dobra ul., Warszawa, 00-312, Polska.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 21.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 125–150.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 125–150.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-125-150

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ПАРИ И СИНКРЕТИЧНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК ПАСКАЛЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Константин Абрекович Баршт

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, Санкт-Петербург,
Россия, konstantin_barsht@pushdom.ru

Аннотация. В статье излагается гипотеза, что пари Паскаля, фиксирующее сложную экзистенциальную ситуацию гомо сапиенс, не столько требует выбора орла или решки, сколько предлагает философскую навигацию, способную сориентировать человека в онтологическом и нравственном плане. Истинные цели и средства пари Паскаля относительно общепринятых меняются местами, именно так понял скрытый смысл пари Достоевский: пребывание сознания человека в зоне «вековечного вопроса» обеспечивает возможность интуитивных прозрений, способных прояснить недоступное разуму. Это породило в его творчестве феномен «двойных мыслей», предполагающий видение действительности одновременно с точек зрения бессмертного и смертного существ. Важным фактором *credo* Паскаля был его треугольник, в статье содержится публикация рисунка Достоевского с комментарием, откуда в рукописях Достоевского могли появиться изображения треугольников.

© Баршт К. А., 2025

Ключевые слова: пари и треугольник Паскаля, «вековечный вопрос» Ф. М. Достоевского, «двойные мысли», дивергентное мышление

Ссылка для цитирования: Баршт К. А. Парадоксальное пари и синкретичный треугольник Паскаля в творческой практике Ф. М. Достоевского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 125–150. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-125-150.

Literature. Philosophy. Religion

PARADOXICAL “THE BET” AND SYNCRETIC “THE TRIANGLE” BY PASCAL
IN THE CREATIVE PRACTICE OF F. M. DOSTOEVSKY

Konstantin A. Barsht

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,
konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article presents the hypothesis that Pascal’s Bet, which captures the complex existential situation of Homo sapiens, does not so much require the choice of “heads” or “tails” as it offers philosophical navigation capable of orienting a person ontologically and morally. The true goals and means of Pascal’s “bet,” relatively generally accepted, change places, this is how Dostoevsky understood the hidden meaning of the Bet: the presence of human consciousness in the zone of the “eternal question” provides the opportunity for intuitive insights that can clarify what is inaccessible to reason. This gave rise to the phenomenon of “double thoughts” in his work, which presupposes a vision of reality simultaneously from the point of view of immortal and mortal beings. An important factor in Pascal’s credo was his Triangle. The article contains a publication of Dostoevsky’s drawing, with a comment on where images of triangles could have appeared in Dostoevsky’s manuscripts.

Keywords: Pascal’s the Bet and Triangle, “the eternal question” by F. M. Dostoevsky, “double thoughts,” divergent thinking

For citation: Barsht, K. A. (2025) “Paradoxical ‘The Bet’ and Syncretic ‘The Triangle’ by Pascal in the Creative Practice of F. M. Dostoevsky,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 125–150. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-125-150.

О том, что герои-философы Достоевского формулируют свои вопросы о Боге в семантическом ракурсе, который задал в своем пари Блез Паскаль, известно давно [Алташина, 2013, с. 7–52], и, разумеется, этим не исчерпывается влияние французского философа на отечественную литературу [Стрельцова, 1994; Кантор, 2023].

Задумывая встречу «Архиерея» и «Князя» (Тихона и Ставрогина) в романе «Бесы», Достоевский помечает ключевой пункт их диалога: «Князь уже выходит (после вопроса “верите ли в Бога?”)» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 194]. Велико разнообразие ситуаций, в которых звучит этот вопрос: в беседе с чиновником, проглоченным крокодилом [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 338]; в разговоре между убийцей и следователем, расследующим преступление, с уточнением, буквальна ли вера [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 201]; в устах уголовников, обвиняющих одного из них в богоотступничестве, кричащих «с остервенением»: «Ты безбожник! Ты в Бога не веруешь!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419]; во время дружеской беседы: «Я, брат, признаюсь, мне очень понравилось, ...когда ты громко сказал, что веришь в Бога» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 81]; при попытке наладить отношения: «...давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога иль нет?» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 182].

Постановка вопроса вызывает широкую гамму чувств, от ступора до буйного веселья: «Рогожин покатился со смеху. (...) — Один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 183]. С «огненным взглядом» говорит речь о вере в Бога князь Мышкин [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 452–453]. Прагматический аспект вопроса звучит в реплике Лизаветы Прокофьевны («Идиот»), которая уверена, что отсутствие веры в Бога приведет к тому, что «вы друг друга переедите, это я вам предсказываю» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 288]. Количество примеров легко умножить. «Вопрос» у Достоевского задается в ключевых эпизодах сюжета или в момент наивысшего эмоционального накала в диалогах персонажей, как правило, фиксируя морально-онтологический тупик, в котором они находятся.

Трагедия человека, указывает Паскаль, определяется тем, что «конечное уничтожается перед бесконечным и превращается в чистое ничто» [Паскаль, 1995, с. 185], человек «не способен понять небытие, из которого он извлечен, и бесконечность, которою он поглощается» [Паскаль, 1995, с. 133]. Одним из тех, кто заметил этот важнейший параметр идеологии Паскаля, впоследствии продуктивно усвоенный Достоевским, был И. И. Лапшин [Лапшин, 1928, с. 55–63]. Речь идет не только о смертности человека, но, главное, о значительности его места в мироздании: «Мы есть нечто, но мы не есть все... частица бытия

в нас так мала, что бесконечность скрывается из-за этого от нашего зрения» [Паскаль, 1995, с. 134]. Паскаль трактовал гомо сапиенс как весьма странное и противоречивое существо: «Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной. Кто распутает этот клубок?.. Что же с тобой станет, о человек, ищущий правду о своем уделе с помощью природного разума?» [Паскаль, 1995, с. 110].

Парафраз этой мысли содержится в романе «Братья Карамазовы». Иван Карамазов, повторяя паскалевскую мысль, заключает ее в кавычки, указывая на открытую цитату, очевидную для каждого, кто читал «Мысли» Паскаля. Люди, по его мнению, «недоделанные пробные существа, созданные в насмешку» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 238]. Продолжая развивать паскалевскую идею о человеке как о химерическом существе в своем «Дневнике писателя», Достоевский предположил: «Ну, что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 147].

Несовершенство человека, неумение подавляющего числа людей прислушиваться к своей душе, пользоваться результатами «духовного зрения», сочетающееся с попыткой освоить идею Бога с помощью разума, было одним из огорчений Паскаля. Он искренне пытался понять и оправдать тех, которые «устроены так» [Паскаль, 1995, с. 188], с горечью констатируя: «Я знаю людей, которые не могут понять, что если от нуля отнять четыре, останется нуль» [Паскаль, 1995, с. 134]. Наблюдая два основных типа верующих, с религиозным чувством и без него, Паскаль заметил: «Я могу лишь сострадать тем, (...) кто проводит свою жизнь, не думая о конечной цели жизни, кто (...) в самом себе не находит убедительных доводов для веры, пренебрегает их искать вовне и взглянуть поглубже...» [Паскаль, 1995, с. 191]. Идею о том, что основная масса людей, составляющих человечество, отказывается «взглянуть поглубже», Достоевский унаследовал от Паскаля. Затрагивая эту проблему и описывая сущность «человека середины», он помечает: «Ламберт. “Помнишь нашу шайку разбойников? — А ты бери, когда-то еще царствие Божие” (...). Постареет или заболит — начнет свечки ставить. И вся середина такова» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 346]. Давая волю сарказму, Достоевский отрезал: трактовка ума человеческого в роли «заключительного предела вселенной, (...) глупее игры в шашки двух лавочников» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 18–19].

Необходимость увязать в смысловое целое паскалевские «две бездны» с юности терзала душу Достоевского и стала основой всего, что он говорил и

писал в течение жизни. Мечтая о глубоком нравственном преображении русского общества, что должно, по его мнению, спасти страну от неминуемой катастрофы, писатель моделировал речь апологета почвенничества Князя, героя первой версии романа «Бесы»: «“Нужен подвиг. (...) Подвигом мир победите”», на что получал характерное возражение Шатова: «“Знаете, всё это одни фантазии, (...) или религиозное помешательство. Привлеките-ка всех к подвигу» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 177–178]. Этот диалог совпадает по смыслу с репликой Великого инквизитора о небольшом количестве «избранных», которым доступно живое религиозное чувство, для которых только и «приходил Христос» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 235].

В связи с этим вырисовываются два прагматических уровня паскалевского пари: для человека, неспособного отнять четыре от нуля, — требование вести себя прилично, хотя бы под угрозой ада; для человека, обладающего религиозной интуицией, — пророчество о неразрешимости судьбы человека, «красной точки» между двумя безднами. Второй слой прагматики плотно закрыт первым, доступен лишь тем, кто уже и так находится внутри парадигмы, помогая точнее выбрать пути решения «вопроса».

Пари Паскаля часто трактуется как замена интуитивного постижения идеи Бога простой актуализацией инстинкта самосохранения — некий рецепт обратить трагический тупик «вековечного вопроса» в светлую радость бытия. В частности, так считает Г. Я. Стрельцова¹. С другой стороны, ясно, что эти два предположения — «Бог есть» и «Бога нет» — не имеют в мироздании никакого иного значения, кроме принятого «мыслящим тростником» способа определить свое положение в мировой действительности. Кроме того, две части силлогизма ценностно логически неравнозначны, а формулирование «проигрыша» в пари выглядит как угроза [Лисанюк, 2009]. Налицо также нарративный сдвиг: первое положение идет от «я-для-себя», а второе — от «я-для-тебя», пользуясь терминологией М. М. Бахтина, дилемма оформляет двучлен «кругозор/окружение». Очевидно, что пари Паскаля бессмысленно для человека с развитым религиозным чувством, ибо оно ничего не добавляет к его представлениям о мире, но является философской провокацией, направленной на выведение из состояния метафизической апатии людей, не задумывающихся над вопросом, что они есть такое. Им Паскаль предлагает: если вы поставите на Бога, выигрываете все, а если проигрываете, «не теряете ничего; делайте же вашу ставку скорее» [Паскаль, 1995, с. 187]. Однако этот совет — хитрость Па-

¹ «Задача Паскаля в его пари в убеждении себя и своего читателя в том, что существует возможность превратить чувство отчаяния (из-за неведения помысла Бога) в чувство радостной надежды спасения души» [Стрельцова, 1994, с. 274].

скаля, задача которого вовлечь реципиента в процесс осмысления «вопроса», погружая его в сомнения и колебания пусть даже и в самых крайних формах. Ведь само размышление над «вопросом» выводит человек на верный путь, так или иначе выводящий к цели.

«Ставка» лишь внешне выглядит как дилемма выбора между решкой и орлом («Бог есть» или «Бога нет»). Задавая начало духовному поиску, Паскаль предлагает обширное описание плюсов и минусов каждого из вариантов в случаях выигрыша и проигрыша в каждой из двух ставок. Минимальный профит ждет игрока, выигравшего в варианте «Бога нет», плюс катастрофический провал в случае, если Бог есть; абсолютный выигрыш ждет выигравшего ставку «Бог есть». При этом даже в варианте «проигрыша» (Бога нет) человек ничего не теряет: проживая жизнь с верой в личное бессмертие, он оказывается в выигрыше, обретая за плечами достойно прожитую жизнь. Преимущество в любом случае на стороне выбора «Бог есть», указывает Паскаль [Паскаль, 1995, с. 188]. Главная цель этой провокации — указать, что на одной чаше весов находятся конечные величины, на другой — бесконечные. В этом смысле пари Паскаля выглядит как предложение сравнить синее с круглым, чего сам философ не мог не понимать. Это косвенным образом подтверждает наше предположение, что суть дела вовсе не в «ставке», но в самом процессе выбора. Лишь внешне дело выглядит так, будто Паскаль переводит экзистенциальный вопрос в сферу бытовой выгоды.

Литература о пари составляет целую библиотеку, и концепция Паскаля выглядит в ней как св. Себастьян, утыканный критическими стрелами. Идея «игры» в таком «серьезном вопросе» покорила Вольтера, справедливо указавшего также, что желание во что-то верить и вопрос о существовании предмета веры лежат в разных плоскостях [Вольтер, 1988, с. 194]. Дидро заметил, что понятие «Бог» у Паскаля связано с христианской верой, однако и мусульманин мог бы, отрицая христианство, выдвинуть подобного рода «пари»². У. Джеймс упрекнул Паскаля в попытке насильственного склонения человека к вере с помощью ни на чем не основанного обещания вечного блаженства [Джеймс, 1997, с. 12]. На отсутствие логически оправданного решения дилеммы Паскаля указывал С. Т. Дэвис [Дэвис, 2016, с. 214–226]. Представляется, однако, что странная и легко уязвимая со многих точек зрения конструкция Паскаля имеет внутренний ресурс, лежащий за пределами бытовой прагматики и формально-логической области.

² «Паскаль сказал: “Если ваша религия ложна, вы ничем не рискуете, считая ее истинной; если она истинна, вы рискуете всем, считая ее ложной”. Какой-нибудь имам мог бы сказать то же, что и Паскаль» [Дидро, 1986, с. 272].

Доминантой идеологии Достоевского, в своей основе извлеченной им из трудов Паскаля, было убеждение, что равным образом и в паскалевском пари, и в многочисленных диалогах его героев-философов о Боге основной ценностью является не утверждение одного из двух противоположных тезисов, но процедура выбора — продуктивная ценность «перетаскивания на себе» тяжкого опыта «pro и contra». Особенность ситуации заключается в том, что в этой игре вас подводят к ломберному столу, объясняют правила, предлагают сделать ставку — но лишают какой-либо возможности эту ставку сделать, оставляя вас в состоянии бесконечно длящегося выбора. Ведь если даже человек скажет: «Ставлю на Бога», никакие карты, фишки или кости никуда не лягут, нигде не будут зафиксированы, и после этого утверждения в голову полезут «сомнения», отодвигая его на шаг назад, в состояние, когда выбор еще не был сделан.

С. Л. Франк писал, что если человек обладает религиозным чувством, ему не нужно пари, он и так знает о существовании космического Разума, если нет — также не нужно, никакими рациональными доводами добиться веры нельзя, можно только породить еще одного фарисея, истово крестящегося в церкви без малейшего христианского начала в душе³. Паскаль прекрасно отдавал себе в этом отчет: «...разум влечет вас к вере, а вы все-таки не можете уверовать... Вы хотите прийти к вере, но не знаете дороги к ней» [Паскаль, 1995, с. 188]. Будто бы иллюстрируя мысль Паскаля, Достоевский записывает в тетради случай «веры по разуму»: «Но надо [на] всякий же случай верить мне, как между нами все и как выразился про них Герцен», вольно или невольно цитируя здесь Паскаля [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 164]. Внеморальная постановка вопроса о Боге не может привести к какому-либо другому результату.

Выбор любого из двух вариантов приводит сознание в трепетное состояние переменной смены разнообразных версий «про» и «контра». Не это ли и является основной целью Паскаля, создавшего когнитивную ловушку для превращения любого типа сознания человека в сознание религиозное? Фактически пари повторяет известные угрозы, содержащиеся в Священном Писании: если не будешь следовать заповедям, окажешься в аду. В чем же разница? Паскаль не просто переводит эту мысль в формат задачи, но располагает реципиента в позиции между прагматическими Сциллой и Харибдой, порождая необхо-

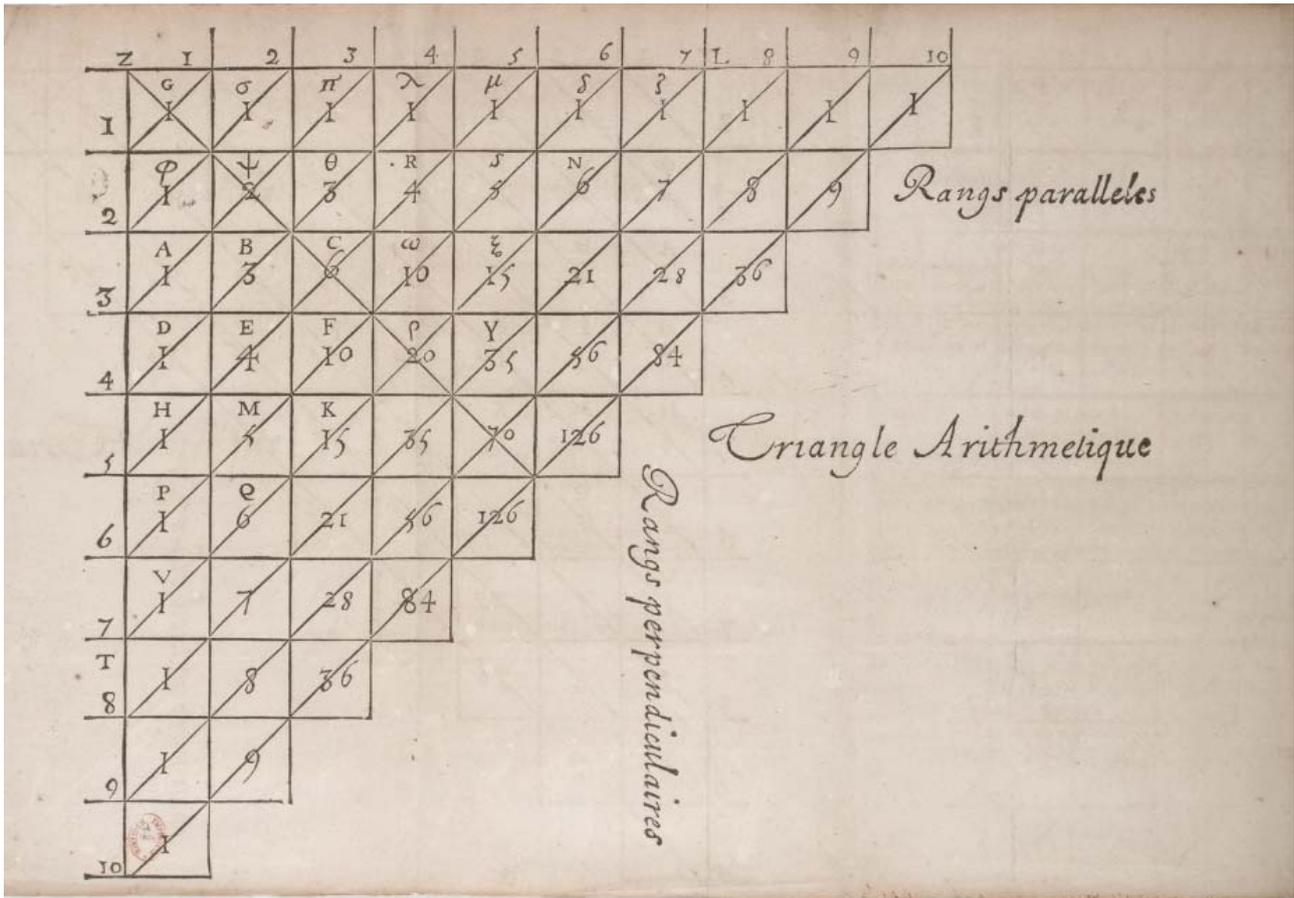
³ «...нам теперь постепенно открывается или мы, по крайней мере, предугадываем целый новый мир — сферу духовных основ жизни; и в этом мире царит строгая, неукоснительная закономерность — не менее точная, чем в мире физическом, хотя и иного порядка. Это есть то, что гениальный христианский мыслитель Паскаль называл *ordre du coeur* или *logique du coeur* — “порядок” или “логика” человеческого сердца» [Франк, 1990, с. 175].

димось объемного, стереоскопического видения, учитывающего множество разнообразных условий и обстоятельств.

В связи с этим уместно вспомнить о другой выдающейся разработке Паскаля — его треугольнике, считающемся воплощением гармоничной структуры с многообразными многофункциональными связями⁴, который входит в историю человеческой культуры как одна из самых красивых математических матриц, недвусмысленно указывающих на наличие сокровенной и таинственной гармонии в Мироздании. Сестра Паскаля вспоминала, что философ еще в детстве любил «чертить фигуры на полу, (...) треугольник с равными сторонами и углами и другие подобные вещи...» [Паскаль, 1995, с. 40]. В зрелые годы это увлечение принесло замечательный результат. Помимо известных и хорошо прокомментированных математических свойств треугольника, в особенностях его структуры можно усмотреть идею: за жесткими рамками традиционного бинаризма «0/1» выявляется иной план реальности, намекающий на существование неявных, но реальных гармонических согласий между, казалось бы, разрозненными частями Мироздания. За внешней скупой определенностью арифметического значения того или иного числа в ячейке треугольника Паскаля проглядывает тайна неизведанного и непознанного, что включает в себе действительность.

Паскаль описал эту концепцию в своем знаменитом «Трактате об арифметическом треугольнике» [Pascal, 1665]. В нем содержится объяснение системы биномиальных коэффициентов, расположенных в геометрической конструкции, представляющей собой массив из треугольников, обозначенных числами. Содержащиеся в таблице числа вступают между собой в сложные многоуровневые взаимодействия. На вершине треугольника и по его бокам находятся единицы, далее каждое число в ячейке равно сумме двух расположенных над ним чисел. Уровни треугольника симметричны по его вертикальной оси, вторая диагональ любого направления содержит натуральные числа. Обнаруживается ряд иных логических соответствий, последовательно описанных Паскалем, для которого, как, вероятно, и для Достоевского, эта математическая схема являлась наглядным знаком внутренней гармонии Мироздания, моделью длящегося сокровенного Творения, где самые разные участки связаны в одно Целое корневыми закономерностями.

⁴ Другие названия этой математической модели, известной и до Паскаля: «треугольник Тарталья», «треугольник Штифеля», «треугольник Хайяма», «треугольник аль-Караджи», «треугольник Ян Хуэя». Название «треугольник Паскаля» закрепилось в мировой культуре после публикации трактата философа, содержащего полное описание математических и логических ресурсов системы.

Треугольник Паскаля в оригинальной версии. Из книги: *Traité du triangle arithmetique, avec quelques autres petits traiteuz sur la mesme matiere.* Par monsieur Pascal. Paris: G. Desprez, 1665. 177 p.

С этими и другими особенностями треугольника Паскаля Достоевский познакомился в юности в математических классах Главного инженерного училища. Рисуя треугольник Паскаля и считая числа в его ячейках, на что указывают проставленные в них точки, Достоевский размышлял о единстве и гармонии Вселенной, которая скрыта под пластами хаоса социальной действительности.

Насколько важен был для французского философа символ треугольника, говорит тот факт, что тексту своего известного письма к П. Ферма от 10 августа 1660 года Паскаль придал треугольную форму [Паскаль, 1995, с. 430–431]. Сомнительно, что Достоевский видел это письмо, однако, работая над романом «Бесы», он также заключил одну из фраз в рамку в виде треугольника. Важнейшим свойством треугольника, роднящим его с пари, является непреложное требование в процессе обдумывания учитывать и проводить одновременно две и более логические линии.

Паскаль подчеркивал, что Бог есть бесконечность и потому не может иметь конечного определения Себя. Такая дефиниция нужна лишь человеку, кото-

1870 года.

Особые Записочки (к. Новая столица)

В Москве по поводу Паскаля. Умисел. Философия. Васильев

1) Май 16 - понедельник	
2) — 23 - понедельник	
11) Июнь 13 - понедельник	
11) — 24 - вторник	
29) Июль 23 - суббота	
27) Август 19 - четверг (1 час по полурасу)	
24) Сентябрь 12 - понедельник	
9) Октябрь 21 - среда	
30) Октябрь 21 - вторник	
Ноябрь 5 - воскресенье	
Ноябрь 11 - вторник	

4.

Повороты к югу и к северу
 Если саяс тибет исправит
 1/2 шаг - 1.50
 шаг - 3.60
 шаг - 4.40
 шаг - 4.40
 шаг - 4.40
 шаг - 5.40
 шаг - 2.40
 шаг - 4.

Идея все славян нетва. Коммунализм коммунистов
 должны быть распространены не на одних
 славян, но и на русск. для приготовления
 их к всеобщему идею и кротости в нем.

Идеи того: образование курсов историч. России
 а именно истории у нас - сущего вкратце
 оргоическую слав. все славянство,
 - не преемство к классич. образованию, Славян,
 но все воссоздание и моя позиция
 совершенно в том и сознательно у нас
 а то, что мы несем в мир откровения
 от Западе и потому мы, право, не должны
 обновить мир славянск. идеями?
 - У нас ли Запад все же был классич. образованием.
 и то с славянск. понятием (неприменяю) славянск. от славянск. на
 а в России подготовка славянск. и так и потому в славянск. славянск.

Паскаль
 - Это наверно не все славян; это
 наверно не-славян.
 - Удивительн и по Руси, не только по славян
 - Удивительн и по Руси, не только по славян
 - Откуда это? Кудесник ли?
 - Кудесник ли? - провидец ли?
 - Кудесник ли?
 - Это было бы самое
 славянское изобретение -

Треугольник Паскаля среди черновых рукописей романа «Бесы» (РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 4. Апрель 1870 — май 1871 г.)

рый пытается представить Его в категориях, доступных своему разуму: «Мы знаем, что есть бесконечность, но природа ее нам неведома (...). И так же точно можно знать, что Бог есть, не зная, кто Он такой» [Паскаль, 1995, с. 185]. Прибавляя единицу к любому числу, мы меняем его из нечетного в четное или наоборот, и этот процесс, устремленный к бесконечности, указывает путь к Богу. Моделью такого приращения единицы, формирующей гармонию отношений, может служить треугольник Паскаля, а также пари Паскаля, раполагающее сознание человека в полосе противоречий между «про» и «контра».

Проблема в том, что видеть Бога вне Бога невозможно. Остается или отождествлять Его с Творением, или, по языческой модели, рисовать себе некий случайный образ. Однако и тут наши возможности слабы. Так, пожизненно заключенный, находясь в тюрьме, может сколько угодно фантазировать о внешнем виде здания, в котором он находится, но добиться реальной картины не сможет никогда. Эту проблему Достоевский поднимал в романе «Подросток». Чисто языческое, по сути, представление Создателя в виде человекоподобного существа обсуждают персонажи этого романа: «Если высшее существо (...) есть, и существует персонально, а не в виде разлитого там духа какого-то по творению, в виде жидкости, что ли (...), — то где же он живет?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 31]. В черновой версии этой сцены сарказм был еще сильнее: «Ну, если он (Бог) есть, персонально (а не в виде разлитого там духа какого-то (...)), то в чем же он одет? Какого он росту?» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 26].

Особенность постановки паскалевского вопроса — акцент на двойственности природы человека как временного (смертного) и вечного (бессмертного) существа. Эта дихотомия заключена в центральной точке пари Паскаля, где конечное противопоставлено бесконечному: верить — значит признать себя бессмертным существом, неверие указывает на признание конечности личного бытия. В пари зафиксирована трагическая несовместимость потенциально вневременного духовного мира человека с его смертной телесной оболочкой. Эту постановку вопроса остро переживал Достоевский.

В черновых записях к «Бесам» говорится о насущной необходимости вечности для человека [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 268]. В поиске хоть какой-то онтологической опоры, способной поддержать уверенность субъекта в наличии смысла его существования, Паскаль указывает, что человеческий разум, «не найдя опоры в том, что имеет, ищет ее в том, чего у него нет; но ничто не может ее дать, ибо эту бездонную пропасть способен заполнить лишь предмет бесконечный и неизменный, то есть сам Бог» [Паскаль, 1995, с. 119]. Размышляя о краткости земного существования человека, Паскаль нарисовал следующую картину: «Представьте себе цепочку людей в кандалах. Все они приговорены

3) Уменьшишь ли когда у князя, стоишь потыкаться сестателем
(Сидоровым и Ботвини.) Князьгоша и проч.

+ Водил

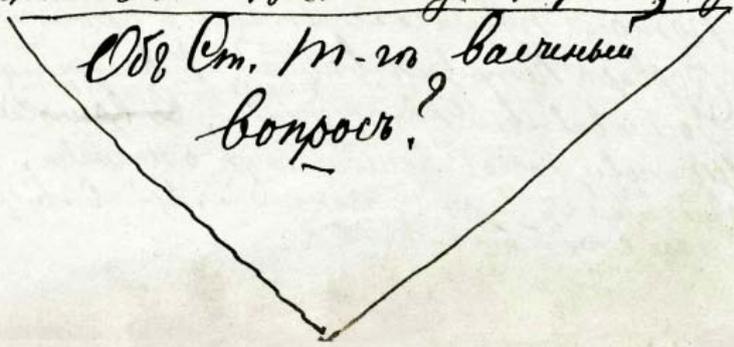
Про отомил Слепутина (либерал б. в. ц. или
как и великий русский Слепукин,
... Слепутина говорит Кераеву; а был сестателем Фурфурин,
но теперь думаю сестателем сестателем Двойфурин
лучше.
Слепутина говорит что себя либерал. Не ввернул
себя и дети в эти слова и в машину в сестате за
Кераеву. Это теперь неопределенно Бернкобейна
а в то же время турно суббота председателя, Кереев
это вредный либерал. Бернкобейна и Вадурасов
решит бы уже и сердцем никогда только осторожно

15) Не сблизит ли так сего Шатов первый приходиться
к князю просить прощения?

Князь сначала принимает холодно, но через три дня
приходит к Шатову:

- Я, говорит он, оговорил то что подвиз, стало быть в словах необходимо. Тут и разговор весь. Князь приводит еще раз два, потом бросит.
- Когда говорит поджар князь с Кераевым,
- решит поджар уже наименее торжественно "либерал" и Кераев около вводит в слово.
- Князь обвернул и Кераева.

15. Куда двинет Степан Трофимович? Варвара Петровна
на смирно уклоняется к новым идеям, но под князем
переходит опять к Степану Трофимовичу.

Страница тетради Достоевского с черновыми записями к «Бесам» с фрагментом текста, заключенным в треугольник (РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 36. Апрель 1870 — май 1871 г.)

к смерти, и каждый день кого-то из них казнят на глазах у других (...). Вот образ удела человеческого» [Паскаль, 1995, с. 198]. Работая над «Преступлением и наказанием», Достоевский записывает: «NB. Верите ли в будущее? Много неверия» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 101]. Та же мысль во время работы над «Братьями Карамазовыми»: «Я страдаю... неверием... (...) будущая жизнь — это такая загадка! И никто-то, ведь никто на нее не отвечает! (...) ...мысль эта о будущей загробной жизни до страдания волнует меня, до ужаса и испуга...» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 51–52].

Попытки человека освоить идею Бога связываются ограничением нашего рассудка, пытающегося познать бесконечное с помощью конечного. Причина этого в том, что «мы сами наделены свойствами конечности и протяженности (...) оно [бесконечное] обладает протяженностью, как и мы, но у него нет пределов, как у нас» [Паскаль, 1995, с. 186]. Таким образом, любая дефиниция Бога, замыкающая его в конечную категорию, обречена на провал — будет либо ложью, либо ошибкой: «Разум тут ничего определить не может», включая постановку вопроса: «Бог или есть, или Его нет» [Паскаль, 1995, с. 186]; с другой стороны, не в вашей воле играть или не играть, ситуация безальтернативная [Паскаль, 1995, с. 187]. Далее, оперируя категориями уверенности/неуверенности в выигрыше и уверенности/неуверенности в риске, Паскаль увлекает читателя идеей, что рискуешь только конечным, имея шансы получить бесконечное [Паскаль, 1995, с. 187].

Если внимательно вчитаться в текст, можно увидеть и другое — то, на что впоследствии обратил внимание Достоевский и сделал центральным пунктом своей религиозной философии. Паскаль многократно подчеркивает, что от процесса выбора не может уйти никто: «...вы впутаны в это дело» [Паскаль, 1995, с. 186], а алгоритм решения определен двойственной природой человека, бессмертная (потенциально бесконечная) душа которого заключена в смертную телесную оболочку. Отказываясь от процесса выбора, от стремления применить «ваш разум и вашу волю», человек теряет перспективу обрести «истину и благо» [Паскаль, 1995, с. 186]. Снова и снова Паскаль настаивает, что «приходится играть (коль вы поставлены перед такой необходимостью)», применять свой разум для решения вопроса о том, как совместить конечное и бесконечное в нашем мире и в собственном сознании.

Несовместимость конечного и бесконечного в вопросе о Боге стала одной из важнейших тем Достоевского. Работая над романом, он записал:

- Стало быть, вы все-таки не верите же в Бога или так говорите?
- Я вывожу так в случае, если нет Бога.

— А в случае, если он есть?

— В этом случае: есть и для меня вечность, и тогда всё тотчас же принимает вид колоссальный и грандиозный, размеры бесконечные, достойные человека и бытия.

[Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 18–19]

Двойственность положения человека в мире как одновременно конечного и бесконечного существа была предметом особого внимания Паскаля и породила в творчестве Достоевского феномен «двойной мысли», замеченный многими исследователями, трактовавшими его по-разному [Бурсов, 1982, с. 194; Тарасов, 2003, с. 289–311; Померанц, 2013, с. 175]. Г. С. Померанц связывает эту «двойственность» с «расколотостью» сознания Достоевского и его героев [Померанц, 2013, с. 176]. Усвоенную Достоевским «двойственность природы человеческой» акцентировал французский философ, указав на нее как на основной источник «хаоса и смятения», доводящих до ощущения, что у нас «две души» [Паскаль, 1995, с. 111, 139, 201].

Фактически Паскаль, а вслед за ним Достоевский в своих штудиях пытались преодолеть ограниченность бинарного способа мышления. Это можно увидеть в пари Паскаля, выводящем мысль за пределы оппозиции «решка/орел», в его треугольнике, в «двойных мыслях» Достоевского, который заставляет своих персонажей искать альтернативу черно-белой дихотомии «+/-». Впервые модель двойного видения Достоевский опробовал в «Записках из подполья» (1864), затем последовательно проводил этот метод в рассуждениях героев-философов всех пяти «больших» романов 1860–1870-х годов.

В самой идее жесткого разделения духовного и телесного начал, с особой категоричностью реализованной Декартом, нет ничего нового. Новое заключается в поиске способа видения мира с точек зрения вечного и одновременно смертного существ, в попытке как-то согласовать или, по крайней мере, логически сочетать результаты этого опыта. О возможности и необходимости такого рода двойного видения реальности Паскаль писал: «Человек сведущий понимает, что природа запечатлела образ свой и своего Создателя на всех вещах, и они почти все причастны к ее двойной бесконечности». Поэтому, продолжает он, все, что представляется нам пределом, безоговорочно принимается за предел, и картина мира предстает перед нами в отредактированном нашими возможностями виде, так как мы «ограничены со всех сторон, и такое наше положение, срединное между двумя крайностями, проявляется во всех наших способностях» [Паскаль, 1995, с. 133–134]. Исследуя предмет, мы пытаемся с помощью интуиции компенсировать ущерб от этих рамок, которые налагает на

нас телесная ограниченность, и сформировать точку зрения на мир, в которой с той или иной долей вероятности звучали бы и данные опытных исследований, и результаты интуитивного, духовного видения. Отказ от черно-белого мышления, намеченный Паскалем, был подхвачен Достоевским, обратившим эту идею в принцип восприятия мира его нарратором и героями-философами.

Таким образом, «двойная мысль» — это вовсе не две мысли, одновременно совмещенные друг с другом, но одна и та же мысль, опирающаяся на два различных основания: 1) я смирен, 2) я бессмертен. Отличие от обычной бинарной мысли такое же, какое существует между электрическим постоянным и переменным током. Во втором случае смысловое напряжение создается за счет колебаний между полюсами, а не на одном из двух полюсов. «Двойная мысль» прямо связана с двойственностью природы человека, устанавливающей связь с действительностью в роли вечного (безграничного) существа и смертного (конечного) биологического образования. Эти две сущности обращены к действительности одновременно, совмещаясь в одном лице, они формируют дихотомию пари в конфликте двух статусов гомо сапиенс. Двойственная природа человека потребовала от обоих мыслителей умения найти одинаково правильные, хотя и логически различные ответы на один и тот же вопрос, исходя из иных мировоззренческих условий, фактически вплотную приближая их к модели дивергентного мышления.

Известно описание Достоевским своего «двойного мышления», когда в едином комплексе выступают вера и неверие, «сомнение (...) до гробовой крышки», где чем сильнее «жажда верить», тем более «доводов противных» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 1, с. 176]. С этим маятникообразным раскачиванием от максимума веры к «доводам противным» связана увлеченность писателя стихом Апокалипсиса: «...знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл (...) извергну тебя из уст моих» (Откр. 3:15–16). Эта цитата занимает важное место в выяснении возможности нравственного выздоровления Ставрогина в главе «У Тихона» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 11]. Далее этот же фрагмент повторяется в сцене предсмертного нравственного возрождения С. Т. Верховенского [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 497], также указывая на осознание героем необходимости двойного видения действительности, с одновременной опорой на данные, доступные органам чувств телесного «я», и на плоды духовного видения бессмертной души, способной услышать голос Бога.

Эту мысль о двух крайних пределах, между которыми мечется мысль человека, идентично Достоевскому Паскаль выразил в категориях тьмы, света и находящегося между ними сумрака, который, подобно категории «тепл» у До-

стоевского, неприемлем для Паскаля: «Я могу любить полную темноту, но если Бог погружает меня в полутьму, (...) я не вижу там достоинств полной темноты, она мне неприятна» [Паскаль, 1995, с. 336]. Отрицательное отношение обоих мыслителей к однополярности и компромиссной позиции, которая исключает двойное видение и связанное с ним колебание между «холоден» («тьмой») и «горяч» («светом»), обеспечивающее стереоскопическое видение проблемы одновременно с двух противоположных по статусу инстанций, сочеталось с мыслью о том, что размышление такого рода питает нравственное чувство. Со всей определенностью этот принцип сформулировал Паскаль: «Вера заключает в себе множество истин, которые как будто противоречат друг другу (...). Источник этого — соединение двух природ в Иисусе Христе» [Паскаль, 1995, с. 277].

Работая над «Преступлением и наказанием», Достоевский подчеркнул, что нравственные ресурсы человека определяются чувством ответственности за свою судьбу и судьбу человечества. Это выражается в уровне внимания к «вопросу»: «счастье» человека непосредственно связывается с «жизненным знанием», это «жизненное знание», по мнению Достоевского, двусоставно, так как представляет собой «непосредственно чувствуемое телом и духом» и обретается лишь в решении противоречий между ними, в трудном «опыте pro и contra, которое нужно перетащить на себе» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 155]. За эту позицию Достоевский подвергался шельмованию со стороны псевдохристиан-фарисеев:

Мерзавцы дразнили меня необразованною и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествовавшей главе, которому ответом служит весь роман. Не как дурак же, фанатик, я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я.

[Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 48]

Когнитивный маятник между двумя крайними бытийными точками в двойственном телесном и духовном статусе — вероятно, самый важный след влияния Паскаля на Достоевского.

Состояние веры/неверия, порождаемое двойным видением, продуцирующее глубокие нравственные выводы, — это, по Паскалю и Достоевскому, максимум когнитивных возможностей homo sapiens. Полное онтолого-нравственное совпадение с Богом возможно лишь в статусе Богочеловека, глубоко

преображенного существа, которое существует в идеале или представлено в образе Иисуса Христа. Отсюда вытекают два тезиса, которые Достоевский развивал и многократно повторял в своих произведениях: человек — переходное, промежуточное существо, в сознании которого слабо совмещаются данные религиозного опыта и опыт социального бытования. Пока онтология гомо сапиенс упирается в паскалевские «две бездны», размещенные на тесном пятачке нескольких десятков лет земной жизни, ничего, кроме силлогизма из «Бесов», не получается: «...если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 469]. Фактически это пари Паскаля в динамике мыслительного процесса с подключением эффекта двойного отрицания.

В «Братьях Карамазовых» Иван пытается нащупать точку соприкосновения между двумя мирами, земным и небесным, в неевклидовой геометрии Б. Римана [Баршт, 2022, с. 366–375], повторяя при этом паскалевскую мысль о невозможности с помощью разума решить вопрос о существовании Бога. Об этой полосе незнания, которая включается в любое метафизическое знание, писал С. Л. Франк: всякое познание есть познание всеобъемлющего Целого в какой-либо его конкретной части, «всякое частное знание есть частичное знание целого, (...) наше знание в любом его состоянии и в любой области (...) не только *сопровождается* незнанием, но и внутренне с ним смешано» [Франк, 1990, с. 217].

Утверждая категорическую необходимость участия в выборе, Паскаль одновременно указывает на беспомощность разума как инструмента для решения вопроса и, более того, на то, что в процессе взвешивания «за» и «против» вы «не можете отказаться ни от того, ни от другого», принципиально не решаясь бранить «за ошибку тех, кто сделал выбор». И тут же прибавляет еще более выразительную фразу: «...но я их браню не за то, что они сделали такой выбор, но что они вообще выбор сделали, потому что и тот, кто выбрал решку, и другой одинаково ошибаются, они ошибаются оба» [Паскаль, 1995, с. 186]. Итак, не заключать пари нельзя, оно навязано человеку самим фактом его существования, однако любое окончательное («конечное» в терминологии Паскаля) решение ошибочно, ведь в обоих случаях вместо искомого бесконечного поставляется конечное. Единственно правильный вывод, который мы можем из этого сделать, будет звучать так: Паскалю не так уж нужно, чтобы человек «сделал ставку на решку», задача другая — вовлечь его в процесс решения вопроса о Боге. На самом деле, по мнению Паскаля, заставить себя поверить во что-либо нельзя. «Выбор» «сопрягается с уничтожением», это самообман, приняв решение, человек будет подавлять в себе способность рассуждать критически, про-

дуцируя ложь. Что касается «вечного блаженства», обещанного как выигрыш, это не цель, а средство заставить человека заняться решением «вековечного вопроса», что неминуемо приведет его к более ясному нравственному самоопределению. На этот момент обратил внимание Достоевский.

Наличие тяжелых сомнений и «несовершенство веры» — отнюдь не недостаток христианина, по Достоевскому, но признак того, что его вера — настоящая, не фарисейского или фанатического типа. Замечателен в этом смысле диалог Ставрогина с архиереем Тихоном в главе «У Тихона»:

— В Бога веруете? — брякнул вдруг Ставрогин.

— Верую.

— Ведь сказано, если веруешь и прикажешь горе сдвинуться, то она сдвинется... (...) сдвинете вы гору или нет? (...)

— Может быть, и не сдвину. (...) Не совершенно верую.

— Как? вы не совершенно? не вполне?

— Да... может быть, и не в совершенстве.

[Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 10]

В связи с этим для Достоевского выглядело сомнительным понятие «еретика» — еретиков на самом деле нет, есть лишь фарисеи. Что же до тех, кто мучается проблемой Бога и не находит позитивного решения, то они стоят вровень с верующими. Поэтому «Князь», апологет «нового христианства», персонаж первой версии романа «Бесы», «никогда не возражает атеистам, хотя верит в Бога страстно» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 99]. Эту мысль подтверждает у Достоевского архиерей Тихон: «...полный атеизм почтеннее светского равнодушия (...) атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 10].

Такого рода диалоги — примета произведений Достоевского. Ответ «Князя» Шатову в «Бесах»: «“А что, верите вы в Бога?” — “А вы?” — “Совсем не верю” (...) “Да я тогда верил; впрочем, может быть, и нет”» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 150]. Будучи не в состоянии утвердиться на одном из двух полюсов своего двойственного телесно-духовного положения, Шатов помещает свою полную веру в Бога в будущее, говоря: «Я... я буду веровать в Бога» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 201]. Согласно мнению Федора Павловича Карамазова, старец Зосима признался: «...credo, да не знаю во что» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 124]. В той же зоне веры/неверия находится и Алеша, который говорит Лизе: «А я в Бога-то вот, может быть, и не верую. — Вы не веруете, что с вами? —

тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не ответил на это. Было тут, в этих слишком внезапных словах его нечто слишком таинственное и слишком субъективное, может быть и ему самому неясное, но уже несомненно его мучившее» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 201]. Такого рода свидетельств в произведениях Достоевского немало. Есть и иронические интерпретации «сомнений» — в рассказе о некоем майоре, который верил в Бога по ночам, а днем становился атеистом [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 307].

В «Дневнике писателя» Достоевский фиксирует историю одного французского архиепископа, которого казнили революционеры за признание того факта, что его вера сочеталась с неверием [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 152]. Адекватную картину проблемы обрисовал С. Л. Франк: «Я предпочитаю предстать перед судом Божиим — если он существует — и откровенно сказать Богу: “Я хотел верить, но не мог, не находя основания для веры; честно искал Тебя, но не мог найти и потому склонился к убеждению, что Тебя нет...”», однако, если Он все-таки есть, Он «ценит выше всего правдивость и чистоту души» [Франк, 2003, с. 463]. Полное погружение в Бога доступно лишь преображенному, «доделанному человеку», пользуясь термином Достоевского. Современному гомо сапиенс доступны лишь три варианта религиозного статуса:

- языческое поклонение по фарисейскому или фанатическому варианту;
- равнодушие в режиме «тепл» в значении цитированной выше метафоры из Апокалипсиса;
- режим напряженного поиска в метаниях между верой и неверием⁵.

В этом статусе находились герои-философы Достоевского, сам писатель, а также все известные нам религиозные мыслители, включая Паскаля, разумеется.

Согласно правдивому мнению нечистой силы, явившейся Ивану Карамазову, он также находится в ситуации «между верой и безверием попеременно» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 80]. Ценностью является сила аргументов от каждой из сторон, как «за», так и «против», их уровень отражает реальную картину морального состояния человека в максимуме своего развития, в двойственности его интеллектуально и духовно просвещенного существа. Приближаясь к параметрам дивергентного мышления, «двойная мысль» оказывается способна учитывать больше версий решений в ограниченный период времени, сочетать их в нестандартных комбинациях, обнаруживать перспективы для лучшего понимания. Формируя семантическую зону «то или это, или оба

⁵ Одним из первых ценность такого рода ментальных колебаний зафиксировал И. И. Лапшин [Лапшин, 1999, с. 51–73].

одновременно», «двойная мысль» пробивается к значениям, недоступным ригоризму бинарной логической модели «1/0». Применимость такого подхода к «вековечному вопросу» хорошо чувствовал Паскаль, отразив в своем треугольнике, творчески развил в своих философских романах Достоевский.

Две основные формулы «вопроса», коренясь в пари Паскаля, уже там обрели логическую цепочку «Бог есть V Бога нет», отсюда «Я бессмертен V Я смертен», отсюда «категорический императив V все позволено». Далее следуют «пробы» героев-философов, реализующих общую схему в конкретных поступках, направленных либо в левую, либо в правую сторону конструктивного принципа «двойной мысли». Основной пункт тождества во взглядах обоих мыслителей выражался в уверенности, что нравственность имеет онтологическое основание. Бытийный материал жизни персонажей Достоевского определяется именно этим: стремление жить по левой части оппозиции (Соня Мармеладова, Шатов, князь Мышкин, Аркадий Долгорукий, Алексей Карамазов) или по его правой части (Лужин, Петр Верховенский, Ф. П. Карамазов). Но особое внимание писателя сосредоточено на персонажах, раздираемых надвое своей «двойной мыслью», — Раскольников, Ставрогин, Кириллов, Иван Карамазов, — расплачивающихся за высокое напряжение своей «двойной мысли» каторгой, сумасшествием или смертью.

Находящийся в когнитивной полосе веры/неверия Степан Трофимович («Бесы») удивляется, почему его «все здесь выставляют безбожником». Он пытается вслушаться в звучащий в его душе голос Мирового Разума. Он отказывается от языческой модели веры, подобной той, какой располагает его служанка Настасья, или версии фарисейской веры «на всякий случай» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 33]. Это довольно характерное описание борьбы рации с интуитивным религиозным чувством, сопровождающейся колебаниями между верой и безверием. В описании Паскаля: «...где ни наши сомнения не могут вовсе загасить всякий свет, ни наша прирожденная ясность не может вовсе рассеять тьму» [Паскаль, 1995, с. 104]; «Мы жаждем истины и находим в себе лишь сомнения» [Паскаль, 1995, с. 182]. Таким образом, пари — это не рулетка, а стартовая точка процесса, нечто вроде единицы на вершине треугольника. По мере движения мысли вниз и прибавления новых чисел уверенность в правильности выбора направления будет только расти, подкрепляясь новыми аргументами. Фактически вера есть расширение опыта бытия в действительности, реализованное средствами логического анализа, данными, полученными за счет интуиции, «духовного зрения».

Черновики Достоевского содержат сотни записей, фиксирующих тяжелый когнитивный конфликт в рамках делящейся в сознании персонажа «двойной

мысли»: «Да ведь зато я знаю, что если и уверую через 15 лет в Бога, то со мной всё равно произойдет ложь, потому его нет. Я ведь знаю, что его нет. Нет, лучше пусть я остаюсь несчастен, но с истиной, чем счастливый с ложью» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 306]. Этот силлогизм является прямой антитезой часто цитируемой фразе Достоевского из письма Н. Д. Фонвизиной: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 1, с. 176]. Между этими двумя берегами проходит нравственно-онтологическая навигация человека в этом мире, говорят Паскаль и Достоевский.

Предложенная ими модель логики, в которой помимо «+» и «–» выступает срединная инстанция, расположенная между ними, позволяет оперировать одновременно несколькими значениями, казалось бы, полностью несовместимыми, однако в модусе «двойной мысли» обретающимися новые познавательные возможности — сформировать зону неопределенности, обладающую свойством генерировать новые идеи. Работа сознания в зоне «двойной мысли» («истина \vee ложь») требует не столько скороспелого решения, сколько последовательного углубления в парадигму и одновременного учета полярных инстанций видения действительности.

Подобно тому как бинокулярное зрение обеспечивает возможность определить расстояние до предмета, такого рода видение с двух точек зрения позволяет распознать в идее или явлении много больше, чем зрение монологическое. С другой стороны, умение видеть предмет одновременно с двух противоположных ракурсов — начало наррации, отделяющей имплицитного автора от автора исторического. Именно в этом феномене двойного зрения и «двойной мысли» коренится принцип поэтики писателя, который позволял строить полифункциональный нарратив, названный Бахтиным «полифоническим» способом повествования. «Двойная мысль» обеспечивается ответственностью субъекта за все, чего достигает его умственный взгляд, стимулирует творческое отношение к предмету. Многозначная логика такого рода допускает мышление с использованием фактов с невыясненным уровнем вероятности, относящихся к сфере возможного.

Эта модель, намеченная в пари Паскаля и последовательно примененная Достоевским в его философских романах, в XX веке стала предметом пристального внимания со стороны Эмиля Поста (1897–1954), в 1921 году предложившего модель многозначной логики; Яна Лукаевича (1878–1956), в 1930 году отказавшегося от бинарной логики и создавшего версию трехзначной логики, в которой применены три инстанции истинностного значения: 0, $\frac{1}{2}$, 1 («ложь»,

«возможность истины», «истина») [Лукаевич, 2012, с. 213, 251]. В 1965 году Лотфи Заде предложил математическую модель нечетких множеств. Есть и другие попытки движения в этом направлении [Боно, 1967; Круглов, Дли, 2002]. Но нас в первую очередь интересует гуманитарное направление развития этой концепции, обеспечившее создание таких выдающихся ценностей, какими являются произведения Блеза Паскаля и Ф. М. Достоевского, показавшие, что отнюдь не все задачи, стоящие перед человеком, могут поддаваться инструментарию формальной логики. Разумеется, речь не идет об отмене логики, остающейся базовым инструментом мышления, но о дополнении ее методом «двойной мысли». Ища наиболее вероятное решение пари Паскаля, человеческое сознание неизбежно движется по заданному алгоритму с маятникообразным маршрутом между двумя смысловыми полюсами. Движение мысли при обдумывании пари можно сравнить с интенцией Антея постоянно припадать к земле для восстановления сил и получения нового импульса. Эти возвращения от конца к началу получают каждый раз новый импульс, обретают новый смысл, образованный полученными в результате размышления новыми наборами условий и предпосылок. Не это ли имел в виду Достоевский, называя свой метод «фантастическим реализмом»? «Двойное мышление» заставляет оперировать маловероятными или даже невероятными фактами, преодолевая комплекс идущей своим путем к истине сороконожки, которая приступила бы к анализу своей походки, как остроумно замечает Боно [Боно, 2015]. Что происходит в конечном счете с решением задачи, предлагаемой Паскалем? Возвратно-поступательный ход мысли при каждом новом шаге расширяет семантическое русло проблемы, ручеек обращается в реку, которая сама по себе, безотносительно к тому, откуда и куда течет, оказывается реальностью с немалой самостоятельной ценностью. Именно этого и добивался Паскаль своим пари, но отнюдь не грубого навязывания фарисейской веры в Бога с помощью страха обывателя перед железными крючьями и раскаленными сковородками, как некоторые подумали.

Такого рода принципиально неопределенная логика, освобождающая идею от чрезмерно жестких границ вероятности, позволяет выйти в область трансцендентного, анализировать информацию, поступающую из интуиции и религиозного чувства. Ставя, казалось бы, сугубо прагматически вопрос о Боге («купечески», как шутили некоторые), Паскаль выводит мышление задумавшегося над пари человека к необходимой информационной связи с Мирозданием как осмысленным и разумным Целым. Внешнее требование ответа в виде «да» или «нет» лишь маскировка необходимости избавиться от бинарности в решении вопроса о Боге, требование углубления в область

метафизики, где корневое значение имеет трансцендентальная практика человека. Этого, собственно, и добивается Паскаль, веря, как впоследствии и Достоевский, что такая дорога не может не привести к признанию: Мироздание — единый живой организм, а человек — его часть, лишь отчасти способная отражать или выражать Целое. Зачатки интуитивизма, сложившиеся в кружке братьев Достоевских, в редакции журналов «Время» и «Эпоха», которые они называли «органической философией», были основаны на этой идее.

Паскаль и Достоевский были уверены, что само существование человека является первым и самым очевидным доказательством существования космического Разума, отражением и частью которого является разум человека. Реальные признаки существования мировой гармонии Паскаль вскрывал в своем треугольнике, многообразные закономерности которого поражали и Достоевского, что нашло отражение в рисунках, сделанных им во время работы над произведениями 1870-х годов. Оба мыслителя высоко ценили духовно-интеллектуальную работу по взвешиванию всех «про» и «контра» на пути к решению вопроса о Боге. За удивительными математическими соответствиями треугольника проглядывает универсальный знаменатель мировой гармонии, который может пониматься и как метафора Бога. Пары и треугольник Паскаля, идеологически связанные с ними искания героев-философов Достоевского являются собой свидетельства трансцендентности человека, устремленного к осознанию своего места и роли во Вселенной.

Список источников

Алташина В. Д. Блез Паскаль и русская культура: от «былинки» до «тростинки» // Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей. Антология. СПб.: РХГА, 2013. С. 7–52.

Баршт К. А. Неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Баршт К. А. Достоевский: новые линии. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 366–375.

Боно Э. Искусство думать. Латеральное мышление как способ решения сложных задач. М.: Альпина Диджитал, 2015. 176 с.

Бурсов Б. И. Личность Достоевского // Бурсов Б. И. Избранные работы: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 642 с.

Вольтер. Философские письма // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 70–226.

Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.

Дидро Д. Прибавление к «Философским мыслям», или Разные возражения против сочинений различных богословов // Дидро Д. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 266–274.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Дэвис С. Т. Бог, разум и теистические доказательства. М.: Наука, 2016. 277 с.

Кантор В. К. Ропот мыслящего тростника: Блез Паскаль и Лев Толстой. Параллели (К четырехсотлетию со дня рождения Блеза Паскаля) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 11–40.

Круглов В. В., Дли М. И. Интеллектуальные информационные системы: компьютерная поддержка систем нечеткой логики и нечеткого вывода. М.: Физматлит, 2002. 254 с.

Лапшин И. И. Достоевский и Паскаль // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1928. Т. 1. С. 55–63.

Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретения в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.

Лисанюк Е. Н. Сильных аргументов нет // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 103–121.

Лукаевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. М.; СПб.: ЦГИ, 2012. 256 с.

Паскаль Б. Мысли. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1995. 480 с.

Померанц Г. С. Открытость бездне. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.

Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. 496 с.

Тарасов Б. Н. Паскаль. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006. 340 с.

Франк С. Л. С нами Бог. М.: АСТ, 2003. 750 с.

Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.

Pascal B. Traité du triangle arithmétique, avec quelques autres petits traitez sur la mesme matiere. Par monsieur Pascal. Paris: G. Desprez, 1665. 177 p.

Архивы

РГБ — Российская государственная библиотека.

References

Altashina, V. D. (2013) “Blez Paskal’ i russkaya kul’tura: ot ‘bylinki’ do ‘trostinki’” [“Blaise Pascal and Russian Culture: From ‘a Bylina’ to ‘a Reed’”], *Blez Paskal’: pro et contra. Lichnost’ i tvorcheskoe nasledie Paskalya v vospriyatii i otsenke russkikh filosofov i pisatelei. Antologiya [Blaise Pascal: Pro et Contra. The Personality and Creative Heritage of Pascal in the Perception and Evaluation of Russian Philosophers and Writers. Anthology]*. St. Petersburg: RKhGA, pp. 7–52.

Barsht, K. A. (2022) “Neevklidova geometriya i vopros o preodolenii zla v romane F. M. Dostoevskogo ‘Brat’ya Karamazovy’” [“Non-Euclidean Geometry and the Question of Overcoming Evil in F. M. Dostoevsky’s Novel ‘The Brothers Karamazov’”], in Barsht, K. A. *Dostoevskii: novye linii [Dostoevsky: New Lines]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 366–375.

Bono, E. (2015) *Iskusstvo dumat’. Lateral’noe myshlenie kak sposob resheniya slozhnykh zadach [The Art of Thinking. Lateral Thinking as a Way to Solve Complex Problems]*. Moscow: Al’pina Didzhital.

Bursov, B. I. (1982) “Lichnost’ Dostoevskogo” [“The Personality of Dostoevsky”], in Bursov, B. I. *Izbrannye raboty: v 2 tomakh. Tom 2 [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Vol’ter (1988) “Filosofskie pis’ma” [“Philosophical Letters”], in Vol’ter. *Filosofskie sochineniya [Philosophical Works]*. Moscow: Nauka, pp. 70–226.

Dzheims, W. (1997) *Volya k vere [The Will to Believe]*. Moscow: Respublika.

Didro, D. (1986) “Pribavlenie k «Filosofskim myslyam», ili Raznye vozrazheniya protiv sochinenii razlichnykh bogoslovov” [“Supplement to the ‘Philosophical Thoughts’, or Various Objections to the Works of Various Theologians”], in Didro, D. *Sochineniya v 2 tomakh. Tom 1 [Works in 2 vols. Vol. 1]*. Moscow: Mysl’, pp. 266–274.

Dostoevskii, F. M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh [Complete Works in 30 vols]* (30 vols). Leningrad: Nauka.

Devis, S. T. (2016) *Bog, razum i teisticheskie dokazatel’sтва [God, Reason, and Theistic Evidence]*. Moscow: Nauka.

Kantor, V. K. (2023) “Ropot myslyashchego trostnika: Blez Paskal’ i Lev Tolstoi. Paralleli (K chetyrekhsotletiyu so dnya rozhdeniya Bleza Paskalya)” [“The Murmur of the Thinking Reed: Blaise Pascal and Leo Tolstoy. Parallels (On the Four Hundredth Anniversary of Blaise Pascal’s Birth)”], *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 11–40. (In Russ.).

Kruglov, V. V. and Dli, M. I. (2002) *Intellektual’nye informatsionnye sistemy: komp’yuternaya podderzhka sistem nechetkoi logiki i nechetkogo vyvoda [Intelligent Information Systems: Computer Support for Fuzzy Logic and Fuzzy Inference Systems]*. Moscow: Fizmatlit.

Lapshin, I. I. (1928) “Dostoevskii i Paskal’” [“Dostoevsky and Pascal”], in *Nauchnye trudy Russkogo narodnogo universiteta. Tom 1 [Scientific Works of the Russian People’s University. Vol. 1]*. Praga, pp. 55–63.

Lapshin, I. I. (1999) *Filosofiya izobreteniya i izobreteniya v filosofii: vvedenie v istoriyu filosofii [Philosophy of Invention and Invention in Philosophy: Introduction to the History of Philosophy]*. Moscow: Respublika.

Lisanyuk, E. N. (2009) “Sil’nykh argumentov net” [“There Are No Strong Arguments”], *RATsIO.ru*, 2, pp. 103–121.

Lukasevich, Ya. (2012) *O printsipe protivorechiya u Aristotelya* [On the Principle of Contradiction in Aristotle]. Moscow; St. Petersburg: TsGI.

Paskal’, B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Moscow: Izd. im. Sabashnikovyxh.

Pomerants, G. S. (2013) *Otkrytost’ bezdne* [Openness to the Abyss]. 2nd edn. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Strel’tsova, G. Ya. (1994) *Paskal’ i evropeiskaya kul’tura* [Pascal and European Culture]. Moscow: Respublika.

Tarasov, B. N. (2006) *Paskal’* [Pascal]. 3rd edn. Moscow: Molodaya gvardiya.

Frank, S. L. (2003) *C nami Bog* [God is with us]. Moscow: AST.

Frank, S. L. (1990) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.

Pascal, B. (1665) *Traité du triangle arithmetique, avec quelques autres petits traitezz sur la mesme matiere. Par monsieur Pascal*. Paris: G. Desprez.

Информация об авторе: Константин Абрекович Баршт — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Information about the author: Konstantin A. Barsht — DSc in Philology, Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (IRLI). Address: 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.01.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 01.01.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 151–180.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 151–180.

Научная статья / Original article

УДК 94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-151-180

ВЕРДИКТ И ПРОЦЕДУРЫ: К ИСТОРИИ КАЗНИ ДЕКАБРИСТОВ

Давид Маркович Фельдман
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru

 Аннотация. Статья посвящена анализу материалов, относящихся к следствию и суду по делу о тайных обществах, традиционно именуемых декабристскими, а также процедурам гражданской и смертной казней осужденных. Автор рассматривает основные этапы официального расследования, подготовки итоговой документации, цели заговора, которые формулировали сами заговорщики, биографии ряда лидеров, проблему законности вердикта и полемики о ней в XIX–XXI веках. Характеризуются предложенные в данный период варианты публицистического осмысления деятельности и участи тех, кого относят к декабристам, аналогично и причины бытования различных оценок. Рассмотрены противоречия в следственных и судебных документах, выявлены факторы, их обусловившие. Выявляются и мотивация Николая I, и прагматика сочиненных им ритуалов исполнения наказаний.

© Фельдман Д. М., 2025

Ключевые слова: декабристы, Пестель, Рылеев, Сенатская площадь, гражданская казнь, смертная казнь

Ссылка для цитирования: Фельдман Д. М. Вердикт и процедуры: к истории казни декабристов // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 151–180. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-151-180.

Literature. Philosophy. Religion

THE VERDICT AND THE PROCEDURES:
ON THE HISTORY OF THE EXECUTION OF THE DECEMBRISTS

David M. Feldman

The Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru

Abstract. The article analyses some materials related to the investigation and trial of the secret societies traditionally referred to as “Decembrists” — as well as the materials regarding the procedures of the so-called “civil execution” and capital punishment of the sentenced. The author researches the main stages of the official investigation, the conclusive documentation preparation, the aims of the plot as formulated by the conspirators, some of the leaders’ biographies, the lawfulness of the verdict and the controversy on the latter issue in the 19–21th centuries. The actions and the fate of those who are usually considered as the Decembrists have been construed in a publicist manner. This paper studies various versions as well as the reasons why they still last. Contradictions in the investigation and trial documents are analysed as well as the factors that caused them. The scholar reveals the motivation of Nicolas the First and the pragmatics of the execution rituals devised by him.

Keywords: Decembrists, Pestel, Ryleev, Senate Square, civil execution, capital punishment

For citation: Feldman, D. M. (2025) “The Verdict and the Procedures: on the History of the Execution of the Decembrists,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 151–180. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-151-180.

Законность предвзятости

Отечественная традиция — публицистическое осмысление казни декабристов. Применительно же к заявленной теме уместна систематизация хрестоматийно известных событий.

Итак, 18 ноября 1825 года в Таганроге внезапно умер бездетный Александр I. Живший в Варшаве старший из оставшихся царских братьев — Константин — ранее заключил морганатический брак и от права на престол отрекся. Перешло оно к Николаю, однако решение о переходе формально не оглашалось тогда. Соответственно, отрекшемуся надлежало визировать новый документ, подлежащий обнародованию. Возникла ситуация междуцарствия: прежнего монарха нет уже, нового — еще. Шло время, а безоговорочное отречение так и не было доставлено в Санкт-Петербург.

14 декабря там был подавлен мятеж трех подразделений столичной гвардии: Московского полка, лейб-гвардии Гренадерского и Гвардейского морского экипажа. Согласно распоряжению нового монарха, расследование инцидента поручено созданной через три дня специальной организации. Ее итоговое название — Следственная комиссия.

28 декабря восстали несколько рот Черниговского полка в Киевской губернии. Пять дней спустя восстание подавлено, участники арестованы. В Санкт-Петербург отправили тех, кого сочли инициаторами. Для остальных — местные военные суды.

В столице расследование продолжалось более пяти месяцев. Руководил им лично император.

Нескольких арестантов Следственная комиссия оправдала. Им были выданы документы, подтверждавшие лояльность. Наиболее известный пример — коллежский асессор А. С. Грибоедов. Почти что пятимесячный арест, получение так называемого очистительного аттестата и даже повышение в чине [Декабристы, 1988, с. 59].

Немаловажным фактором стали монаршие соображения пропагандистского характера: уменьшение масштабов заговора и вовлеченности представителей высшей элиты Российской империи. Тут император сам прекращал расследование или не разрешал его начинать. Наиболее известный пример — внук генералиссимуса А. В. Суворова, эстандарт-юнкер лейб-гвардии Конного полка А. А. Суворов. Он к заговору был причастен, арестован и — освобожден по императорскому повелению [Декабристы, 1988, с. 170].

В ряде случаев доказательства участия в заговоре признаны недостаточными, однако и оправдания не было. Использовалась фраза «оставить без внимания».

Василий Перов. Восстание декабристов. Конец 1870-х — начало 1880-х

Большинство арестантов, признанных все же причастными к заговору, вернулись на службу. Таково было решение императора, документально оформленное фразой «арест вменить в наказание».

Варианты, не предусматривавшие дальнейших санкций, реализованы еще в период следствия. Его итоги формально подвело адресованное императору «Донесение Следственной комиссии». Оно было опубликовано 12 июня 1826 года в качестве приложения к газете «Русский инвалид», перепечатано другими и вышло отдельным изданием.

Император 1 июня предписал собрать Верховный уголовный суд. Осужденных — сто двадцать один. Пятьдесят три приговорены к смерти. Но после монаршего вмешательства осталось пять смертников: П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский. Прочим — от пожизненной каторги до разжалования в солдаты.

Вердикт, как и «Донесение Следственной комиссии», печатался и в периодике, и отдельными изданиями. Первая публикация — 12 июля в приложении к газете «Русский инвалид».

Сочинен вердикт под личным контролем Николая I. Он же и ритуал казней сочинил [Записка, 1980, с. 280].

В три часа 13 июля на кронверке Петропавловской крепости спешно устанавливали эшафот и виселицу. Еще не установили, когда выстроились сводные подразделения гвардии — при знаменах и офицерах.

До начала гражданской казни приговоренным выдали в камерах мундиры и приказали одеться. Затем вывели и поставили на колени перед выстроившимися гвардейцами. Барабанщики ударили дробь — «поход».

Специально отряженные унтер-офицеры срывали с осужденных эполеты и награды, затем и мундиры, бросали все это в заранее разожженные костры. Над головой каждого приговоренного была переломлена шпага.

Для гражданской казни шпаги заранее подпилили, чтобы проще было сломать. Но выяснилось, что недостаточна подготовка: некоторые подпиленные клинки приходилось ломать ударами по головам осужденных.

После гражданской казни осужденных увели с кронверка. Затем туда вывели смертников — уже в специальных балахонах. Умерщвляли под барабанную дробь, какая полагалась «для гонения сквозь строй».

Тут опять не обошлось без эксцессов. Виселица не выдержала тяжести, веревки были недостаточно прочными, и три осужденных на смерть упали окровавленными, но живыми в яму под эшафотом. Инвентарь смертной казни приводили в порядок долго, а потом трех смертников повторно вешали.

После чего войска увели. Инвентарь смертной казни разобрали и вывезли. Мертвых тоже — в безлюдное место. Там вырыли яму, куда сбросили тела. Их закопали, предварительно залив негашеной известью, чтобы и следов останков не было. Где та безымянная могила — спорят и ныне.

Применительно же к вердикту и процедурам казней — смертной и гражданской — интересны два вопроса. Оба равной важности.

Какими причинами, во-первых, обусловлено решение монарха умертвить именно вышеперечисленных пятерых? Во-вторых, зачем ему понадобились исключительные по сложности процедуры казней?

На вопрос о смертных приговорах ответ дал Верховный уголовный суд. Артикулом воинским 1715 года казнь четвертованием предусматривалась за любое насилие по отношению к императору, причем умыслы приравнивались к деяниям [Полное собрание законов ... , 1830, с. 325].

Богоданной считалась царская власть. Такова была основа государственной идеологии Российской империи. Монарх — сакральная особа. Аналогично и его родственники.

Дворцовые перевороты — не в счет. Официально смена монарха обосновывалась причинами некриминального характера, истинные обстоятельства знали немногие, публичное обсуждение вообще исключалось. Официальное идеологическое обоснование цареубийства оставалось невозможным в Российской империи [Одесский, Фельдман, 2012, с. 89–105; Фельдман, 2008, с. 681–696].

Так называемые цареубийственные планы инкриминировали пяти будущим смертникам, и они признали себя виновными. Получилось, что император смягчил законную кару, заменив повешением кровавое четвертование. Да и умерщвлены были не все приговоренные к смерти Верховным уголовным судом. Выходит, монарх оказался гораздо более снисходительным, чем назначенные им судьи.

Это — с одной стороны. Есть другая: «цареубийственные планы» инкриминировались многим арестованным по делу о заговоре, почти все они признали себя виновными, а повесили только пятерых.

Да, формально выбор будущих смертников обосновывался критериями, выбранными заранее. Подсудимых распределили по группам, так называемым разрядам: от первого до одиннадцатого, сообразно количеству и тяжести инкриминированных деяний. Виновными более всех признаны пятеро, вот они и оказались в отдельном списке.

Но, во-первых, действовавшим тогда законодательством не предусматривались какие-либо разряды. Эту новацию предложил М. М. Сперанский, выполняя распоряжение императора.

Во-вторых, перечню деяний, инкриминированных каждому из подсудимых, отнюдь не всегда соответствует распределение по разрядам. Так, не следует из документов, что оказавшиеся в особом списке совершили больше тяжчайших преступлений, чем все, кому смерть заменена другими наказаниями. Количество несоответствий исключает случайность. Что, конечно же, замечено историками.

Было предложено объяснение: предвзятость императора. Пусть так. Но оба вопроса — о причинах умерщвления именно пяти заговорщиков и сочинения монархом исключительно сложных процедур смертной и гражданской казней — все равно без ответа.

Впрочем, эти вопросы даже не формулировались. Более важными по-прежнему считаются варианты осмысления вердикта и смертной казни — именно в аспекте законности.

Споры о законности

Как известно, под термином «законность» подразумевается исполнение законов. Но такое понимание отнюдь не всегда применимо к Российской империи. В частности, полномочия Николая I законодательно не ограничивались. Он имел право карать без всяких судебных процедур. Аналогично — смягчать или отменять предписанные судом кары.

Но полемика о законности все-таки началась. Именно публичная.

Самым известным ее инициатором стал А. И. Герцен. Правда, за границей и уже в период царствования Александра II. Эмигрант утверждал, что смертная казнь декабристов противоправна. Согласно широко известному тогда преданию, великая княжна Елизавета, возглавившая дворцовый переворот в 1741 году, дала обет не казнить никого, если станет императрицей. Добившись желаемого, она не отменила законы Петра I, но без ее согласия — конфирмации — смертные приговоры не приводились в исполнение. Она не подписывала такие документы. В итоге смерть заменялась иной карой. Это и была правовая новация, обоснованная документально, когда минуло тринадцать лет после восшествия на престол новатора.

В послеелизаветинские времена случаи приведения в исполнение смертных приговоров были, как известно, крайне редкими, пропагандистски обоснованными чрезвычайными обстоятельствами. Герцен не признавал чрезвычайности применительно к осуждению декабристов, а потому инкриминировал Николаю I нарушение традиции, воспринимавшейся уже в качестве закона.

«Донесение Следственной комиссии» Герцен признал клеветой. По его словам, заговорщики — «воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» [Герцен, 1959, с. 171].

Это, по словам Герцена, удалось декабристам. Соответственно, они принесли искупительную жертву, благодаря чему «разбудили душу у нового поколения — повязка спала с его глаз» [Герцен, 1956, с. 201].

Казни позорной, каковой считалось повешение, дан в герценовской интерпретации принципиально иной смысл. Эмигрант, характеризуя Николая I, утверждал: «Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения» [Герцен, 1958, с. 143].

Базовый тезис варьирован многократно. К примеру, на обложке изданного в 1855 году первого номера герценовского альманаха «Полярная звезда» — медальон с профилями казненных. Не важно, что реального сходства нет, глав-

ное, подписи объясняли, о ком речь шла, и они, по словам издателя, «наши мученики» [Герцен, 1961, с. 204].

Герценовское осмысление вердикта откровенно публицистично. Что не скрывалось, а подчеркивалось автором. Он вел полемику с официальными пропагандистскими установками.

В 1857 году типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии выпустила составленную на основе мемуаров и официальных документов книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Это было третье издание, а два предшествующих, напечатанных мизерными тиражами, предназначались, что называется, для служебного пользования (см. об этом: [Рудницкая, Тартаковский, 1994, с. 5–64]).

Согласно корфовскому осмыслению, заговорщики — безнравственные честолюбцы. Посягнув на российскую государственность, они замыслили и царубийство. Значит, у императора не было выбора: требовалось утвердить порядок в стране.

Будучи высокопоставленным чиновником, Корф исключил какие-либо сомнения в достоверности официальной истории заговора и мятежей. Очевидны, по его мнению, законность и справедливость вердикта.

Как исследователь Корф, разумеется, претендовал на объективность. Но предложенное им осмысление — явно публицистическое.

В аспекте же доступа к информации Корф был, по сути, монополистом. Архивы еще почти что полвека оставались недоступными для независимых исследователей, а это исключало предметный спор с официальной интерпретацией.

Другую интерпретацию в Российской империи на рубеже 1860–1870-х годов предложил А. Н. Пыпин. Он не рассуждал об искупительной жертве, а доказывал, что заговорщики — либералы, но стали таковыми, когда время либерализма еще не пришло в стране [Пыпин, 2001, с. 363, 379, 380].

Публицистично и пыпинское осмысление. Оно близко к герценовскому: отрицается — пусть лишь имплицитно — законность вердикта.

Для В. И. Ленина в 1912 году проблема оценки законности вердикта заведомо решена. Беззаконен и режим самодержавия, и средства его защиты, а декабристы — первые отечественные революционеры, хоть из-за дворянской ограниченности «далеки они от народа» [Ленин, 1968, с. 261].

Со второй половины 1920-х годов ленинская интерпретация стала официальной, и полемика с ней исключалась на родине автора почти шестьдесят лет. Ну а в постсоветскую эпоху налицо все четыре варианта [Булдакова, 2024, с. 143–147].

При распределении по степени популярности ленинский вариант — на последнем месте. Это закономерно: все еще действует инерция отторжения советского режима.

Корфовский вариант — почти вровень с ленинским. Что опять закономерно: непродуктивными оказались все попытки характеризовать декабристов как безнравственных честолюбцев.

Гораздо более популярен герценовский вариант. Что тоже закономерно: была и останется привлекательной идея жертвенного противостояния несправедливости.

Лидирует же пыпинский вариант. Причем давно.

Так, в Санкт-Петербурге на исходе 2000 года была проведена международная конференция «Истоки и судьбы русского либерализма. К 175-летию восстания декабристов». И материалы ее были затем опубликованы под соответствующим заголовком: «Империя и либералы».

Пафос большинства докладов: противопоставление декабристов как либералов — революционерам в качестве разрушителей государства. Не все участники конференции были с этим согласны, однако показательно выступление В. Я. Мотыля, режиссера блокбастера второй половины 1970-х годов — «Звезда пленительного счастья».

Если верить режиссеру, декабристы не стремились к власти, победить в столице не желали. Другая цель ими ставилась: «Я выскажу, может быть, неквалифицированное мнение, но мне кажется, что 14 декабря нельзя было называть восстанием в полном смысле этого слова. Это была демонстрация».

Столь парадоксальный вывод Мотыль обосновал ссылкой на мнения самих декабристов. По его словам, офицеры на Сенатской площади «так и говорили: “Вот достоин до такого-то часа, и подпишет Николай Конституцию”. Они ждали, они вышли на демонстрацию, зная, что это может кончиться плохо, но это была демонстрация» [Мотыль, 2001, с. 285].

Источник сведений Мотыль, разумеется, не указал. Зато он до логического финала довел пыпинский вариант. В рамках такой интерпретации казни на кронверке Петропавловской крепости — вопиющее беззаконие.

Сторонники герценовского и пыпинского вариантов старательно обходили и ныне обходят тему «цареубийственных планов». Однако были такие. Значит, все равно уместен вопрос о целях и монарха, и заговорщиков.

Цели и задачи

Трудно судить, какие цели император ставил изначально. Ясно только, что целеполагание формировалось в ходе расследования.

Кроме того, историками установлено: сохранилась не вся документация, относившаяся к делу о заговоре. Часть уничтожена или утрачена в силу различных обстоятельств (см. об этом, например: [Киянская, 2010, с. 47–97]).

Но репрезентативен и сохранившийся корпус источников. Анализ их позволяет выявить задачи, поставленные императором следователям, а позже — судьям.

Решения следователей и судей обосновывались мнениями о целях заговора и поставленных для их достижения задачах. Вот тут и очевидны противоречия.

Согласно выводам следователей и судей, одна из основных целей заговора — цареубийство. Причем не только самого монарха, а еще и всех его возможных наследников, то есть «истребление императорской фамилии» [Донесение Следственной комиссии, 1980, с. 36 и др.].

Выводы не соответствуют показаниям заговорщиков. Те настаивали, что физическое устранение монарха, аналогично и августейшей семьи, не рассматривалось в качестве цели и даже решаемой для ее достижения задачи.

Основные задачи формулировались еще в 1816 году при создании первой декабристской организации — «Союза спасения». Планировались отмена крепостного права и установление конституционного строя (см., например: [Пестель, 1927, с. 101]).

Решением этих задач и достигалась подразумеваемая цель — социальная реализация в политической сфере. Так, вполне ясно свое целеполагание определил отставной подполковник Г. С. Батеньков. Отвечая на вопросы следователей, он сказал, что ему всегда хотелось быть «ученым или политиком» [Батеньков, 1976, с. 93].

Вот для чего и надлежало радикально изменить государственный строй Российской империи. Политическая самостоятельность любого подданного исключалась идеей самодержавия как обладания императором совокупностью исполнительной и законодательной власти. Самостоятельным политиком был лишь монарх, и служба ему оставалась тогда единственным вариантом социальной реализации дворянина. Все прочее — область досуга.

Как известно, заговорщики планировали уравнивать в правах все мужское население страны. Что логично: социальная реализация в области политики обеспечивалась только всеобщим равенством перед законом.

Об этом и рассуждал в письмах из Сибири прошедший каторгу бывший подполковник М. С. Лунин. Правительственную версию истории заговора он буквально высмеял.

Иного эта версия, по его словам, не заслуживала. Так, данное ему именование становилось все сложнее за время, миновавшее после ареста. Был и обвиняемым, и подсудимым, и осужденным за государственные преступления, и каторжником, потом и ссыльнопоселенцем, в Англии же «сказали бы: “Лунин, член оппозиции”» [Лунин, 1988, с. 6].

Легальной формы политической деятельности не могло быть у русских подданных. Но ее пытались найти заговорщики. Обсуждались варианты постепенного влияния на общественное мнение, сотрудничества с властью для подготовки реформ.

Вариант сотрудничества ради проведения реформ вскоре деактуализировался. Монарх оставался самодержцем, значит, планам заговорщиков не мог не препятствовать.

Известен был отечественный опыт устранения подобного рода препятствий. Дворцовый переворот. Но его итог — замена одного монарха другим. Такая задача прежде решалась гвардейцами ради обеспечения карьерных преимуществ, тогда как основатели «Союза спасения» планировали изменить государственный строй.

Это и подчеркнул ссыльнопоселенец Лунин. По его словам, педалирование темы цареубийства в «Донесении Следственной комиссии» понадобилось новому монарху, чтобы унижить побежденных.

Так ли, нет ли, можно спорить. Бесспорно, что гвардейским офицерам не потребовалось бы девять лет для подготовки цареубийства.

Чтобы провести реформы по своему усмотрению, заговорщикам следовало захватить власть самим. Но и предотвратить бунт простонародья. Значит, использовать только войска под контролем военачальников, сохраняя — хотя бы до поры — структуру управления страной.

Известен был европейский опыт решения подобного рода задач. К примеру, бонапартовский. Но и он оказался неприменимым.

К моменту основания «Союза спасения» молодые заговорщики не располагали войсками сколько-нибудь значительной численности. По выражению того времени, «еще в чины не вышли».

Но и через пять лет, добившись карьерных успехов, заговорщики не могли использовать бонапартовский опыт. Препятствием была основа государственной идеологии — сакральность особы императора.

Бонапарт захватил власть, когда Франция была республикой. Да и после создания Французской империи равенство всех граждан перед законом оставалось базовым принципом государственной идеологии.

В условиях же Российской империи управлять войсками удалось бы только от имени монарха. Иную административную вертикаль солдатские массы

не признали бы законной. Богом дается царская власть, царем распределяются командирские полномочия, значит, выступивший против императора — не офицер, а бунтовщик.

Устранившие монарха заговорщики все равно не имели бы формального права на власть. Оно принадлежало только законному престолонаследнику.

С учетом отечественной специфики перспективным для захвата власти оказался бы период междуцарствия. Этот вариант обсуждался заговорщиками. Но до поры оставалась без решения стратегическая задача: как подготовить ситуацию бескровного захвата власти на срок, продолжительность которого позволяла бы провести необратимые государственные реформы.

По масштабам и сложности такая стратегическая задача несопоставима с подготовкой дворцовых переворотов. Заговорщики не обладали соответствующим административным опытом, не имели образцов, можно сказать, оцупью искали методы решения, вот и были поиски долгими.

Цареубийство оставалось тактической задачей. Неактуальной, пока методы решения стратегической были неясными или спорными.

В ноябре 1825 года, когда умер Александр I, столичные заговорщики еще спорили о методах решения стратегической задачи. Да и к декабрю не было принято окончательное решение.

О причинах неудачи петербургского восстания историки полемизируют издавна. Ну а применительно к теме статьи важно, что офицеры-мятежники выводили гвардейцев из казарм под лозунгом защиты прав Константина в качестве законного монарха, и аналогичное обоснование пришлось выбрать на юге. Все прочие аргументы были признаны неуместными — для солдат.

Участие в мятеже само по себе было достаточным основанием смертного приговора. Артикулом воинским предусматривалось опять же четвертование, как за «цареубийственные планы». Одно ли такое преступление выявлено следствием, оба ли, не имело значения — в аспекте законности вердикта. Но повешены лишь пятеро.

Список обреченных

В этом списке первый — тридцатитрехлетний Пестель. К моменту ареста был командиром Вятского пехотного полка в чине полковника.

Еще подростком он учился за границей, далее — Пажеский корпус. Окончил досрочно и по успехам первым. На Бородинском поле девятнадцатилетний прапорщик лейб-гвардии Литовского полка тяжело ранен, после излечения участвовал в Заграничном походе. Шесть боевых наград, повышения в чине. С 1813 года — адъютант П. Х. Витгенштейна, по окончании военных

Павел Иванович Пестель (1793–1826)

действий назначенного командующим армейским корпусом, а затем 2-й армией, которая дислоцировалась в южных приграничных районах.

По делам адъютантской службы Пестель часто ездил в Санкт-Петербург. Был и другой повод: с 1814 года он пять лет числился в Кавалергардском полку. Этот перевод считался формальным — «с оставлением в должности адъютанта».

Его влияние в штабе 2-й армии было велико. В Санкт-Петербурге стал одним из основателей, а позже и лидером первой декабристской организации, впоследствии переименованной в «Союз благоденствия».

Когда эту организацию столичные лидеры заговорщиков решили по конспиративным соображениям объявить распущенной, Пестель не согласился даже с фиктивным роспуском. Единомышленников нашел в Санкт-Петербурге, а тайное общество, которое создал на юге, именовал «Южной отраслью Союза благоденствия».

На военной службе Пестель намеревался получить достаточно высокую командную должность. Подал рапорт о переводе из гвардии, был повышен на два чина, как тогда полагалось. С 1822 года — полковой командир. Его полк на императорском смотре вскоре признан лучшим во 2-й армии.

Арестован Пестель 13 декабря 1825 года. Причина — донос сослуживца. Для смертного приговора хватало «цареубийственных планов». Они обсуждались заговорщиками.

В списке обреченных второй — тридцатилетний Рылеев. Отставной армейский подпоручик. К моменту ареста — «правитель дел Российско-американской компании».

Американцы не имели к ней отношения. Это отечественное акционерное общество, занимавшееся добычей пушнины на Аляске. Кстати, одним из акционеров стал Александр I. Доходное было предприятие.

Рылеев окончил петербургский Первый кадетский корпус в 1814 году. Армейский прапорщик участвовал в Заграничном походе, но повоевать не удалось, да и карьера военная, как говорится, не заладилась. В отставку вы-

Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826)

шел, когда и пяти лет не минуло после выпуска. Женился, искал службу в Санкт-Петербурге, наконец, стал руководителем канцелярии Российско-американской компании.

Зато карьера литературная складывалась удачно. Рылеев добился известности не только в качестве поэта: был и преуспевающим издателем. Считался чуть ли не главным инициатором столичного мятежа.

Арестован в своей квартире 15 декабря 1825 года. Основание — свидетельства ранее арестованных мятежников. Что до «цареубийственных планов», то обсуждал их с другими заговорщиками. Формально для смертного приговора хватило.

Третий в списке обреченных — тридцатилетний Муравьев-Апостол. К моменту ареста был командиром батальона Черниговского пехотного полка в чине подполковника. Инициировал южный мятеж и возглавил его.

Сын дипломата, окончил один из парижских лицеев, вернулся на родину, поступил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, но освоить полный курс не успел: началась кампания 1812 года. Произведенный в армейские подпоручики Муравьев-Апостол с боями шел до Парижа. Четыре боевые награды, повышения в чине. Девятнадцатилетний армейский капитан, согласно его рапорту, переведен в лейб-гвардии Семеновский полк — с потерей двух чинов, как тогда полагалось.

Муравьев-Апостол стал одним из основателей «Союза спасения». К 1820 году дослужился до капитана, однако гвардейская служба прервалась из-за так называемой Семеновской истории: солдаты и унтер-офицеры первой роты, выстроившись в неуточное время, заявили о недовольстве полковым командиром. К ним вскоре присоединился весь полк, за исключением офицеров. Нарушение установленного порядка было лишь в том, что претензии надлежало заявлять только на инспекторском смотре — проверяющему. Однако выражение солдатского недовольства Александр I счел бунтом. Наказали всех.

Полк раскассировали по армейским подразделениям — от столицы подалее. Муравьев-Апостол при переводе из гвардии получил два чина, стал

Сергей Иванович Муравьев-Апостол
(1795–1826)

Михаил Павлович Бестужев-Рюмин
(1801–1826)

подполковником. Карьера все-таки оказалась проблематичной: бывшие семеновские офицеры — под надзором полиции.

Но и на юге служил он безупречно. Любимец подчиненных, в фаворе у начальства 1-й армии: лучший батальонный командир.

Среди петербургских заговорщиков Муравьев-Апостол не претендовал на лидерский статус, а вот на юге стал одним из лидеров заговора. 3 января 1826 года при подавлении мятежа ранен и взят в плен.

Для смертного приговора хватало и участия в мятеже. К тому же — «царейбийственные планы», с которыми подполковник соглашался.

Четвертый в списке обреченных — двадцатипятилетний Бестужев-Рюмин. К моменту ареста был подпоручиком Полтавского пехотного полка.

В юности планировал карьеру дипломата, экстерном выдержал экзамены за университетский курс, а тут гвардия с триумфом вернулась из-за границы, и Бестужев-Рюмин стал юнкером Кавалергардского полка. Затем перевелся в семеновцы, но — Семеновская история, перевод в армию.

Эполеты юнкер получил на юге. В заговоре он с 1822 года, вскоре стал одним из лидеров, помощник Муравьева-Апостола. Согласно итоговому выводу суда, Бестужев-Рюмин побуждал к мятежу солдат и офицеров Черниговского

Петр Григорьевич Каховский
(1797–1826)

полка, а 3 января 1826 года «взят с оружием в руках» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 204].

Для смертного приговора хватало и участия в мятеже. К тому же — «цареубийственные планы», обсуждавшиеся с другими заговорщиками.

Пятый в списке обреченных — двадцатидевятилетний Каховский. Отставной армейский поручик.

Учился он в Московском университетском пансионе. Службу начал юнкером лейб-гвардии Егерского полка. Но переведен в армию: как тогда говорили, часто «бывал в штрафах».

До чина поручика все-таки дослужился. По болезни вышел в отставку, с 1825 года жил в Санкт-Петербурге, где и примкнул к заговору.

Согласно материалам следствия, отставной поручик неоднократно заявлял о готовности лично реализовать «цареубийственные планы», а в ходе мятежа смертельно ранил выстрелами из пистолета столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича и полковника Н. К. Стюрлера, командира лейб-гвардии Гренадерского полка: стрелял, чтобы не дать обоим переубедить выстроившихся на площади мятежников. Арестован 15 декабря 1825 года на основании показаний ранее арестованных заговорщиков.

Для смертного приговора хватало причин. Можно сказать, что их не было для снисхождения.

Примечательно, что в материалах следствия возраст смертников указан неточно, однако не следователи тому виной. У многих подследственных, да и не только у них, выявлены разночтения в официальных документах. Чему верить — решали в спешке: император торопил.

Зато в следственных и судебных материалах непременно указывалось, что совершение инкриминированных деяний подтвердили сами подсудимые. Вот тут все точно: признавались.

Некоторые историки сочли такое поведение странным, нелепым, самоубийственным. Трусость как причина считалась маловероятной или вовсе исключалась — в силу биографического контекста. Объяснения предлагались

различные: неготовность к ситуации ареста, обусловленная им психическая травма, попытки избежать обвинения во лжи, оскорбительного для дворянина, искреннее раскаяние и т. д., и т. п.

Вероятно, самым важным стал иной фактор. Монарх в беседах с арестантами давал понять: вовсе не обязательны прогнозировавшиеся смертные приговоры, однако снисхождение возможно только при раскаянии, подтвержденном откровенностью. Кстати, императорскую риторическую тактику Лунин характеризовал как «лживые обещания всепрощения» [Лунин, 1988, с. 272].

Аксиоматически подразумевалось: монаршее слово — закон. Причем всех других превыше. Однако применительно к пяти осужденным новый монарх нарушил свое обещание.

По делам или поделом

Из пяти казненных декабристов чаще всего привлекали внимание исследователей Пестель и Рылеев. Оба считались общепризнанными лидерами заговорщиков.

На документальной основе пестелевское жизнеописание опубликовала О. И. Киянская. Ею же — в соавторстве с А. Г. Готовцевой — опубликована и документированная рылеевская биография [Киянская, 2002; 2005; Готовцева, Киянская, 2013].

Примечательна характеристика Пестеля в монарших воспоминаниях. Согласно безоговорочной оценке императора, арестованный полковник «был злодей во всей силе этого слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в заpiresательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг» [Междоусобица 1825 года и восстание декабристов ... , 1926, с. 33].

Да, сначала Пестель отрицал все обвинения. Но затем и о «цареубийственных планах» следователям рассказывал. Похоже, верил монаршему обещанию. Император же, судя по характеру записей, рассчитывал на публикацию дневника в отдаленном будущем. Характеристики арестантов соотносил с приговорами, так сказать, обосновывая их эмоционально, задним числом.

Что до судьбы Пестеля, то вряд ли монарх руководствовался эмоциями. Хватало сведений о специфике личности и деятельности заговорщика.

Пестель, как установлено Киянской, исполнял в Заграничном походе не только адъютантские обязанности. Занимался еще и разведкой в тылах противника. Во 2-й армии тоже совмещал разведывательную деятельность со штабной службой, а затем и строевой. Нелегальными способами неоднократно пересекал российско-турецкую границу, создал обширную агентурную сеть.

Страница рукописи Пушкина с изображением казненных декабристов

Александр I знал о разведывательной деятельности Пестеля. В области внешней политики учитывал переданные с юга сведения [Киянская, 2005, с. 163–164].

Впервые план восстания, созданный командиром Вятского полка, отчасти реконструировал С. Н. Чернов. Но его монография, написанная в 1950-е годы, была опубликована почти что полвека спустя [Чернов, 2004].

Монография Киянской опубликована несколько раньше. Там план реконструирован более подробно.

Контролируемые заговорщиками войска должны были с юга двигаться на столицу. Об истинной цели знали бы немногие посвященные, а предлог следовало придумать сообразно конкретике. Для снабжения продовольствием требовалось изменить традиционные маршруты войскового движения, так называемые операционные линии, вдоль которых заранее формировались продовольственные склады. Эту задачу решал генерал-интендант 2-й армии А. П. Юшневский. В Санкт-Петербурге сигнал к мятежу ждали бы гвардейские офицеры, готовые подчиниться руководителю «Южной отрасли Союза благоденствия». Успех обеспечивался слаженностью административного механизма — при условии неведения правительства о заговоре.

Можно спорить, насколько это оказалось бы реализуемым, сложись обстоятельства иначе. Важно, что у командира Вятского полка было немало единомышленников среди высшего руководства 2-й армии. Да и начальник ее штаба приятельствовал с Пестелем, о планах изменения государственного строя знал, кары избежал по монаршей воле, и от его следственного дела остались лишь фрагменты. Опять же, неизвестно, пытались ли следователи выявить причастность Витгенштейна к заговору. Известно только, что командующий давно от дел отошел: жил в имении, долечивал старые раны.

13 декабря 1825 года Пестель был вызван в штаб 2-й армии. Сведениями о подготовке ареста полковник уже располагал, но препятствовать не стал: план бескровной революции утратил смысл, если заговор — не тайна.

Юшневский арестован 26 декабря 1825 года. Причина — тот самый донос, что обусловил и арест Пестеля.

Киянской выяснено, что еще до столичного восстания манипуляции Юшневского с операционными линиями не остались незамеченными в интендантских вышестоящих инстанциях, и все же выглядевшие странно административные решения генерал-интенданта 2-й армии можно было рассматривать как вполне исправимые ошибки. Иное дело — после мятежей. Вот тогда и должны были прежние сведения оказаться для следствия ключом, позволившим реконструировать пестелевский масштабный план захвата власти. Правда, он — по монаршей воле — огласке не подлежал.

Характерно, что Верховным уголовным судом Юшневский приговорен к смертной казни. Но, в отличие от Пестеля, он попал в первый разряд, где монаршей волей смерть заменена пожизненной каторгой. Все-таки — бывший действительный статский советник, это чин, эквивалентный генеральскому, а генералов монарх вешать не рискнул.

В судебных материалах педалируется тема безоговорочного административного лидерства Пестеля. Он, согласно итоговому выводу, управлял южным заговором «с неограниченной властью» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 203].

Материалам следствия итоговый вывод противоречит. Киянской отмечено и другое противоречие. Судя по свидетельствам большинства арестантов, Пестеля воспринимали как антипатичного честолюбца, но будь так, он бы не добился лидерства и в Санкт-Петербурге, и на юге.

Боевой офицер, опытный администратор, удачливый разведчик, талантливый агентурист, блестяще владевший техникой убеждения, создатель разветвленной организационно-финансовой структуры заговора, обеспечивавшей масштабный план захвата власти, — все это по совокупности решило судьбу Пестеля.

Рылеева Николай I не характеризовал так эмоционально, как Пестеля. Согласно одному мемуарному свидетельству, прочтя рылеевские стихи после казни декабристов, посетовал на свою неосведомленность о даровании автора, потому как «мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их» [Смирнова, 1897, с. 19–20].

Достоверность свидетельства давно уже признана сомнительной — как заведомо апологетического по отношению к Николаю I. В любом случае монарх, выбирая смертников, должен был руководствоваться вполне конкретными соображениями. Они частично и отражены формулировкой итогового судебного вывода, где по отношению к «императорской фамилии» Рылееву инкриминирован умысел «на лишение свободы, на изгнание» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 203].

Другой вопрос, куда и как планировалось «изгнание». Не везти же в Европу: там — Священный союз, по инициативе Александра I созданный. Это повод к войне с европейскими монархами. Да и на российской территории сохранить в тайне место пребывания августейшей семьи — задача практически неразрешимая.

План «изгнания» реконструировали Киянская и Готовцева, детально анализировавшие материалы следствия. Ключевое слово — флот. Он базировался в Кронштадте. Рылеевские сообщники — прежде всего флотские офицеры.

Они в большинстве своем ненавидели Александра I. Балтийский флот, по императорскому мнению, ставший ненужным, постепенно приходил в негодность. Буквально — гнил. При ежегодных выпусках Императорского морского корпуса катастрофически не хватало вакансий, и часто выпускников отправляли в подразделения, не относившиеся к флотской службе. Лишь иногда для кругосветных экспедиций закладывались фрегаты, но туда попасть — редкая удача. Зато Российско-американская компания строила корабли, чтобы поддерживать связи с колониями, и некоторые офицеры заявляли, что готовы отправиться в плавание хоть матросами [Готовцева, Киянская, 2013, с. 256–260].

Рылеев планировал тайно вывезти «императорскую фамилию» на корабле Российско-американской компании. Пункт назначения — калифорнийский Форт Росс, колония Российской империи. Формально и без цареубийства обошлось бы.

Строительство очередного корабля должно было завершиться в 1826 году, и комплектовавший экипаж капитан — заговорщик. Но план деактуализировался из-за внезапной смерти Александра I.

Относительно плана «изгнания» нет конкретики в итоговых следственных и судебных документах. Императором не предусматривалась огласка.

Примкнув к заговору лишь в 1823 году, «правитель дел Российско-американской компании» вскоре стал одним из лидеров. Талантливый поэт, энергичный организатор, опытный финансист, авторитетный пропагандист. Это по совокупности решило судьбу Рылеева.

В мемуарах император характеризовал и Муравьева-Апостола. Правда, назвал его поначалу именем и фамилией троюродного брата, тоже заговорщика. Это случайная оговорка, и на допросе обошлось без путаницы. Арестованный подполковник, согласно монаршей характеристике, «образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на иностранный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян, но вместе скрытен и необыкновенно тверд» [Междоусобица 1825 года и восстание декабристов ... , 1926, с. 33].

Монарх спрашивал прежде всего о плане мятежа. Казалось бы, с военной точки зрения бессмысленно пытаться взбунтовать полк на юге, если уже известно о поражении столичного восстания.

Ответа на этот вопрос нет в опубликованных материалах следствия и суда. Мотивация и планы Муравьева-Апостола реконструированы по архивным документам Киянской, чья монография издана в 2023 году [Киянская, 2023].

Важно, что вдохновляющим примером стали результаты испанской революции 1820 года: батальонный командир подполковник Р. Риго добился при-

Обелиск на месте казни декабристов

нятия конституции, ограничившей королевскую власть. Для начала мятежа ему понадобилось малое количество войск, столичные администраторы медлили, а на периферии мятежника в итоге поддержали.

Немалое значение имел моральный фактор — колоссальный авторитет Муравьева-Апостола в 3-м пехотном корпусе 1-й армии. Даже знакомство с подполковником многие офицеры почитали за честь [Киянская, 2023, с. 432–433, 462–464].

Он был нетерпим к любым проявлениям несправедливости. Так, назначенный председателем военного суда, защитил арестованного по обвинению в растрате офицера, хоть оправдание и противоречило мнению командования 1-й армии. Муравьев-Апостол лично вел расследование почти год и безукоризненно обосновал свое решение [Киянская, 2023, с. 424–432].

Что до мятежа, то мотивация подполковника вполне реконструируема по опубликованным Киянской документам. Божьим промыслом Муравьев-Апостол считал свою вовлеченность в заговор и был убежден, что избран свыше для борьбы с произволом. В этом аспекте характерна его предсмертная записка — цитата из послания апостола Павла: «Се время моего отшествия наста. Подвигом добрых подвизахся, течение скончах, веру соблюдох» [Киянская, 2023, с. 659].

Для императора — боевой офицер, чей моральный авторитет был всегда бесспорен. По совокупности это решило судьбу Муравьева-Апостола.

Бестужев-Рюмин боевого опыта не имел. Военная карьера ему не удалась, да и служебным рвением не отличался.

Но у него был, что называется, дар. Так, А. Х. Бенкендорф назвал подпоручика «демоном пропаганды» [Бенкендорф, 2012, с. 338].

Его влияние на окружающих удивляло современников. Бестужев-Рюмин, великолепный ритор, владел, как тогда говорили, магнетической силой и подчинял своей воле не только ровесников, но и старших по чину [Киянская, 2024, с. 97–134].

Следствию и монарху очевидна была опасность риторического дара. Это решило судьбу Бестужева-Рюмина.

Такого дара не было у Каховского. Но в рассуждениях следователей о его преступлениях — странная обмолвка. Сообщается, что он, «как видно из многих показаний, наконец, подтвержденных и его собственным признанием, стрелял из пистолета и смертельно ранил графа Милорадовича...» [Донесение Следственной комиссии, 1980, с. 57].

Вот именно, что «наконец, подтвержденных». Из пистолетов стрелял не один Каховский, а он долго настаивал, что в смерти Милорадовича неповинен.

Судя по списку деяний, инкриминированных Каховскому, выстрел в Милорадовича, если и был, ничего не менял в судьбе арестанта. Ему и так оставалось надеяться лишь на обещанное снисхождение. Но — за откровенность. Вот, «наконец», признал себя убийцей генерал-губернатора.

Меж тем генерал-губернатор был не только пулей ранен. Еще и штыком, вошедшим в бок и почти насквозь пронзившим Милорадовича. Рана, согласно медицинскому заключению, безусловно смертельная.

Кто нанес ее — следователи точно знали: взявший у солдата ружье с примкнутым штыком поручик лейб-гвардии Финляндского полка Е. П. Оболенский. Сам он утверждал, что хотел уколоть коня, на котором генерал-губернатор прискакал к строю мятежников.

Инкриминировались Оболенскому «цареубийственные планы», а также принятие управления столичным восстанием. При этом в следственных и су-

дебных материалах не сказано, что он в смерти генерал-губернатора повинен. Формулировка иная: в мятеже поручик действовал лично «оружием и пролитием крови, ранив штыком графа Милорадовича» [119-й («решительный») протокол ... , 1980, с. 204].

Да, следователи знали: смертельна штыковая рана. Но если объявить это официально, так получится, что один из убийц генерал-губернатора — князь. Рюрикович. Выход нашли: Милорадович не смертельно ранен Оболенским.

Смертный приговор суд вынес и Оболенскому, но поручик в первый разряд попал, так что вместо смерти — пожизненная каторга. Не рискнул император вешать князей.

Воспитательные процедуры

Если пользоваться современной терминологией, Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин — харизматические лидеры. Значит, опасны и на каторге. Император от них избавился, похоронив заодно пестелевский и рылеевский планы, а за смерть Милорадовича, эталонного героя, любимца гвардии, ответил Каховский, причем один, а не вместе с Оболенским. Такова была прагматика вердикта.

Но посредством виселицы удалось решить отнюдь не все монаршие проблемы, относившиеся к заговору. 14 декабря 1825 года выяснилось, что многие гвардейские офицеры, даже и генералы не выказали безоговорочную готовность противостоять мятежу.

Лейб-гвардии Конный полк — характерный пример. Изрядно разгневала нового монарха странная медлительность конногвардейцев при выполнении приказа выдвинуться против боевых порядков мятежников [Гордин, 1989, с. 267–273].

Медлили и кавалергарды. К тому же кавалерийские атаки на боевые порядки мятежников не дали результатов. По сути, монарший приказ так и не выполнили финляндцы. Не спешили выполнять измайловцы, да и почти все гвардейские подразделения, оставшиеся верными императору [Гордин, 1989, с. 307–308, 282–290].

Дело не только в сочувствии многих офицеров заговорщикам. Воевать надлежало против своих.

Император, судя по сочиненному им ритуалу казней, намеревался дать гвардии урок. Предметный и памятный.

Нет оснований полагать, что гвардейские офицеры, назначенные присутствовать на кронверке, не уяснили заранее монарший замысел. Согласно мемуарному свидетельству, не все согласились участвовать в ритуале. Пофа-

мильно же назван один — А. Н. Зубов: «“Это мои товарищи, и я не пойду” — был его ответ» [Муравьев, 1999, с. 101].

Восемнадцатилетним Зубов окончил Пажеский корпус в 1814 году. По успехам — первый. Выпущен в Кавалергардский полк с чином корнета. Спустя одиннадцать лет — полковник, эскадронный командир [Сборник биографий кавалергардов, 1906, с. 267–268].

Накануне казней Зубов не успел бы испросить отставку. Летом это запрещалось, а если бы и подал соответствующее прошение, нужно было бы дожидаться решения императора. Так что полковник оставался на действительной военной службе, где неисполнение приказа, тем паче монаршего, считалось тяжким преступлением. Формально — никаких оправданий. Рисковал эскадронный командир не только карьерой.

Однако — внук генералиссимуса Суворова. Потому император предпочел избежать скандала, а прошение Зубов подал, как только позволил срок.

В январе 1827 года завершилась быстрая военная карьера Зубова. Двадцатидевятилетний кавалергардский полковник был наконец уволен. Формально — «для определения к статским делам».

Гвардейские офицеры, не рискнувшие отказаться, получили урок, предусмотренный монархом. Наблюдали, как унижают одних арестантов и мучительно умерщвляют других, после чего мимо виселицы маршировали. У многих — друзья, родственники и знакомые среди осужденных. Ну а потом участникам ритуала оставалось дать оценку себе. Выбор невелик: опозорены ли они «палачеством и раболепием» или же исполнили свой долг, пусть не воинский, но обусловленный присягой, верность которой обязательна и в дальнейшем. Такова была прагматика императорских воспитательных процедур. Насколько все удалось — другая тема.

Список источников

⟨Донесение Следственной комиссии⟩ (Его императорскому величеству высочайше утвержденной Комиссии для изыскания о злоумышленных тайных обществах всеподданейший доклад) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 24–61.

⟨Записка Николая I о казни декабристов. Копия рукой Л. Н. Толстого⟩ // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 280.

119-й («решительный») протокол Верховного уголовного суда от 5 июля 1826 г. (Общий приговор, вынесенный подсудимым) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 187–214.

Батеньков Г. С. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29–146.

Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012. 760 с.

Булдакова Д. И. Осмысление исторических событий в отечественной публицистике XIX–XXI веков (на примере восстания декабристов). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2024. 169 с. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Buldakova_DI_169.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

Герцен А. И. Концы и начала // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 129–198.

Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 7. С. 133–267.

Герцен А. И. Письмо Ж. Мишле, 7 ноября 1851 г. // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 24. С. 203–204.

Герцен А. И. Русский заговор 1825 года // Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 128–145.

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Л.: Лениздат, 1989. 398 с.

Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350 с.

Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 446 с.

Киянская О. И. «Люди двадцатых годов». Декабрист Михаил Бестужев-Рюмин. М.: РГГУ, 2024. 258 с.

Киянская О. И. «Люди двадцатых годов». Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 766 с.

Киянская О. И. Материалы следствия о членах тайных обществ в фондах Государственного архива Одесской области (статья) // 14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор, 2010. Вып. VIII. С. 47–97.

Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.

Киянская О. И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 353 с.

Ленин В. И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. С. 255–262.

Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 247 с.

Мотыль В. Я. (Выступление в дискуссии) // Империя и либералы: (Материалы международной конференции): Сборник эссе. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 282–285.

Муравьев А. М. Мой журнал // Муравьев А. М. Воспоминания и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. С. 81–112.

Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора // Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. С. 89–105.

Пестель П. И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830. Т. V: 1713–1719 гг. 782 с.

Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 556 с.

Рудницкая Е. Л., Тартаковский А. Г. Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1944. С. 5–64.

Сборник биографий кавалергардов. В 4 кн. СПб.: Эксп. заготовл. гос. бумаг, 1906. Кн. 3: 1801–1826. VI + 402 с.

Смирнова О. Н. Записки А. О. Смирновой. В 2 т. СПб.: Ред. журнала «Северный вестник», 1897. Ч. 2. 97 с.

Фельдман Д. М. Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2008. С. 681–696.

Чернов С. Н. Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.

References

“⟨Donesenie Sledstvennoj komissii⟩ (Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe utverzhdennoj Komissii dlja izyskanija o zloumyshlennyh tajnyh obshhestvah vsepoddanejsij doklad)” [“⟨Report of the Board of Inquiry⟩ (Report to His Imperial Majesty of the Highest Approved Commission for the Investigation of Malicious Secret Societies)”] (1980) in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 17* [*The Decembrists’ Revolt. Documents. Vol. 17*]. Moscow: Nauka, pp. 24–61.

“⟨Zapiska Nikolaja I o kazni dekabristov. Kopija rukoј L.N. Tolstogo⟩” [“⟨Record of Nicholas I on the Execution of the Decembrists. Copy by the Hand of L. N. Tolstoy⟩”] (1980) in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 17* [*The Decembrists’ Revolt. Documents. Vol. 17*]. Moscow: Nauka, p. 280.

“119-j (“reshitel’nyj”) protokol Verhovnogo ugovnogo suda ot 5 ijulja 1826 g. (Obshhij prigovor, vynesennyj podsudimym)” [“119th (“Main”) Minutes of the Supreme Criminal Court of July 5, 1826 (General Sentence Passed on the Defendants)],

in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 17* [*The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 17*] (1980) Moscow: Nauka, pp. 187–214.

Batenkov, G. S. (1976) “Sledstvennoe delo” [“Criminal Case”], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 14* [*The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 14*]. Moscow: Nauka, pp. 29–146.

Benkendorf, A. H. (2012) *Vospominaniya. 1802–1837* [*Memories. 1802–1837*]. Moscow: Rossiysky fond kultury; Studija “TRITe”; Ros. Arhiv.

Buldakova, D. I. (2024) *Osmyslenie istoricheskikh sobytij v otechestvennoj publicistike XIX — XXI vekov (na primere vosstaniya dekabristov)* [*Comprehension of Historical Events in the National Journalism of the 19–21th Centuries (On the Example of the Decembrists' Uprising)*]. Diss. ... kand. filol. nauk [Dissertation ... PhD in Philology]. Moscow: RGGU. Available at: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Buldakova_DI_169.pdf (Accessed: 01 November 2024).

Gercen, A. I. (1959) “Koncy i nachala” [“Ends and Beginnings”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 16* [*Collected works. Vol. 16*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 129–198.

Gercen, A. I. (1956) “O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii” [“On the Development of Revolutionary Ideas in Russia”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 7* [*Collected Works. Vol. 7*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 133–267.

Gercen, A. I. (1961) “Pis'mo Zh. Mishle, 7 nojabrja 1851 g.” [“Letter to J. Michelet, November 7, 1851”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 24* [*Collected Works. Vol. 24*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 203–204.

Gercen, A. I. (1958) “Russkij zagovor 1825 goda” [“The Russian Conspiracy of 1825”], in Gercen, A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 13* [*Collected Works. Vol. 13*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 128–145.

Gordin, Ja. A. (1989) *Mjatezh reformatorov* [*Revolt of Reformers*]. Leningrad: Lenizdat.

Gotovtseva, A. G. and Kiyanskaya, O. I. (2013) *Rylejev*. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Dekabristy. Biograficheskij spravocchnik [*Decembrists. Biographical Guidebook*] (1988) Moscow: Nauka, pp. 1–446.

Kiyanskaya, O. I. (2024) “Ljudi dvadcatyh godov”. *Dekabrist Mihail Bestuzhev-Rjumin* [“People of the Twenties”. *Decembrist Mikhail Bestuzhev-Ryumin*]. Moscow: RGGU.

Kiyanskaya, O. I. (2023) “Ljudi dvadcatyh godov”. *Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol* [“People of the Twenties”. *Decembrist Sergei Murav'ev-Apostol*]. Moscow: RIPOL classik.

Kiyanskaya, O. I. (2010) “Materialy sledstvija o chlenah tajnyh obshhestv v fondah Gosudarstvennogo arhiva Odesskoj oblasti” [“Materials of the Investigation of

Members of Secret Societies in the Funds of the State Archive of Odessa Region”], in *14 dekabrja 1825 g. Istochniki, issledovanija, istoriografija, bibliografija. Vypusk VIII* [December 14, 1825. Sources, Studies, Historiography, Bibliography. Iss. VIII]. St. Petersburg: Nestor, pp. 47–97.

Kiyanskaya, O. I. (2002) *Pavel Pestel: oficer, razvedchik, zagovorshhik* [Pavel Pestel: Officer, Scout, Conspirator]. Moscow: Paralleli.

Kiyanskaya, O. I. (2005) *Pestel*. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Lenin, V. I. (1968) “Pamjati Gercena” [“In Memory of Herzen”], in Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 tomakh. Tom 21* [Collected Works. Vol. 21]. Moscow: Politizdat, pp. 255–262.

Lunin, M. S. (1988) *Pisma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka.

Mezhducarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i [The Interregnum of 1825 and the Decembrists' Revolt in the Correspondence and Memoirs of the Members of the Royal Family] (1926) Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 1–247.

Motyl, V. Ya. (2001) “(Vystuplenie v diskussii)” [“(Speech in the Discussion)”], in *Imperija i liberaly: (Materialy mezhdunarodnoj konferencii): Sbornik jesse* [Empire and Liberals: (Proceedings of the International Conference): Collection of Essays]. St. Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, pp. 282–285.

Murav'ev, A. M. (1999) “Moj zhurnal” [“My Journal”], in Murav'ev, A. M. *Vospominanija i pis'ma* [Memories and Letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 81–112.

Odessky, M. P. and Feldman, D. M. (2012) “Pojetika terrora” [“Poetics of Terror”], in Odessky, M. P. and Feldman, D. M. *Pojetika vlasti. Tiranoborchestvo. Revoljucija. Terror* [Poetics of Power. Tyranny. Revolution. Terror]. Moscow: ROSSPEN, pp. 89–105.

Pestel, P. I. (1927) “Sledstvennoe delo” [“Criminal Case”], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 4* [The Decembrists' Revolt. Documents. Vol. 4]. Moscow: Gosizdat, pp. 1–226.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. Tom V: 1713–1719 gg. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Part One. Vol. V: 1713–1719] (1830) St. Petersburg: Tipografiya II Otdelenija Sobstvennoj Ego imperatorskogo veličestva kanceljarii.

Pypin, A. N. (2001) *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Public Movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt.

Rudnitskaya, E. L. and Tartakovskij, A. G. (1994) “Vol'naja russkaja pechat' i kniga barona Korfa” [“Free Russian Press and Baron Korf's Book”], in *14 dekabrja 1825 goda i ego istolkovateli (Gercen i Ogarev protiv barona Korfa)* [December 14, 1825 and its Interpreters (Herzen and Ogarev against Baron Korf)]. Moscow: Nauka, pp. 5–64.

“Sbornik biografij kavaler gardov” [“Collection of Biographies of Cavalry Guards”], in *Sbornik biografij kavaler gardov: v 4 knigakh. Kniga 3: 1801–1826* [Collection of Biographies of Cavalry Guards. Book 3: 1801–1826]. St. Petersburg: Jekspedicija zagotovenija cennyh bumag.

Smirnova, O. N. (1897) *Zapiski A. O. Smirnoj. V 2 tomakh. Tom 2* [Notes of A. O. Smirnova. In 2 vols. Vol. 2]. St. Petersburg: Redaksia zhurnala “Severnyj vestnik”.

Feldman, D. M. (2008) “Dekabristovedenie segodnja: terminologija, ideologija, metodologija” [“Decembrists Today: Terminology, Ideology, Methodology”], in *Dekabristy: Aktual’nye problemy i novye podhody* [Decembrists: Actual Problems and New Approaches]. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp. 681–696.

Chernov, S. N. (2004) *Pavel Pestel*. St. Petersburg: Liki Rossii.

Информация об авторе: Давид Маркович Фельдман — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.

Information about the author: David M. Feldman — DSc in History, Professor, Professor of the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the Russian State University for the Humanities. Address: 6 Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 181–209.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 181–209.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-181-209

ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ

Алексей Павлович Козырев

Философский факультет

Московского государственного

университета имени М. В. Ломоносова,

Москва, Россия, a.kozyrev@bk.ru

 Аннотация. В статье рассматриваются творческая биография и творческие манифесты художника В. В. Кандинского (прежде всего «О духовном искусстве», «Ступени. Текст художника») в контексте «нового религиозного сознания» и идеи «Третьего Завета». Показывается, что его художественно-эстетические взгляды находятся в русле религиозного сознания русского модерна. Отмечается общность духовно-инициатического опыта Кандинского и С. Н. Булгакова, с которым он был соучеником А. И. Чупрова на кафедре политической экономики и статистики в Московском университете, интуиции, связанные со сходным восприятием времени и перспективы, у Кандинского и священника П. А. Флоренского, с которым они вместе работали во ВХУТЕМАСе, представления Кандинского об истине и реальности, которые резонируют идеям С. Л. Франка. Рассматриваются идеи Кандинского о конструкции и композиции, которые могли оказать влияние на Флоренского.

© Козырев А. П., 2025

Ключевые слова: Кандинский, христианство, Третий Завет, внутренняя необходимость, «Пестрая жизнь», обратная перспектива, истина, конструкция и композиция, ГАХН, ВХУТЕМАС

Ссылка для цитирования: Козырев А. П. Василий Кандинский и русская религиозная философия его времени // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 181–209. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-181-209.

Memory of Culture

WASSILY KANDINSKY AND RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF HIS TIME

Alexey P. Kozyrev

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, a.kozyrev@bk.ru

Abstract. The article examines the creative biography and creative manifestos of the artist V. V. Kandinsky (primarily, “On Spiritual Art,” “Steps. The Artist’s Text”) in the context of the “new religious consciousness” and the idea of the “Third Testament.” It is shown that his artistic and aesthetic views are in line with the religious consciousness of Russian Art Nouveau. It notes the common spiritual and initiatory experience of Kandinsky and S. N. Bulgakov, with whom he was a classmate of A. I. Chuprov at the Department of Political Economy and Statistics at Moscow University, intuitions associated with a similar perception of time and perspective in Kandinsky and priest P. A. Florensky, with whom they worked together at VKHUTEMAS, Kandinsky’s ideas about truth and reality, which resonate with the ideas of S. L. Frank. Kandinsky’s ideas about design and composition, which could have influenced Florensky, are considered.

Keywords: Kandinsky, Christianity, Third Testament, inner necessity, “Motley Life”, reverse perspective, truth, construction and composition, GAKHN, VKHUTEMAS

For citation: Kozyrev, A. P. (2025) “Wassily Kandinsky and Russian Religious Philosophy of his Time,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 181–209. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-181-209.

Христианство. Третье откровение / Границы мирского и священного

Время Кандинского вошло в историю русской мысли под названием эпохи «нового религиозного сознания». Это время поисков нового мировоззрения: церковное христианство начинает казаться «узким» путем, интеллигенция ищет мировоззрения, в котором было бы оправдано многое из того, что отвергается аскетическим христианством, — пол, социальность, человеческое тело, семья, построенная на любви и сексуальном влечении, а не на узах церковного брака. В то же время, это эпоха, суть которой хорошо отражается названием книги Юрия Николаева (псевдоним фрейлины императрицы Александры Федоровны Юлии Николаевны Данзас (см.: [Niqueux, 2020])) «В поисках за Богом». В то же время отказ от внешних форм церковности не отменяет поиск глубинных форм внутреннего переживания Духа. Причем эти переживания происходят «около церковных стен», сохраняется интерес к монастырю и монашеству, ведь Достоевский ездил вместе с Владимиром Соловьевым в Оптиную пустынь и встречался с оптинским старцем Амвросием, чтобы написать своего старца Зосиму в «Братьях Карамазовых», а Лев Толстой, отвергавший большинство церковных догматов и отлученный от православной церкви в 1902 году, навещал свою сестру Марию, игуменью Шамординского монастыря, и, уйдя из Ясной поляны, тоже приехал в Оптину. Однако этот интерес выходил далеко за ограду монастыря. Для интеллигенции гораздо более привлекательным было «светское богословие» Алексея Хомякова, Федора Достоевского и Владимира Соловьева. А интерес к глубинной церковной традиции сочетается с живым интересом к сектам хлыстов, скопцов, духоборов, народному православию, находящемуся в поисках невидимого града и Белого царства (художником, в наибольшей степени испытывавшим влияние таких исканий, которые часто сопровождались далекими географическими экспедициями на Восток, был Николай Рерих). «Новое религиозное сознание» включало в себя и ожидание новых откровений, новой фазы религиозной жизни, которая превращает человека из раба и наемника в сына Бога, освобождает его и дает ему особые харизматические дары. Выражением этой религиозной идеологии становятся Санкт-Петербургские религиозно-философские собрания (1901–1903), а затем Религиозно-философские общества, возникающие в Москве, Петербурге, Киеве и других городах Империи. На одном из первых заседаний Санкт-Петербургского РФО философ Сергей Аскольдов пророчил:

После ветхого и нового завета должен осуществиться третий завет, в котором земля и плоть найдут свое освящение. Кроме этого исторического обосно-

Василий Васильевич Кандинский (1866–1944)

вания неохристианских ожиданий они имеют и чисто идеологический базис в идее троичности Бога. Третья ипостась Св. Духа не имела еще своего специального откровения в истории, как остальные две. В ее грядущем обнаружении надо ждать осуществления идеологического религиозного синтеза правды, исходящей от Отца и от Сына, представляющейся для человеческого ума, как две несовместимые истины, тезис и антитезис.

[Аскольдов, 2009, с. 40]

В основе идеологии «Третьего Завета», предвещающего наступление Царства Святого Духа, третьей ипостаси Святой Троицы, после Царства Отца (Ветхий Завет) и Сына (Новый Завет), лежит учение калабрийского монаха Иоахима Флорского (1132–1202) [Sers, 2003, p. 126–127], отвергнутое католической церковью, но оказавшее немалое влияние на культуру позднего средневековья, например, на Данте. В русской культуре появление темы «Третьего Завета» знаменует собой приход религиозной культуры модерна. Под влиянием идей Я. Бёме и Ф. фон Баадера о «Третьем Завете» упоминает в своих черновиках Владимир Соловьев. «Третий Завет» — так называет свою мистическую рукопись нижегородская журналистка Анна Шмидт, считающая себя небесной Маргаритой, воплощенной в ее лице Церкви. Николай Бердяев ставил ее

рядом с женщинами-мистиками католической традиции, например, св. Терезой Авильской. Ее встреча в 1900 году с Соловьевым, и даже обмен письмами, были свидетельством того, что подобного рода ожидания были достаточно распространены в культуре и создавали своего рода электрическое поле, где творчество гения было подобно молнии и разрядом тока высокого напряжения. Причем это могло происходить в самых разных областях творческой жизни — поэзии, литературе, живописи, философии. Состояние перехода к третьему эону мировой истории предполагает преодоление грани между миром и клиром, между паствой и священниками, преодоление неравенства имущественного, но не отменяет существование различий в дарах духовных. Филипп Серс отмечает, что такой переход от профанного к священному предполагает в первую очередь смену видения, «взгляд сверху», подобно тому, как Кандинский описывает это в первом стихотворении «Холмы» сборника «Звуки» («Klänge»): «Все это я видел сверху, и прошу также и вас взглянуть тем же взглядом, сверху» [Серс, 2004, с. 217]. Смена оптики тут сродни изменениям, которые происходят в системе пространственных отношений в китайской или персидской миниатюре, или православной иконе.

Деятели «нового религиозного сознания» по-разному относились к опыту церковной традиции, Мережковский и Гиппиус создавали свою домашнюю церковь, гротескно и кощунственно пародируемые таинствами, Розанов искал решения в сфере пола и брака, Бердяев грезил о новой христианской общественности, напоминавшей подчас революционный кружок. В то же время Кандинский не был искателем особо изощренных модернистских религиозных практик. По словам его жены, Кандинский был верующим человеком, но церковные службы они посещали только по праздникам. Он отказался стать членом Антропософского общества, которое было основано в Москве в 1913 году, его раздражало, когда его называли антропософом [Kandinsky N., 1987, p. 235–237]. В то же время он являлся членом Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева [Литературные объединения, 2004], объединявшего по преимуществу московскую христианскую общественность. Общество отличалось гораздо большей лояльностью к традиционному православию, чем аналогичное петербургское общество.

В первом, немецком, варианте книга «Ступени», (Kandinsky: 1901–1913. Berlin: Der Sturm, 1913) имеет заглавие «Rückblicke» («Воспоминания», или «Взгляд назад»). Кандинский говорит о христианском искусстве, которое «скрывает в себе элементы, необходимые для приятия “третьего” Откровения, Откровения Духа» [Кандинский, 2008]. В «Ступенях» художник уподобляет развитие искусства эволюции морали от Ветхого к Новому Завету. Новые

истины не уничтожают прежние, они являются их органическим развитием, подобны вспышкам новых звезд на небосводе. Меняется что-то на уровне формы:

Библейские законы морали, выраженные в простых, как бы элементарно-геометрических формулах, — не убивай, не прелюбодействуй — получают в следующем (христианском) периоде как бы более гнутые, волнистые границы: их примитивная геометричность уступает место менее точному внешне, свободному контуру. Недозволенным признается не только чисто материальный проступок, но и действие внутреннее, еще не вышедшее из пределов нематериальности.

[Кандинский, 1918, с. 48–49]

Идея преемственности вдохновляет Кандинского и в религии, и в искусстве. В первом, немецком, варианте Кандинский продолжает предыдущую цитату: «Разве Новый Завет был бы возможен без Ветхого? Разве наша эпоха, стоящая на пороге “третьего” откровения, была бы мыслима без второго?» [Кандинский, 2008]. Так и в морали, и в искусстве: «переоценка ценностей», смена «внешнего, жесткого действия на внутреннее, гибкое», «внутренняя одухотворенность» ведет к обретению той самой «внутренней необходимости», которая станет важнейшим эстетическим принципом Кандинского.

Развитие не предполагает отмену предшествующего, беспредметность не отменяет предметное искусство, и это делает новое искусство не абстрактным, но в подлинном смысле конкретным:

...развитие состоит во внезапных вспышках, подобных молнии, из взрывов, подобных «букету» фейерверка, разрывающемуся высоко в небе и рассыпающему вокруг себя разноцветные звезды. Эти вспышки в ослепительном свете вырывают из мрака новые перспективы, новые истины, являющиеся, однако, в основе своей ничем иным, как органическим развитием, органическим ростом прежних истин, которые не уничтожаются этими новыми истинами, а продолжают свою необходимую и творческую жизнь, как это неотъемлемо свойственно каждой истине и каждой мудрости.

[Кандинский, 1918, с. 47–48]

Можно сравнить эти идеи Кандинского с заветными мыслями Флоренского, для которого непрерывность созданной Новым временем картины мира сменяется на прерывность, дискретность мироздания. Принцип «из ничего

ничто не возникает» отменен. Новое возникает «из ничего» и это вполне сродни библейской картине мира.

Стяжание Святого Духа является неотъемлемой частью православной аскезы, монашеского делания. На заре XX века духовность становится темой философских рефлексий, испытывающих на себе влияния католического модернизма и реформационной теологии. Николай Бердяев, впитавший широкий спектр идей европейской внесистемной философии от Якова Бёме до Леона Блуа и Гюисманса, а также русского славянофильства и анархизма, будет настаивать на внерациональном постижении духа. В книге «Философия свободного духа» (1927) (французский перевод книги под названием «*Esprit et liberté. Essai de philosophie chrétienne*» выходит в свет в 1933 году, то есть в год переезда Кандинского в Париж) философ настаивает на том, что у нас имеется внутренний духовный опыт, который и является единственным источником познания Духа:

Рациональная метафизика духа невозможна. Жизнь раскрывается лишь в опыте. Дух есть жизнь, а не предмет, и потому он познается лишь в конкретном опыте, в опыте духовной жизни, в изживании судьбы. В познании духа субъект и объект не противостоят друг другу, нет объективации. Познающий дух и есть познаваемый дух. Духовная жизнь не есть предмет познания, она есть и самое познание духовной жизни. Жизнь открывается лишь самой жизни. Познание жизни есть сама жизнь.

[Бердяев, 1994, с. 26–27]

Сходны с этим утверждением и формулировки художника: «Жизнь духовная, которой часть и один из могучих двигателей есть искусство, есть движение сложное, но определенное и способное принять выражение в простой формуле: вперед и вверх. Это движение есть путь познания. Оно может принять разные формы, но всегда в основе его остается тот же внутренний смысл, та же цель» [Кандинский, 2020, с. 11–12]. В этом познании участвуют разные формы человеческой деятельности, а не только разные формы искусств. Принципиальным для Кандинского является тезис о единстве религии, философии и науки, веры, разума и опыта, который отстаивал в своих работах Владимир Соловьев, задавший своего рода парадигму для культуры Серебряного века, внутри которой формировался Кандинский как художник. Так, в третьей, незавершенной, русской редакции трактата «О духовном в искусстве» (1919–1921), Кандинский пишет: «...становится все более возможным углубление в отдельные явления искусства, в отдельные искусства, сливающиеся в общее

искусство, как общую духовную область, часть всеобщей духовной области — искусство, наука, мораль, религия, философия» [Кандинский, 2020, с. 276].

В. В. Кандинский и С. Л. Франк

Показательна полемика Кандинского с С. Л. Франком, философом-интуитивистом, с которым они сотрудничали в Государственной академии художественных наук (ГАХН) в послереволюционные годы. В докладе «Роль искусства в позитивных науках», сделанном в ГАХНе 30 августа 1921 года, Франк утверждал, что «наука, подходя к явлениям мира и исследуя их, обыкновенно их обедняет, расчленяет, превращает в мертвое и рассматривает отдельные части» [Подземская, 2017, с. 70]. Кандинский же через два дня ответил Франку в прочитанном на заседании Научно-художественной комиссии докладе «Основные элементы живописи»: «Ему [Франку] кажется, что наука, исследуя человека, должна его мертвить. Но можно подойти и к человеку, как к живому человеку, и к картине, как к живому существу...» [Подземская, 2017, с. 70–71]. Для художника наука скорее воскрешает, чем мертвит, и наука об искусстве здесь не исключение, — подходя к картине, она должна стать на ту же точку зрения, на которую становится наука, подходя к явлениям мира. И мир, и произведение искусства являются живыми организмами, и сам мир может быть рассмотрен как произведение искусства. Здесь требуется холистский, целостный, а не разделяющий, аналитический подход. В такой позиции отчетливо прослеживается влияние органицизма Гёте и Шеллинга, который разделял с Кандинским его коллега по ГАХНу А. К. Габричевский.

К возможной полемике с Франком можно отнести и фрагмент «Ступеней», где Кандинский сравнивает процесс познания истины с медленно двигающейся улиткой, оставляющей за собой след, к которому постоянно прилипают «близорукие души». В своей магистерской диссертации «Предмет знания» (1915), представляющей собой серьезное обобщение принципов гносеологии интуитивизма, Франк полагал, что в основе познания лежит непостижимое, которое является гносеологическим коррелятом самой реальности. Непостижимым как мир в целом, так и каждый конкретный предмет знания, поскольку ему предлежит некий X, включающий в себя все многообразие контекстных связей этого предмета, которое не может быть постигнуто рациональным путем. Возможно, отождествление непостижимого с X как-то связано с открытием В. Рентгеном в 1895 году лучей, непонятных и неизвестных, которые обнаружили, когда физик ставил опыты по ускорению электронов. Он назвал их X-лучи, с тех пор они получили наименование рентгеновских. Не исключено, что именно рентгеновские X-лучи становятся метафорой непостижимого у

Франка. Реальность для него — это айсберг, большая часть которого находится под водой.

Кандинский же предлагает более динамическую и процессуальную концепцию постижения истины:

Только со временем и в постепенности уяснилось мне, что «истина» как вообще, так и в искусстве в частности, не есть какой-то X, т. е. не есть вечно не полно познаваемая, но все же недвижно стоящая величина, но что эта величина способна к движению и находится в постоянном медленном движении. Мне она вдруг представилась похожей на медленнодвигающуюся улитку, повидимости будто бы едва сползающую с прежнего места и оставляющую за собой клейкую полосу, к которой прилипают близорукие души. И здесь я заметил это важное обстоятельство сначала в искусстве, и лишь позже я увидел, что и в этом случае тот же закон управляет и другими областями жизни. Это движение истины чрезвычайно сложно: ложное становится истинным, истинное ложным, некоторые части отпадают, как скорлупа спадает с ореха, время шлифует эту скорлупу, почему эта скорлупа принимается некоторыми за орех, почему эту скорлупу одаряют жизнью ореха, и, пока дерутся из-за этой скорлупы, орех катится дальше, новая истина падает как с неба и кажется в своей бесконечной высоте такой точной, крепкой и твердой, что некоторые влезают по ней, как по деревянному шесту, неограниченно веря, что на этот раз они достигнут самого неба... пока она не сломится и вместе с тем все лезшие по ней верующие не посыпятся с нее, как лягушки в болото, в безнадежную муть.

[Кандинский, 1918, 45–47]

Сознательно или нет, но Кандинский воспроизводит здесь восходящую к И.-В. Гёте метафору ореха и скорлупы, которая присутствует в полемике Гёте со скептицизмом в науке, в частности, со швейцарским естествоиспытателем Альбрехтом фон Галлером.

Однако Франк выступал для Кандинского не только оппонентом, но и в определенной степени единомышленником, поскольку его методу художественного познания был свойствен и психологизм, и интуитивистский подход. Около 1920 года, в третьей русской редакции трактата «О духовном в искусстве», Кандинский сформулировал по сути интуитивистский принцип художественного творения:

...теоретические соображения и приемы не могут быть единственным источником произведения. Особенно же в поисках новых средств выражения для

нового содержания и специально во время первых потуг этого содержания еще неясное «желание» художника требует того элемента бессознательности, который назывался то «чувством», то «вдохновением», то «интуицией».

[Кандинский, 2020, с. 391]

Конечно, речь здесь не идет о прямом влиянии Франка. И Франк, и Кандинский погружены в «дух времени», в котором «психологизм», против которого решительно выступают феноменологи, остается весьма силен. Говоря о «вибрациях», «настроении», под которым художник понимает «облеченные в формы природы душевные состояния», Кандинский близок идеям Т. Липпса, который сравнивает человеческую душу с системой струн, а настроения с музыкальными тонами и определенными ритмами, и вводит понятие «душевного резонанса» (см.: [Подземская, 2017, с. 53]).

В. В. Кандинский и С. Н. Булгаков

Важным фактором в интеллектуальной биографии Кандинского является его общение с философом, социологом, богословом Сергеем Булгаковым, прошедшим впечатляющий путь «от марксизма к идеализму», а затем к православному богословию. Они познакомились в Московском университете, где хоть и на разных курсах обучались на юридическом факультете, Кандинский — в 1885–1893 годах (около трех лет он провел в отпуске, который он взял для поправки расстроенного здоровья (см.: [Шумихин, 1983, с. 338])), а Булгаков — в 1890–1894, имея общего научного руководителя по кафедре политической экономии и статистики профессора А. И. Чупрова (1842–1908). Опубликованные фрагменты писем ученика к своему учителю полны неподдельной преданности и любви и были написаны в период жизненного выбора (см.: [Шумихин, 1983, с. 340–344]). Затянувшаяся учеба Кандинского была вызвана, вероятно, не только ослабленным здоровьем, но и отказом от испытания по истории римского права, что могло быть следствием неприятия реакционных профессоров или солидарности с одним из отчисленных студентов. Кандинский сам признавал свое сочувствие борьбе студентов с ущемлением университетских свобод, вызванным принятием консервативного университетского устава 1885 года, однако о его прямом участии в студенческих волнениях 1889 года сведений до нас не дошло (см.: [Кандинский, 1918, с. 15–16; Шумихин, 1983, с. 338; Азаров, 2010, с. 32–33; Hermann, 2016, с. 41–44]). И Кандинский, и Булгаков по окончании курса были оставлены для подготовки к профессорскому званию (обращение А. И. Чупрова в юридический факультет Императорского Московского университета от 22 мая 1893 года об оставлении

при Университете окончившего курс с дипломом первой степени В. В. Кандинского: см.: [Шумихин, 1983, с. 339]).

В предисловии к каталогу выставки своих работ 1902–1912 годов Кандинский писал, что до 30 лет он считал необходимым бороться со своей любовью к живописи, поскольку ему «казалось, что сегодня для русского искусства — невольная роскошь», однако вскоре вера в «целебность социальной науки и абсолютную достоверность позитивистских методов сильно пошатнулась» [Кандинский, 2008]. Кандинский в 1893 году был принят в действительные члены Юридического общества при Московском университете, выбрал темой своих научных исследований теорию заработной платы и для изучения вопроса в 1895 году поступил на работу в типографию Кушнерева. В архивном фонде А. И. Чупрова сохранился реферат Кандинского, датированный 1893 годом и посвященный разбору брошюры «Le minimum de salaire et l'encyclique Rerum Novarum» (Минимальная зарплата и энциклика Rerum Novarum), содержащей доклад вице-президента Брюссельского общества социальной экономии Себастьяна Никотра на 1-м католическом конгрессе социальных наук 1892 года в Генуе. Считается, что эта энциклика Льва XIII от 15 мая 1891 года («Однажды пробуждено желание нового...») положила начало социальной доктрине католической церкви, она была откликом католической церкви на поднимающееся в США и Европе рабочее движение (см.: [Шумихин, 1983, с. 338]). В 1898 году Булгаков женится на Елене Ивановне Токмаковой, дочери чае- и кофепромышленника Ивана Федоровича Токмакова, в начале 1880-х годов переехавшего из Кяхты в Крым из-за туберкулеза, его мать Мария Алексеевна в девичестве носила фамилию Кандинская и приходилась троюродной бабушкой художнику, племянники Виктор и Василий Кандинский гостили в его имении Олейз в Крыму. Таким образом, между Кандинским и Булгаковым и их женами сложились отношения свойственников. Как отмечает Филипп Серс, художник продолжал общение с четой Булгаковых и их детьми после переезда в Париж из Мюнхена в 1933 году [Sers, 2015, p. 302], где священник Сергей Булгаков, высланный из Советской России в 1922 году по постановлению ОГПУ, оказался в 1925 году. Близка их духовная биография: если Кандинский до 30 лет считает, что его призванием является социальная работа, и сознательно подавляет в себе художественный дар, то Булгаков отрекается от своей детской веры (он сын священника и потомок священников в шестом поколении), уходит из Орловского духовного училища в Елецкую гимназию, заканчивает Московский университет, уезжает в Германию, где общается с представителями социал-демократии, и примерно до 30-летнего возраста считает себя атеистом и марксистом. Интересен и некоторый параллелизм в описании духовного пробуждения. Кан-

динский в «Ступенях» описывает девять переживаний, лежащих в основе его духовного опыта. Первое переживание — это «солнечная запись», назовем ее так словами Владимира Эрна, описание солнечного заката в Москве:

Солнце уже низко и достигло той своей высшей силы, к которой оно стремилось весь день, которой оно весь день ожидало. Не долго продолжается эта картина: еще несколько минут, и солнечный свет становится красноватым от напряжения, все краснее, сначала холодного красного тона, а потом все теплее. Солнце плавит всю Москву в один кусок, звучащий как туба, сильной рукой потрясающий всю душу. Нет, не это красное единство — лучший московский час. Он только последний аккорд симфонии, развивающей в каждом тоне высшую жизнь, заставляющей звучать всю Москву подобно *fortissimo* огромного оркестра. Розовые, лиловые, белые, синие, голубые, фиштакковые, пламенно-красные дома, церкви — всякая из них как отдельная песнь — бешено-зеленая трава, низко гудящие деревья, или на тысячу ладов поющих снег, или *allegretto* голых веток и сучьев, красное, жесткое, непоколебимое, молчаливое кольцо кремлевской стены, а над нею, все превышая собою, подобная торжествующему крику забывшего весь мир аллилуйя, белая, длинная, стройно-серьезная черта Ивана Великого. И на его длинной, в вечной тоске по небу напряженной, вытянутой шее — золотая глава купола, являющая собою, среди других золотых, серебряных, пестрых звезд обступивших ее куполов, Солнце Москвы.

[Кандинский, 1918, с. 12–13]

Аналогичный опыт описывает и Булгаков в «Свете Невечернем», во фрагменте «Зовы и встречи». Это тоже первый (из трех им пережитых и описанных, нельзя не вспомнить «три свидания» с Софией Владимира Соловьева!) опыт, и он также касается закатного Солнца, но уже в предгорьях Кавказа:

Вечерело. Ехали южною степью, овейные благоуханием медовых трав и сена, озолоченные багрянцем благостного заката. В дали синели уже ближние кавказские горы. Впервые видел я их. И вперя жадные взоры в открывавшиеся горы, впивая в себя свет и воздух, внимал я откровению природы. Душа давно привыкла с тупою, молчаливою болью в природе видеть лишь мертвую пустыню под покрывалом красоты, как под обманчивой маской; помимо собственного сознания, она не мирилась с природой без Бога. И вдруг в тот час заволновалась, зарадовалась, задрожала душа: а если есть... если не пустыня, не ложь, не маска, не смерть, но Он, благой и любящий Отец, Его риза, Его любовь... Сердце колотилось под звуки стучавшего поезда, и мы неслись к этому

договарившему золоту и к этим сизым горам. И я снова старался поймать мелькнувшую мысль, задержать сверкнувшую радость...

[Булгаков, 1917, с. 7]

Отметим, что следующей будет для Булгакова встреча с Сикстинской Мадонной в Дрездене, а для Кандинского переживания солнечного заката в Москве дополнятся прослушиванием оперы Вагнера в Байройте, то есть и тот и другой опыт возникнет при соприкосновении с произведением искусства. Можно ли предположить, что Булгаков, выпустивший в свет свою книгу в год революции, в 1917 год, знал текст «Ступеней» Кандинского, увидевший свет в 1918 году? Вряд ли. Однако общий поколенческий опыт не отменяет и возможности сходного духовного опыта и духовных переживаний.

Кандинский не забывал о своем однокашнике. В его библиотеке сохранилось отдельное издание статьи Булгакова «Интеллигенция и религия» (1908). Б. М. Соколов — исследователь творчества художника, подробно проанализировавший его религиозный контекст, — отмечает: «Сравнение текста Булгакова со статьями Кандинского 1910-х годов и с “социальными” образами книги “О духовном в искусстве” показывает их близость» [Соколов, 2016, с. 51]. Кандинский планирует привлечь Булгакова к совместной работе, он пишет своему немецкому другу Францу Марку, с которым готовит альманах «Синий всадник», 1 сентября 1911 года: «Мы включим что-то и о русском религиозном движении, в котором участвуют все слои общества. Для этого у меня есть мой прежний коллега проф. Булгаков (из Москвы, специалист по национальной экономике и один из глубочайших знатоков религиозной жизни). Теософов нужно упомянуть кратко и сильно (по возможности, со статистикой)» [Соколов, 2016, с. 51].

Булгаков упоминает Кандинского в статье «Труп красоты», написанной в 1914 году после посещения галереи С. И. Щукина в Москве, где были выставлены работы Матисса, Гогена, Сезанна, Ренуара и Пикассо. Булгаков видит в творчестве Пикассо «религиозное искушение», «испытание веры», «демонизм». Художнику «ведомы ритмы красоты, явлен ее лик», но «он видит ее пакостно, рисует клеветнически». Духовный характер искусства может выражаться не только в присутствии святого духа, но и его противоположности. В сноске к статье встречается упоминание книги Кандинского: «Вопрос о новых путях искусства очень интересно и содержательно трактуется в работе художника *W. Kandinsky* “Ueber das Geistige in der Kunst, insbesondere in der Malerei”, München, 1912. Мысли В. В. Кандинского, при всей их философской незавершенности и потому некоторой неясности и недоговоренности, заслуживают внимания» [Булгаков, 1918, с. 49].

Кандинский дарил Булгакову свои сочинения. В библиотеке свящ. Павла Флоренского (в значительной степени утраченной) сохранилось упомянутое в «Труппе красоты» немецкое издание книги Кандинского, подаренной Сергею Булгакову с дарственной надписью «Сергею Николаевичу Булгакову в знак глубокого уважения. Кандинский» [Андроник (Трубачев), 2018, с. 259]. Булгаков передал Флоренскому принадлежащий ему экземпляр, но также в библиотеке Флоренского было и более позднее издание Кандинского «Ступени. Текст художника» (1918).

Регула Цвален, подробно проанализировавшая интеллектуальные и духовные параллели, связывающие философа и художника, пишет: «Центральная роль человека в “антропокосмологии” Булгакова напоминает понимание Кандинским художника, который создает космос, “новый мир” из хаоса, потому что “создание произведения — это создание мира”. “Новый мир” Кандинского также не возникает *ex nihilo*, а возникает из “органической силы”, из “принципа внутренней необходимости”. По Кандинскому, искусство — это “средство выражения духовной жизни художника”» [Zwahlen, 2018, S. 696].

В. В. Кандинский и Павел Флоренский

Если с Булгаковым Кандинский сотрудничает и общается как с университетским товарищем, а затем и родственником, то знакомство с Павлом Флоренским могло произойти вокруг РФО памяти Соловьева и скорее всего уже после возвращения в Москву из Мюнхена в 1915 году. Флоренский читает тексты Кандинского, Кандинский не мог пройти мимо «Столпа и утверждения Истины», изданной в расширенном виде магистерской диссертации по богословию Флоренского, а после революции 1917 года они пересекаются во ВХУТЕМАСе. В 1915–1921 годах Кандинский жил в Долгом переулке, 8, недалеко от Зубовской площади, запечатленной им на одной из его московских картин. Доходный дом был выстроен художником и принадлежал ему, он сам расписал подъезд и сделал себе квартиру на шестом этаже, соединявшуюся с мастерской в угловой башне дома [Андроник (Трубачев), 2018, с. 445]. По соседству, в том же переулке, в доме 16 в 1915 году в новом доходном доме купили квартиру переехавшие из Тифлиса мать, сестры и брат Флоренского (сейчас там расположен музей Флоренского). Неизвестно, бывали ли они друг у друга, но близость из московских адресов символична.

Нельзя не обратить внимание на сходство «инициатического опыта» погружения в народную среду, наблюдения за народной жизнью, которого они переживают в достаточно юном возрасте, но в разное время (Кандинский был на 17 лет старше Флоренского). Для Кандинского — это путешествие по Во-

Павел Александрович Флоренский (1882–1937)

логодской губернии от Вологды в Усть-Сысольск и далее в Коми к народу зырян в 1889 году, описанное им в «Ступенях»; для Флоренского — это летние каникулярные месяцы, проведенные в 1905–1908 годах под Нерехтой, в Костромской губернии, в селе Толпыгине, у друга по Духовной академии Сергея Троицкого.

Опыт, описанный Кандинским, был приобретен еще задолго до того, как он принимает решение стать художником, в разгар его учебы в Московском университете. Важно отметить, что суть этого описания может быть выражена принципом «обратной перспективы». Говоря о посещении крестьянской избы, он пишет:

Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому возвращаться в картину, в ней жить. (...) Когда я, наконец, вошел в горницу, живопись обступила меня, и я вошел в нее. С тех пор это чувство жило во мне бессознательно, хотя я и переживал его в московских церквях, особенно в Успенском соборе и Василии Блаженном. По возвращении из этой поездки я стал определенно сознавать его при посещении русских живописных церквей, а позже и баварских и тирольских капелл.

[Кандинский, 1918, с. 28]

Дом, где жила семья
Флоренских

Кандинский стремится достичь того же результата, который дает «обратная перспектива» в иконе, когда стоящий перед ней и молящийся человек не ощущает себя зрителем, но становится участником, переносится во внутреннее пространство иконы. Кандинский подчеркивает связанность этого опыта с поиском принципов художественного творчества: «Несколько лет занимало меня искание средств для введения зрителя *в картину* так, чтобы он вращался в ней, самозабвенно в ней растворялся» [Кандинский, 1918, с. 28]. Флоренский написал свою статью «Обратная перспектива» в 1919 году, осенним семестром 1921 года он читал курс «Анализ перспективы» во ВХУТЕМАСе. В первой же лекции он отметит, что художник — «чистое, простое око, взирающее на мир, чистое око человечества, которым оно созерцает реальность» [Андроник (Трубачев), 2018, с. 260]. Нельзя исключить, что отзвуки идей Кандинского можно найти в лекциях Флоренского.

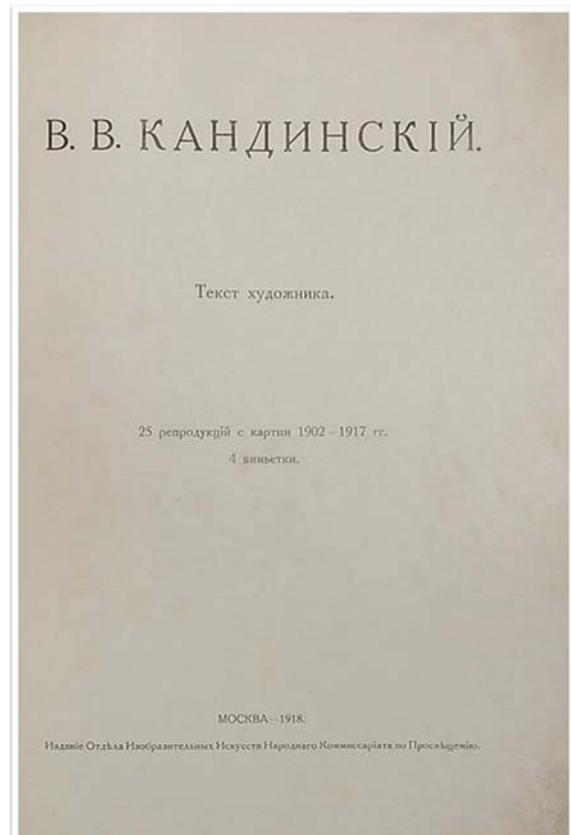
Флоренский, размышляющий об органике народной жизни в пробной лекции «Общечеловеческие корни идеализма», прочитанной в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде в сентябре 1908 года, видит в народной жизни стихийный платонизм, а в различных духах, населяющих приро-

Дом, где жил Василий Кандинский

Собрание частушек

Ступени

ду, — двойники вещей, подобные платоновским идеям: Numina–Nomina–Omina rerum.

Подобно Булгакову, выступившему с критикой интеллигентского сознания в сборнике «Вехи» (1909), Флоренский противопоставляет цельность народной жизни раздробленности жизни интеллигента, человека городской культуры:

...вглядитесь в душу народную, и вы увидите, что там — совсем не так. Медлительно и важно течет жизнь — широкая и светлая и свежая, как Волга, наполненная закатным блеском и вечернею прохладой, — и отдельные струи ее, сплетаясь меж собою, дружно текут и сливаются во-едино. Тут целен человек. Польза не есть только польза, но она — и добро; она прекрасна, она и свята. Возьмите народную жизнь, хотя бы причитание над покойником. Тут — и польза, и добро, и святость, и слезная красота. Теперь сопоставьте с этим причитанием интеллигентский концерт, и вы сами почувствуете, как он беден содержанием. Знание крестьянина — цельное, органически-слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентное же знание — раздробленно, по большей

части органически вовсе не нужно ему, внешне взято им на себя. Он, — как навьюченный скот, — несет бремя своего знания.

[Флоренский, 1999, с. 149]

Еще одна творческая параллель связана с использованием бессознательного, сновидений в своей творческой программе. Конечно, начало века принесло моду на психоанализ, вызванный работами З. Фрейда. Но сновидческая реальность, внимание к «ночной стороне» души и ее проявлениям восходит к романтизму, к новеллам Гофмана, а в русской традиции — к Владимиру Соловьеву, чуткому к снам и явлениям спиритического характера. Творческая программа является расшифровкой снов, обращением к пророческой функции сна и особой семантике сна, в которой логика действительного мира реструктурируется. Обращает внимание на себя качественная разница сновидений — одни рассеиваются как сонная греза сразу по пробуждении, другие предстают в отчетливой ясности и раскрываются в последующем творчестве. Кандинский пишет в «Ступенях»:

В неясных мечтах неуловимыми обрывками рисовалось передо мной подчас что-то неопределенное, временами пугавшее меня своей смелостью. Иногда мне снились стройные картины, оставлявшие по себе при пробуждении только неясный след несущественных подробностей. Раз в жару тифа я видел с большою ясностью целую картину, которая, однако, как-то рассыпалась во мне, когда я выздоровел. Через несколько лет, в разные промежутки я написал «Приезд купцов», потом «Пеструю жизнь» и, наконец, через много лет, в «Композиции II» мне удалось выразить самое существенное этого бредового видения, что я осознал, однако, лишь недавно.

[Кандинский, 1918, с. 25]

Сны для Кандинского являются явным путеводителем в духовную жизнь человека, позволяют отличать вещественное от духовного, различать дух как ядро его вещественной оболочки, отчасти чуждой, отчасти определяемой им.

«Много лет», разделяющие «Пеструю жизнь» и «Композицию II» — на самом деле, это четыре года: первая картина написана в 1907 году, вторая (не дошедшая до нас) в 1911 году. «Пеструю жизнь» Кандинского можно сопоставить с «цветущей сложностью» Константина Леонтьева. Слово «пестрый» здесь не случайно, и явно имеет античную коннотацию. В древнегреческом языке слово *πολυλόικλος* означает «очень пестрый, пестро расшитый» и применяется к одежде, многоцветию узора или богатству цветника, а в новозаветном контек-

В. В. Кандинский. Пестрая жизнь. 1907

сте, у апостола Павла в послании к Ефессянам, это слово характеризует Премудрость Божию — «многообразная премудрость Божия» (Еф. 3:10). На картине представлена многообразная и многословная жизнь во всех ее проявлениях — иноки, купцы, девицы, мальчик, играющий на свирели, юноша, скрывающий лицо, женщина в крестьянском наряде, держащая на руках ребенка, пышная крестьянка в платке, юноша, бегущий за девушкой, калики перехожие, в отдалении похороны, кладбище. На острове, на высоком косогоре — великолепный белокаменный кремль, с соборами, град Китеж, еще не ушедший под воду, а может быть вознесшийся из воды. Исследователь Игорь Аронов рассматривает эту картину «в контексте идей С. Н. Булгакова, Д. С. Мережковского и Н. А. Бердяева, которых объединяла мысль о религиозном кризисе в революционной России и мире вообще и вера в возможность выхода из кризиса через религиозное возрождение» [Аронов, 2010, с. 269]. Исследователь видит «трагизм этой жизни — в ее оторванности от поднебесного духовного белого города, который является параллелью Кандинского к идеалу новой “творящей Церкви” Булгакова, царству “Грядущего завета Духа” Мережковского или “мистической церкви” Бердяева» [Аронов, 2010, с. 272–273]. Погруженность Кандинского в идеи «нового религиозного сознания» трудно отрицать. Но и трагическое ми-

В. В. Кандинский. Композиция II. Эскиз. 1910

роощущение в картине отнюдь не очевидно, либо жизнь как таковую нужно непременно видеть в аспекте трагедии, раз поиск «града Божьего» на земле оканчивается неудачей. Однако, на наш взгляд, не стоит спешить с приписыванием Кандинскому идей политического протеста против самодержавия и о противопоставлении им «свободной России» и «воплощения монархической теории “Москва — третий Рим”» [Азаров, 2010, с. 273]. Для начала XX века куда более характерна идея поиска «незримого Града» («не имеем здесь пребывающего града, но града грядущего взыскуем» (Евр. 13:14), продолжающая тему поиска апокрифического Белого царства. Эта идея, как впрочем и идея «Москвы — третьего Рима», носит куда более эсхатологический характер, исповедуют ее как сторонники революционного понимания христианства, наподобие В. Свенцицкого и Д. Мережковского, так и искатели потаенной Святой Руси, наподобие Сергея Дурьлина. Мне кажется, что прочтение «Пестрой жизни» в этом ракурсе имеет куда большее отношение к замыслу Кандинского, чем идея борьбы с самодержавной монархией. «Композиция II» была изъята из музея и уничтожена в Третьем Рейхе как «дегенеративное искусство», однако остался эскиз к ней, хранящийся в Музее Соломона Гугенхайма в Нью-Йорке. В ней в эсхатологической динамике явно присутствует тема всадников и святых, хоть

София. Фреска Владычной палаты в Новгороде

и по сравнению с работами 1907 года, работы 1911 года куда более «абстрактны». Именно 1911 год, год выхода альманаха «Синий всадник», представляет собой своего рода всплеск работ Кандинского на религиозные сюжеты. В этот год написаны «Все святые», «Великое воскресение», «Всадник Апокалипсиса», «Распятый Христос», «Ангел Страшного суда», «Пес ада и райская птица», «Композиция со святыми», «День всех святых», «Святой Георгий», «Святой Гавриил», «Святой Владимир» и ряд других работ на религиозные сюжеты. Некоторые сюжеты прорабатываются художником несколько раз. В «Композиции II» в наибольшей степени ощутимо стремление художника передать эту сновидческую реальность, реальность грезы в ее пространственно-временной динамике.

«Иконостас» Флоренского начинается с подробного экскурса в психологию сновидений, автор подробно излагает примеры обратного течения времени во сне, где события развиваются так, что их кульминация происходит в момент пробуждения, со звонком будильника. Эти описания не случайны, они призваны показать, что время, как и пространство, пластично, и образует с ним единый пространственно-временной континуум. Сон открывает доступ к иным мирам:

Сон — вот первая и простейшая, т. е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. Пусть эта ступень есть низшая, по крайней мере чаще всего бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, — восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью. И мы знаем: на пороге сна и бодрствования, при

прохождении промежуточной между ними области, этой границы их соприкосновения, душа наша обступается сновидениями.

[Флоренский, 1994, с. 37]

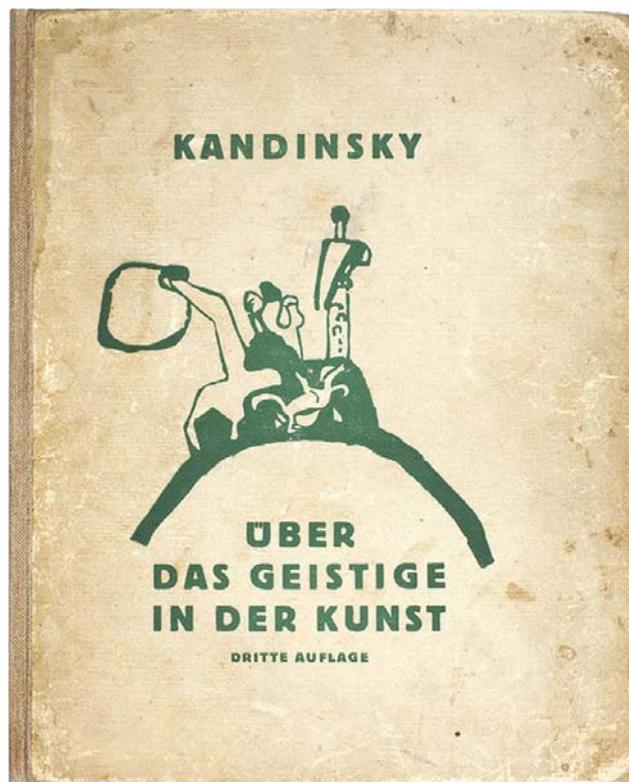
Филипп Серс отмечает у Кандинского эхо теорий Флоренского и Булгакова, которые настаивали на тройственной структуре реальности [Sers, 2015, p. 221]. Он же справедливо отмечает сходство художественных интуиций Кандинского с идеями философов Флоренского и Булгакова о Софии Премудрости Божией как начале миротворения [Sers, 2015, p. 30], а следуя идеям другого философа той же эпохи Николая Бердяева, сам акт художественного творчества может быть сравнен с божественным актом создания мира. София в Притчах Соломоновых выполняет функцию художницы при Боге, когда он совершает акт миротворения («тогда я была при Нем художницею» (Притч. 8:30)). София у Булгакова и Флоренского выполняет функцию посредника между Богом и миром, является Ангелом-Хранителем твари, Душой мира, если выразить эту интуицию на языке неоплатоников и Шеллинга. Таким же посредником является и художник — «рука, приводящая через посредство той или иной клавиши человеческую душу в *сообразное* колебание» [Кандинский, 2024, с. 346]. Этот принцип Кандинский называет принципом *внутренней необходимости*. Эти вибрации, которые рождает художник, являются не только аффицированием страстей души или пробуждением человеческой чувственности. Суть этого процесса заключается в строительстве духовной пирамиды, которая должна дорасти до небес. Это опять-таки созвучно идее русской религиозной философии, высказанной еще Николаем Федоровым, об обществе, устроенном по принципу Троицы. У Флоренского это находит особое развитие в письме «Дружба» «Столпа и утверждения Истины», где дружба, понимаемая как греческая *philia*, становится внутренней связью между людьми, поскольку дружба становится возможной «перед лицом третьего, и именно Третьего» [Флоренский, 1990, с. 439], образуя духовный треугольник, который становится частью пирамидально устроенного общества. Можно сопоставить принцип «внутренней необходимости» Кандинского, предполагающий «неизбежное стремление объективного выразить себя» через личность художника, и «философию сердца» Флоренского, предполагающую, вслед за св. Григорием Нисским, что «знание рождается любовью». «Философия сердца» не является достоянием исключительно православного Востока, она была хорошо известна Блезу Паскалю, противопоставлявшему «логику рассудка» и «логику сердца». Можно отметить и присутствие софиологической тематики в творчестве Кандинского. К таким работам относится, например, картина «Множество кругов» (1926): сопоставив

В. В. Кандинский. Множество кругов. 1926

черный фон этой картины с черным небом, усеянным золотыми звездами, на иконах Софии Премудрости Божией, можно дать этой картине софиологическую интерпретацию. Разноцветные сферы на картине вызывают аллюзию на сферическую метафору самого Божества. В различных религиозных традициях периферия Бога, Божество, творческая энергия, отождествляются с кругом.

Еще одно интеллектуальное пересечение Флоренского и Кандинского обнаруживается в опыте их совместной работы во ВХУТЕМАСе (Всероссийских художественных технических мастерских), в 1921 году, до отъезда Кандинского в командировку в Мюнхен (которая становится эмиграцией). Они оба — профессора ВХУТЕМАСа. Флоренский является профессором печатно-графического факультета, читает курс по анализу пространственных форм. Одна из основных тем дискуссий — соотношение конструкции и композиции. Производственники и конструктивисты выступают за отход от традиционных художественных средств под лозунгом: «от изображения — к конструкции». Художественным средствам противопоставляется конструктивность, организованность, целесообразность, производственность. Конструктивизм провозглашает основной задачей искусства «строительство жизни из материальных

О духовном в искусстве

форм, утверждает, что «искусство не должно украшать жизнь, а формировать ее, создавать не изображение действительности, а саму предметную действительность — окружающие человека вещи» [Андроник (Трубачев), 2018, с. 265].

Приматом конструктивизма было механистическое отношение к миру и действительности. Это видно из статьи «Композиция и конструкция», подготовленной для не увидевшего свет «Словаря художественных терминов» искусствоведа Дмитрия Недовича. «Конструкция, — пишет он, — есть понятие *механическое*: она обозначает ту систему линейных осей, которая строит абстрактный пространственный скелет произведения и сообщает ему устойчивость (...). В противоположность этому композиция есть чисто-*органическая* связь элементов произведения в ритмическое единство выражения через динамическое сочетание масс — телесных, цветовых или световых» [Недович, 2005, с. 240]. Совершенно иначе трактует эти понятия Кандинский: на смену оппозиции «механического и органического» приходит здесь иная оппозиция: «объективный — субъективный».

«В дополнении ко второму немецкому изданию книги “О духовном в искусстве” (апрель 1912) Кандинский предложил широкое определение конструкции как выражение объективного закона в искусстве, духовной силой которого является закон внутренней необходимости. Под конструкцией он

понимает внутреннюю организацию художественного произведения по аналогии с живым миром...» [Подземская, 2017, с. 72]. Художественное произведение подобно живому существу, оно входит в цепочку причин и следствий, оно подчинено закону «внутренней необходимости», оно «должно быть логически построенным» [Подземская, 2017, с. 72]. В немецкой редакции «О духовном в искусстве» Кандинский называет композициями «выражения (...) исключительно медленно складывающиеся во мне; они долго и почти педантически изучаются, и вырабатываются мною по первым наброскам (...) Здесь преобладающую роль играет разум, сознание, намеренность, целесообразность. Но решающее значение придается всегда не расчету, а чувству» [Кандинский, 1967, с. 149].

Интересно, что Флоренский в своем курсе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», прочитанном во ВХУТЕМАСе в 1924–1925 годах, практически вторит Кандинскому: «конструкция характеризует действительность саму по себе, в ее внутренних связях и соотношениях, в борьбе и содействии ее сил и энергий. А композицией характеризуется внутренний мир самого художника, строение его внутренней жизни» [Флоренский, 1993, с. 120–121]. Гармоническое сочетание конструкции и композиции в искусстве встречается, по его мнению, крайне редко, и свойственно только эллинской античности, и иконописи. Следует отметить, что рефлексия Кандинского на эту тему опережает споры во ВХУТЕМАСе более чем на десятилетие.

Диалог Кандинского со своими современниками, очный и заочный, показывает, сколь насыщенным философскими и религиозными идеями была теория искусства Кандинского. Понимание их необходимо для верной интерпретации художественного замысла работ Кандинского, а сам художник, бесспорно, внес существенный и пока еще не до конца оцененный вклад в философскую эстетику и теорию искусства своего времени.

Список источников

Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. В 6 т. М.: Фонд свящ. Павла Флоренского, 2018. Т. V. 544 с.

Аронов И. Кандинский. Истоки. 1866–1907. М., Иерусалим, 2010. 343 с.

Аскольдов С. А. О старом и новом религиозном сознании // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в документах и материалах. 1907–1917. В 3 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 1. С. 36–46.

Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.

Булгаков С. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. Сергиев Посад: Путь, 1917. 425 с.

Булгаков С. Н. Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. 202 с.

Кандинский В. [Ступени] Текст художника. М.: Издание отдела изобразительных искусств Народного Комиссариата по просвещению, 1918.

Кандинский В. О духовном в искусстве. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. 151 с.

Кандинский В. В. Избранные труды по теории искусства. В 2 т. М.: Гилея, 2008. Т. 1: Работы 1901–1914 гг. 432 с. URL: <https://kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva.html> (дата обращения: 10.02.2025).

Кандинский В. О духовном в искусстве. Полное критическое издание. В 2 т. / под ред. Н. П. Подземской. М.: БуксМАрт, 2020. Том 1. 746 с.

Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004. 440 с.

Недович Д. Композиция и конструкция // Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 / под ред. И. М. Чубарова. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2005. С. 240–241.

Подземская Н. П. Наука об искусстве в ГАХН и теоретический проект В. В. Кандинского // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской. М., 2017. С. 44–78.

Серс Ф. Тоталитаризм и авангард. В преддверии запредельного / пер. с франц. Дубина С. Б. М.: Прогресс-традиция, 2004. 335 с.

Соколов Б. М. Василий Кандинский. Эпоха великой духовности. Живопись. Поэзия. Театр. Личность. М.: БуксМАрт, 2016. 536 с.

Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1(1). 490 с.

Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. 324 с.

Флоренский П. Иконостас. М.: Искусство, 1994. 255 с.

Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма // Флоренский П. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3(2). С.145–168.

Шумихин С. В. Письма В. В. Кандинского к А. И. Чупрову // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1981. Л.: Наука, 1983. С. 337–344.

Hermann V. Kandinsky — sa vie. Éditions Hazan, 2016. 444 p.

Kandinsky N. Kandinsky und ich. München: Knaur, 1987. 252 S.

Niqueux M. Julia Danzas (1879–1942) De la cour impériale au bain rouge. Éditions des Syrtes, 2020. 387 p.

Sers P. Kandinsky. Philosophie de l'art abstrait: peinture, poesie, scenographie. Milan: Skira, 2003. 349 p.

Sers P. Kandinsky. The Elements of Art. Tames&Hudson, 2015. 336 p.

Zwahlen R. Sergij Bulgakov und Vassilij Kandinsky "über das Geistige in der Kunst" // Veni, Sancta Spiritus. Theologische Beiträge zur Sendung des Geistes. Festschrift für Barbara Hallensleben. Münster: Aschendorff Verlag, 2018. S. 684–698.

References

Andronik (Trubachev), igumen (2018) *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashchennika Pavla Florenskogo. V 6 tomakh. Tom V [The Path to God. The Personality, Life, and Work of Priest Pavel Florensky. In 6 vols. Vol. V].* Moscow: Fond svyashch. Pavla Florenskogo.

Aronov, I. (2010) *Kandinskii. Istoki. 1866–1907 [Kandinsky. Origins. 1866–1907].* Moscow, Ierusalim.

Askol'dov, S. A. (2009) "O starom i novom religioznom soznanii" ["On the Old and New Religious Consciousness"], in *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriya v dokumentakh i materialakh. 1907–1917. V 3 tomakh. Tom 1 [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in Documents and Materials. 1907–1917. In 3 vols. Vol. 1].* Moscow: Russkii put', pp. 36–46.

Berdyayev, N. A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukkha [Philosophy of the Free Spirit].* Moscow: Respublika.

Bulgakov, S. (1917) *Svet Nevechernii. Sozertsaniya i umozreniya [The Uneven Light. Contemplations and Speculations].* Sergiev Posad: Put'.

Bulgakov, S. N. (1918) *Tikhie dumy. Iz statei 1911–1915 gg. [Quiet Thoughts. From Articles from 1911–1915]* Moscow: Izd. G. A. Lemana i S. I. Sakharova.

Kandinskii, V. (1918) *[Stupeni] Tekst khudozhnika [[Steps] Artist's Text].* Moscow: Izdanie otdela izobrazitel'nykh iskusstv Narodnogo Komissariata po prosveshcheniyu.

Kandinskii, V. (1967) *O dukhovnom v iskusstve [On the Spiritual in Art].* N'yu-Iork: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo.

Kandinskii, V. V. (2008) *Izbrannye trudy po teorii iskusstva. V 2 tomakh. Tom 1: Raboty 1901–1914 gg. [Selected Works on the Theory of Art. In 2 vols. Vol. 1: Works from 1901–1914]* Moscow: Gileya. Available at: <https://kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva.html> (Accessed: 10 February 2025).

Kandinskii, V. (2020) *O dukhovnom v iskusstve. Polnoe kriticheskoe izdanie. V 2 tomakh. Tom 1 [On the Spiritual in Art. Complete critical edition. In 2 vols. Vol. 1].* Ed. by N. P. Podzemskaya. Moscow: BuksMArt.

Literaturnye ob"edineniya Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov. Slovar' [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg in the 1890s–1917s. Dictionary] (2004) Moscow.

Nedovich, D. (2005) "Kompozitsiya i konstruktsiya" ["Composition and Construction"], in *Slovar' khudozhestvennykh terminov. G.A.Kh.N. 1923–1929* [Dictionary of Artistic Terms. G. A. Kh. N. 1923–1929]. Ed. by I. M. Chubarov. Moscow: Logos-Al'tera, Ecce Homo, pp. 240–241.

Podzemskaya, N. P. (2017) "Nauka ob iskusstve v GAKhN i teoreticheskii proekt V. V. Kandinskogo" ["Art Science at the State Academy of Art Sciences and the Theoretical Project of V. V. Kandinsky"], in *Iskusstvo kak yazyk — yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as a Language — Languages of Art. State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s]. Ed. by N. S. Plotnikov and N. P. Podzemskaya. Moscow, pp. 44–78.

Sers, F. (2004) *Totalitarizm i avangard. V preddverii zapredel'nogo* [Totalitarianism and Avant-Garde. On the Threshold of the Beyond]. Transl. from the French by Dubin, S. B. Moscow: Progress-traditsiya.

Sokolov, B. M. (2016) *Vasilii Kandinskii. Epokha velikoi dukhovnosti. Zhivopis'. Poeziya. Teatr. Lichnost'* [Vasily Kandinsky. The Epoch of Great Spirituality. Painting. Poetry. Theater. Personality]. Moscow: BuksMArt.

Florenskii, P. A. (1990) *Stolp i utverzhenie Istiny. V 2 tomakh. Tom 1(1)* [The Pillar and Statement of Truth. In 2 vols. Vol. 1(1)]. Moscow: Pravda.

Florenskii, P. A. (1993) *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvennoizobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Visual Works]. Moscow: Izd. gruppa "Progress".

Florenskii, P. (1994) *Ikonostas*. Moscow: Iskusstvo.

Florenskii, P. (1999) "Obshchechelovecheskie korni idealizma" ["Universal Roots of Idealism"], in Florenskii, P. *Sochineniya. V 4 tomakh. Tom 3(2)* [Works. In 4 vols. Vol. 3(2)]. Moscow: Mysl', pp.145–168.

Shumikhin, S. V. (1983) "Pis'ma V. V. Kandinskogo k A. I. Chuprovu" ["Kandinsky's Letters to A. I. Chuprov"], in *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1981* [Cultural Monuments. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook 1981]. Leningrad: Nauka, pp. 337–344.

Hermann, B. (2016) *Kandinsky — sa vie*. Éditions Hazan.

Kandinsky, N. (1987) *Kandinsky und ich*. Müncheh: Knaur.

Niqueux, M. (2020) *Julia Danzas (1879–1942) De la cour impériale au bain rouge*. Éditions des Syrtes.

Sers, P. (2003) *Kandinsky. Philosophie de l'art abstrait: peinture, poesie, scenographie*. Milan: Skira.

Sers, P. (2015) *Kandinsky. The Elements of Art*. Tames&Hudson.

Zwahlen, R. (2018) “Sergij Bulgakov und Vassilij Kandinsky ‘über das Geistige in der Kunst’”, in *Veni, Sancta Spiritus. Theologische Beiträge zur Sendung des Geistes*. Festschrift für Barbara Hallensleben. Münster: Aschendorff Verlag, S. 684–698.

Информация об авторе: Алексей Павлович Козырев — кандидат философских наук, и. о. декана философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Information about the author: Alexey P. Kozyrev — PhD in Philosophy, Acting Dean of the Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4 Lomonosovsky Avenue, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрена после рецензирования 08.03.2024;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 08.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 210–233.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 210–233.

Научная статья / Original article

УДК 94(497.1)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-210-233

КОМИКС И ПРОПАГАНДА В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1941–1944)

Ирина Антанасиевич
Белградский университет,
Белград, Сербия, antiira@mail.ru

 Аннотация. Статья представляет краткий обзор комиксов, выступающих в роли пропагандного материала периода оккупации. Цель работы — сделать шаг к систематизации агитационного комикса и классифицировать его не только хронологически, но прежде всего систематически (по форме, способу пропаганды и т. д.). В работе использован материал, который впервые представляется широкой публике (архивные материалы из Народной библиотеки Сербии).

 Ключевые слова: оккупация, пропаганда, комикс, антимасонская выставка в Белграде, антикоммунистическая выставка в Белграде, русская эмиграция

Содержание статьи не является полностью оригинальным. Оно частично содержится в ряде других публикаций автора.

© Антанасиевич И., 2025

Ссылка для цитирования: Антанасиевич И. Комикс и пропаганда в период оккупации (1941–1944) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 210–233. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-210-233.

Memory of Culture

COMIC AND PROPAGANDA DURING THE OCCUPATION (1941–1944)

Irina Antanasievich

University of Belgrade, Belgrade, Serbia,
antiira@mail.ru

Abstract. The article presents a brief overview of comics that served as propaganda material during the occupation period. The aim of the work is to take a step towards systematizing propaganda comics and classifying them not only chronologically, but above all systematically (by form, method of propaganda, etc.). The work uses material that is presented to the general public for the first time (archival materials from the National Library of Serbia).

Keywords: occupation, propaganda, comics, anti-masonic exhibition in Belgrade, anti-communist exhibition in Belgrade, Russian emigration

For citation: Antanasievich, I. (2025) “Comic and Propaganda During the Occupation (1941–1944),” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 210–233. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-210-233.

В настоящий момент сформирован вполне солидный корпус исследований, которые так или иначе посвящены истории пропаганды в период оккупации Королевства Югославия (см., например: [Kreso, 1979; Тимофејев, 2011; Ванјас, 2015]). Большая часть исследований непосредственно связана с Антимасонской выставкой 1941 года, состоявшейся в Белграде, тогда как две последующие выставки — Антикоммунистическая 1942 года и Антикоммунистическая 1944 года — крайне редко становятся объектом изучения, а визуальные материалы этих выставок ошибочно включаются в контекст Антимасонской выставки. Кроме того, существующие исследования стремятся описать механизм организации подобных выставок и реакцию на них серб-

ского общества, но механизм создания визуального текста пропагандного характера исследуется крайне редко. И почти отсутствуют работы, рассматривающие, каким образом пропаганда формировала и интегрировала в общество определенную культурную модель, формируемую в период оккупации, такую как «Новая Сербия». В рамках этой модели, оккупационный режим Недича¹, выдвигая тезис: «Балканы — это Европа, а Советы — Азия», делал упор на противопоставление Балкан Советскому Союзу. Кроме того, противопоставлялись понятия «сербское» и «югославское» и сближались понятия «югославское» и «советское». Данное сближение было неслучайным: югославская модель, возникшая в межвоенный период и активно поддерживаемая в Королевстве, подразумевала нивелирование культурных различий между народами Балкан и их объединение в новую общность, что в военное время стало неприемлемым. Таким образом, пропагандистские модели «Новой Сербии» формировали обратный тезис: «Сербия — это не Югославия». Упор на национальную модель требовал отказа от югославянства, которое подспудно сравнивалось с советской моделью. Последняя модель также нивелировала национальные различия внутри государства, создавая новую общность — советский народ.

Когда речь шла о пропаганде, это привело к тому, что СССР никогда не обозначали как Россия, но лишь как СССР или Советы, а понятие «русское» заменялось понятием «советское». Все это усиливалось дополнительным акцентом на «азиатстве» Советского Союза, что позволяло пропаганде утверждать: Советы — не славяне. Тем самым создавалась дополнительная оппозиция «славянство — азиатство». Таким образом, с одной стороны, выступали понятия «сербское», «русское», «славянское», «европейское», «национальное», а с другой — «югославское», «советское», «азиатское», «антиевропейское», «масонское».

В одной статье невозможно провести полный анализ ключевых пропагандистских векторов того периода, однако, анализируя визуальные пропагандистские тексты, мы постараемся не только их описать, но и рассмотреть как специфический текст, в котором понятия «балканский», «сербский», «русский», «советский» и другие выступают в роли сложной культурной метафоры, требующей особого подхода к интерпретации. Помимо этого, мы попытаемся исследовать влияние представителей русской эмиграции на формирование этих метафор, поскольку многие исследователи упоминают русских художников и

¹ Милан Недич (1877–1946) — генерал, занимал пост министра обороны Королевства Югославия в 1939–1940 годах. С августа 1941 по октябрь 1944 года возглавлял коллаборационистское «Правительство национального спасения», созданное под контролем немецких оккупационных властей в Сербии.

карикатуристов как основную творческую и идеологическую силу оккупационной пропаганды (см., например: [Kreso, 1979; Тимофе́ев, 2011; Vanjas, 2015]).

Действительно, русские художники, входившие в так называемый «белградский круг» комикса — Ю. Лобачев, К. Кузнецов, Н. Навоев, В. Гулевич, А. Ранхнер, С. Соловьев, В. Жедринский, И. Шеншин, Н. Тищенко (о комиксах российских художников см. подробнее: [Антанасиевич, 2018; Bogdanović, 2006; Draginčić, Zupan, 1986; Ivkov, 1995; Stefanović, 2022]) — почти все так или иначе сотрудничали с коллаборационистской прессой, существовавшей в Сербии в годы Второй мировой войны (за исключением Николая Навоева, скончавшегося в 1940 году).

Даже Юрий Лобачев, состоявший в Союзе советских патриотов, действовавшем тогда в Белграде, принимал участие в изданиях периода оккупации: «Коло», «Дом и свет», «Мали забавник»². Художники К. Кузнецов и В. Гулевич работали для журнала «Мали забавник», их коллеги — В. Жедринский и Н. Тищенко — создавали иллюстрации для сатирического журнала «Дикобраз» («Бодьикаво прасе») и русскоязычной газеты оккупационного периода «Новый путь»³, а имя И. Шеншина упоминается в связи с агитационными анимационными фильмами.

Почти все вышеперечисленные художники сотрудничали с издательством «Юговосток» (Југоисток), основанным в конце 1941 года как немецкое агитационное издательство (в рамках уже сформированного отдела пропаганды «Юговосток» (*Propaganda-Abteilung Südost*)). Эта структура не только использовала помещения и оборудование крупнейшего сербского издательства «Геца Кон», но и продолжила выпускать книжные серии, начатые «Геца Кон»⁴ до войны. Таким образом, многие русские художники, работавшие с «Геца Кон» в довоенный период, продолжили сотрудничество и с «Юговостоком».

Когда речь заходит о предполагаемых участниках Антимасонской выставки в Белграде — самой масштабной пропагандной выставки 1941 года — исследователи считают, что в числе художников, определяющих визуальный ряд выставки, центральное место занимают русские эмигранты, авторы югославских комиксов. Именно они, карикатуристы и иллюстраторы Королевства Югославия, считаются исполнителями, а иногда и идейными вдохновителями

² Лобачев в своих воспоминаниях пишет, что к работе в журнале «Коло» его привлек директор газеты «Политика» Владислав Рыбникар. См: [Лобачев, 1997, с. 112].

³ Новый путь: еженедельный информационный органъ Бюро по защитѣ интересовъ Русской эмиграцій въ Сербіи = Der Neue Weg : Russisches Mitteilungsblatt. Подъ редакціей Б. [Бориса] К. [Казимировича] Ганусовскаго = [главни уредник Борис К. Ганусовски].

⁴ Основатель издательства, предприниматель и издатель Геца Кон был депортирован как еврей и расстрелян. В рамках Антимасонской выставки организован специальный выставочный раздел (комната) для Геца Кона, который представлен как пропагандистский центр мирового еврейства.

ми выставки, хотя архивных свидетельств об их участии немного. Например, легенда об активном участии Алексея Ранхнера в выставке не подтверждена никакими документами, хотя точно известно, что его дочь Марина работала над подготовкой выставки. Подтверждение ее участия содержится в анкете, заполненной ее матерью Лидией Ранхнер в лагере для перемещенных лиц в Зноймо (Чехословакия), где указано: «Мой муж вступил в ряды *Nipò Waffen SS* в 1942 году, а моя дочь Марина работала художницей в Агитационном отделе Пропагандистского управления «Юговосток»» (АЖ. Ф. 95. П. 323/893). Аналогичные сведения имеются и в анкете самой Марины Ранхнер, которая указала, что после окончания школы работала художницей в том же отделе (АЖ. Ф. 95. П. 323/893). Поскольку сам Алексей Ранхнер в то время жил отдельно от семьи⁵ и служил в вспомогательной полиции (*Nipò korpus*⁶), никоим образом нельзя включать его имя как одного из художников выставки: он, будучи офицером на службе Королевства Югославия и отказавшись вступить в ряды Русского корпуса, а также не желая участвовать в качестве художника в выставках агитационного характера, использовал свое немецкое происхождение, чтобы занять наиболее нейтральное место, а именно — предпочел роль охранника Панчевского моста роли агитационного художника⁷.

Долгое время считалось, что Ранхнер был убит в 1942 году за участие в Антимасонской выставке. Существует несколько версий его гибели, но все они опровергаются некрологом⁸, в котором причиной смерти указана сердечная болезнь [Новый путь, 1942, 17.10].

На самом деле с определенной долей уверенности можно говорить о непосредственном участии в выставке лишь одного художника — Константина Кузнецова, автора множества плакатов, брошюр и пропагандистских комиксов. Более того, из досье *BdS / Befehlschaber der sicherheitspolizei und sicherheitddienst* («Главное командование службы безопасности и службы безопасности СД»), хранящегося в Историческом архиве Белграда, следует, что К. Кузнецов не только активно участвовал в деятельности агитационного отделения «Юговосток» как штатный художник, но и возглавлял его художественную мастерскую [Banjac, 2015, с. 18].

⁵ Хотя официального развода не было, Ранхнер жил отдельно от своей семьи, по-видимому, с 1938 года, когда он был зарегистрирован на отдельной регистрационной карточке (ИАБ).

⁶ Шуцманшафт (нем. *Schutzmannschaft*, сокр. *Schuma* или *Hilfspolizei*, сокращенно *Nipò* — вспомогательная полиция) — коллаборационистские вспомогательные полицейские батальоны, состоявшие из фолксдойчеров, то есть местного населения, немецкого происхождения.

⁷ По воспоминаниям Юрия Лобачева именно он снабжал его аусвайсами для свободного прохода по городу в ночное время, что для Лобачева — члена Союза советских патриотов, было очень важно. См: [Лобачев, 1997, с. 124].

⁸ Юрий Лобачев в своих воспоминаниях пишет, что А. Ранхнер уснул пьяным в овраге в районе Белграда Карабурма и замерз насмерть. См: [Лобачев, 1997, с. 125].

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Name:										IV A 1 1025/43									
K u z n e c o v																			
Vorname: Konstantin																			
Geboren:																			
Beruf: Leiter des Ateliers der Propaganda-Abt. "Südost"																			
Wohnung: Belgrad, Kosovska 39																			
Akt.-Zeichen: B.d.S. Belgrad K 1104										7039/43									

Регистрационная карта художника К. Кузнецова

Однако некоторые авторы считают, что группу русских художников (упоминается более 80 человек⁹) возглавлял известный живописец Степан Колесников [Kreso, 1979, s. 134; Кольанин, 2003, с. 102], хотя архивных доказательств этого нами не найдено.

В документе, сохранившемся в Архиве Югославии, подписанном автором концептуального проекта выставки Лазарем Прокичем, в котором художники приглашаются к разработке десяти тем, упоминаются только имена сербских художников Митриновича и Костича (А.Ф. 100. П. 14/50-523)¹⁰. Списки других художников (включая русских) пока не найдены.

В Военном архиве Сербии хранятся списки (в основном касающиеся выплат гонораров) 117 человек, вовлеченных в работу Отдела пропаганды «Югославия». Однако в этих списках также нет имен русских художников. Они в основном относятся к 1943 году и не связаны с антимасонской (1941) и антикоммунистической выставками (1942) (ВА. Ф. 60. П. 5, 1/117).

В подготовке выставки принимали участие в общей сложности 144 человека¹¹ разделенные на четыре секции. За Отдел пропаганды «Югославия» в Сербии отвечало Отделение пропаганды «S» (Propagandaabteilung "S") [Кольанин, 2003, с. 92], которым руководил доктор Липерт. С немецкой стороны он был

⁹ Иногда упоминается, что в художественной студии находилось около 50 человек. См: [Јовановић, 1972, с. 204].

¹⁰ В этом документе Ганс Рихтер также упоминается как инструктор.

¹¹ См: [Ново време, 1942, 14.01]. Необходимо учитывать, что в это число входит весь персонал, работавший над организацией выставки, а не только художники.

Фотография из периода поступления в университет (из личного архива)

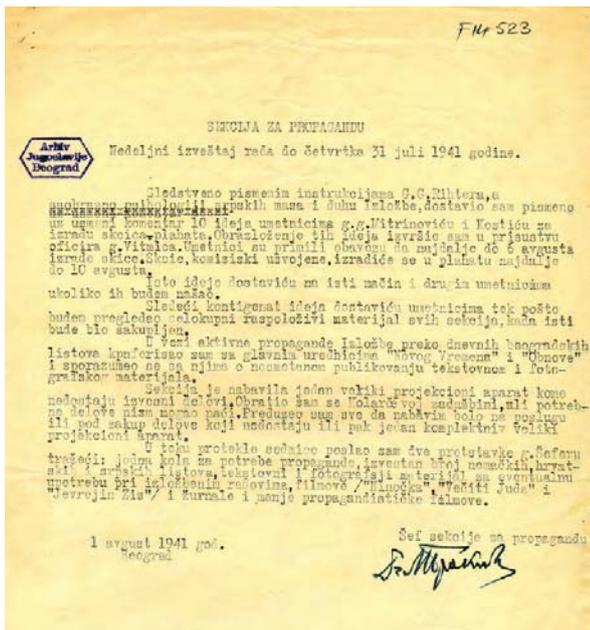
Vorbekalt. Ranchner		Lydia	323 892
Name		Vorname	Durchschleusungs-Nr.
geborene: Jestifeew		Herkunftsland: Serbien	
verwitwete: geschiedene:		Kinder ohne RuS.-Karte: Note:	
Herdstelle: eigene		1	geb.
Durchschleusungs-Nr.		2	geb.
Geburtstag: 2.1.95		Geburtsort: Modlin, Gen. Gov. Le.	
Fam.-Stand: verw.	Heiratsjahr: 1922	Kinder: 3	davon leben: 2
Beruf: Klamfont		Gedien:	
Volkszugehörigkeit: V russisch		Herkunftsland: Rußland	
VV	II	Körper: 13	
VM	II	Erbgen:	
M	II	Religion: orth	
MV	II	Brillenträger: XACXX	
MM	II	Note:	

Vorbekalt. Ranchner		Marina	323 893
Name		Vorname	Durchschleusungs-Nr.
geborene: Ranchner Lydia		Herkunftsland: Serbien	
verwitwete: geschiedene:		Kinder ohne RuS.-Karte: Note:	
Herdstelle: eigene		1	geb.
Durchschleusungs-Nr. 323 892a		2	geb.
Geburtstag: 7.10.23		Geburtsort: Semlin, Kroatien	
Fam.-Stand: led.	Heiratsjahr: -	Kinder: -	davon leben: -
Beruf: Plakatzeichnerin		Gedien:	
Volkszugehörigkeit: V deutsch		Herkunftsland: Rußland	
VV	II	Körper: -	
VM	russisch	Erbgen:	
M	II	Religion: orth	
MV	II	Brillenträger: XAC nein	
MM	II	Note:	

Регистрационные карты Лидии и Марины Ранхнер

куратором выставки (вместе с ним чаще всего упоминаются также имена Ганса Рихтера и Адольфа Насенштайна (А.Ф. 100. П. 14/50-523, 526, 527, 528) (см. также [Стојановић, 2015, с. 113; Кољанин, 2003, с. 92]). Отделение пропаганды «S» состояло из семи отделов: планирования, активной пропаганды, печати, фотографии, радио, театра и кино [Kreso, 1979, с. 74]. За организацию выставки отвечал Рабочий комитет выставки, который включал четыре секции: секцию пропаганды и организации выставки, антикоммунистическую секцию, антимасонскую секцию и антисемитскую секцию. В организации выставки Рабочему комитету помогала пропагандистская служба ЗБОР (Объединенная боевая организация труда), сформированная еще до войны (АС. БИА. II/69, об. Služba SDK i «ZBOR»).

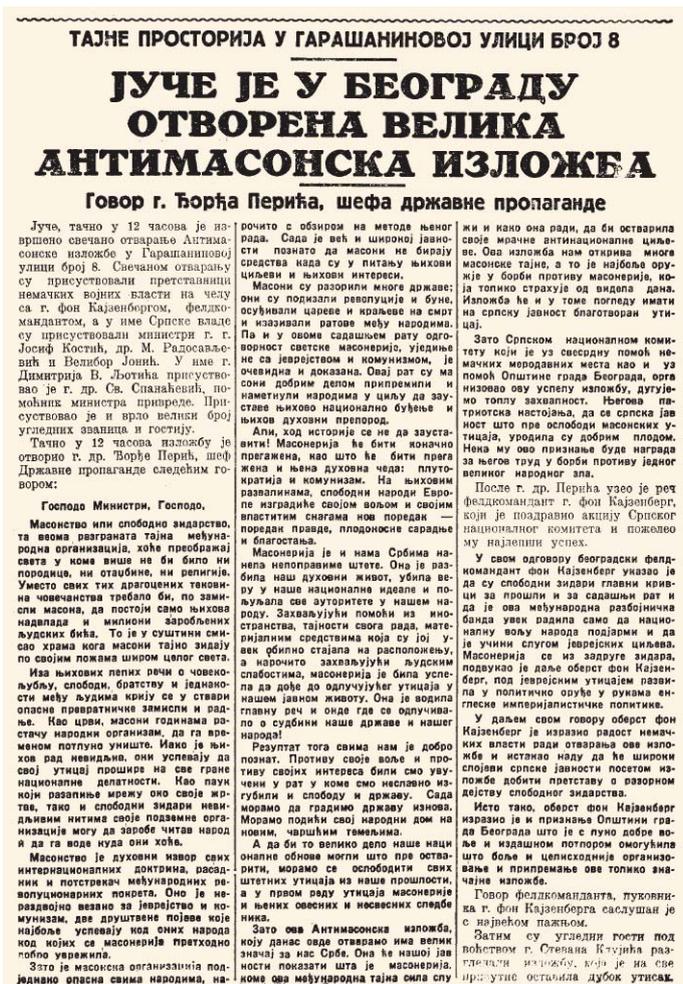
Было нарисовано в общей сложности 126 плакатов и графических работ, напечатано 60 000 плакатов и 100 000 листовок, а также сделано 1 740 фотографий. Кроме того, было подготовлено 19 брошюр общим тиражом 200 000 экземпляров и 176 кинофрагментов [Ново време, 1941, 17.10; Vanjas, 2015, с. 13].

Документ из Архива Югославии

Сама выставка, официальное название которой звучало как «Большая выставка деятельности масонов, евреев и коммунистов»¹², была открыта 22 октября 1941 года в здании бывшей масонской ложи «Югославия»¹³.

Подготовка к выставке началась в июле 1941 года с формирования вышеупомянутого Рабочего комитета, ядро которого составляли представители движения ЗБОР¹⁴. Автором концептуального проекта был Лазар Прокич, а председателем комитета — публицист и директор агентства «Авала» Джордже Перич. Позже он открыл выставку, так как Милан Недич не присутствовал на открытии, а посетил выставку позднее. В состав комитета также входили Стеван Клуич¹⁵ — директор выставки, Милан Банич — директор Секции пропаганды и организации выставки, Миодраг

Газетные материалы к открытию Антимасонской выставки

¹² Ее продолжением стала Антикоммунистическая выставка, открывшаяся 1 сентября 1942 года и во многом использовавшая агитационные материалы первой выставки (что порой вносит путаницу в анализ визуального материала). Подробно об открытии Антикоммунистической выставки писала и российская пресса, см.: [Новая дорога, 1942, 09.06]. Вторая коммунистическая выставка открылась 19 июня 1944 года.

¹³ Улица Гарашанинова, 8. Сейчас улица Светозара Марковича.

¹⁴ Об активной работе партии ЗБОР по подготовке выставки свидетельствует доклад Л. Прокича от 31 июля 1941 года, с добавлением нескольких плакатов. См: (А). Ф. 100. П. 14/50-523).

¹⁵ О нем см.: [Сорокина, 2020].

ПАЖЊА ПОСЕТИОЦИМА АНТИМАСОНСКЕ ИЗЛОЖБЕ

Мада је антимасонска изложба у Гарашаниновој улици отворена још пре 30 дана, она још увек привлачи велику пажњу грађанства
(Фото: приватна својина)

Джорджевич — директор Антимасонской секции, Момчило Балич — директор Антисемитской секции, Милован Попович — директор Антикоммунистической секции [Вањас, 2015. с. 15]. При подготовке выставки был взят за образец антимасонский вернисаж, успешно проведенный в Париже в Музее изящных искусств (Petit Palais) в октябре 1940 года.

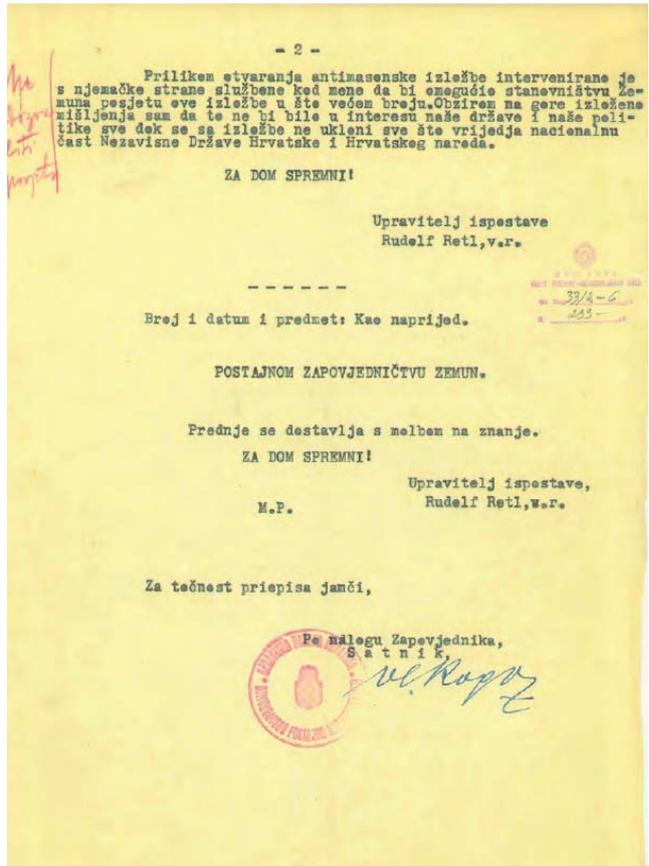
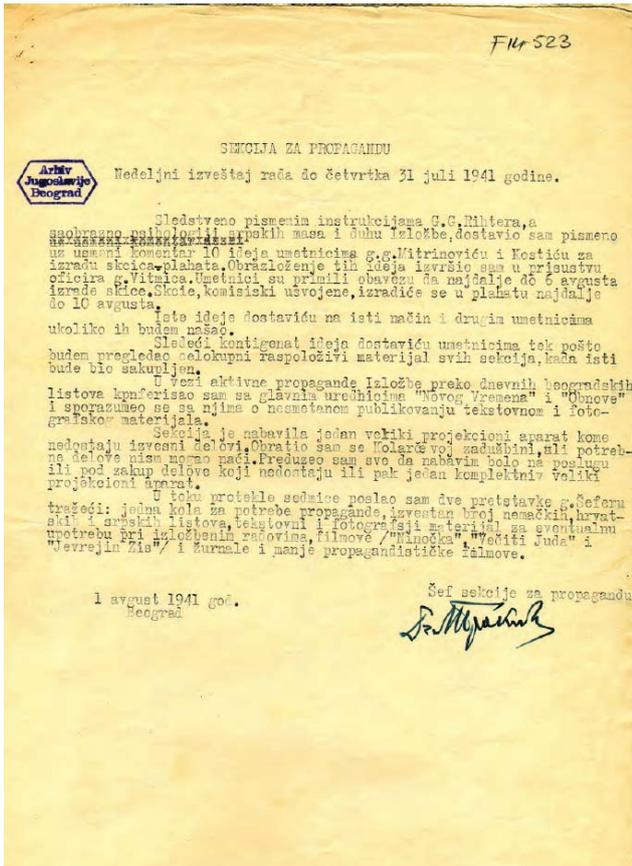
Для выставки была выпущена и серия почтовых марок (четыре вида, а также конверты и девять видов открыток, отпечатанных в количестве 108 000 экземпляров) [Обнова, 1942, 20.01], которые раздавались бесплатно на протяжении всего периода работы выставки, вплоть до ее закрытия 18 января 1942 года. За 75 дней ее посетило 80 800 человек [Ново време, 1942, 14.01]. Художник Всеволод Гулевич часто упоминается как автор марок, однако их создание было

Антимасонские марки (художник С. Груич)

Плакат Й. Беранека

Жалоба на выставку, подписанная Рудольфом Ретлом, директором филиала в Земуну (тогда часть Независимого Государства Хорватия)

поручено С. Груичу [Vanjas, 2015, с. 15]. Именно имя С. Груича встречается в газетах того времени, а также его инициалы «С. Г.» отмечены на отдельных марках (см.: [Ново време, 1941, 25.12; Ново време, 1941, 23.12; Обнова, 1942, 19.1; Ново време, 1942, 3.1; и т. д.]). Идеологическое решение большинства марок далеко от оригинального и повторяло стереотипные образы того периода (сила, представленная в виде сокола, крепкой руки, кинжала и т. д., уничтожающих змею). Оригинальными были лишь два сюжета: первый — где сербский крестьянин опрокидывает колонны Яхин и Боаз, два столпа, которые, по легенде, Соломон воздвиг в Храме, являющиеся для масонов символом исключительной важности и основой их фундаментальной философии; второй — где крест царя Душана вписан в сноп пшеницы, что должно подчеркивать статус государства как крестьянского, гордящегося своим крестьянским трудом и происхождением.

Большинство плакатов было напечатано в белградской типографии Offset-druckerei Veranek Belgrad, владельцем которой являлся чех по происхождению Йозеф (Йожа) Беранек. Он также известен как художник, основатель словенского комикса и автор пропагандных плакатов для коллаборационистского пра-

Пропагандные плакаты на французском, норвежском и сербском языках

вительства Словении. Судя по всему, его и его словенских коллег следовало бы включить в число иллюстраторов выставки. Его имя редко упоминается в контексте Антимасонской выставки, хотя оно встречается в списках получателей выплат, сохранившихся в Военном архиве (ВА. Ф. 60. П. 5, 1/117).

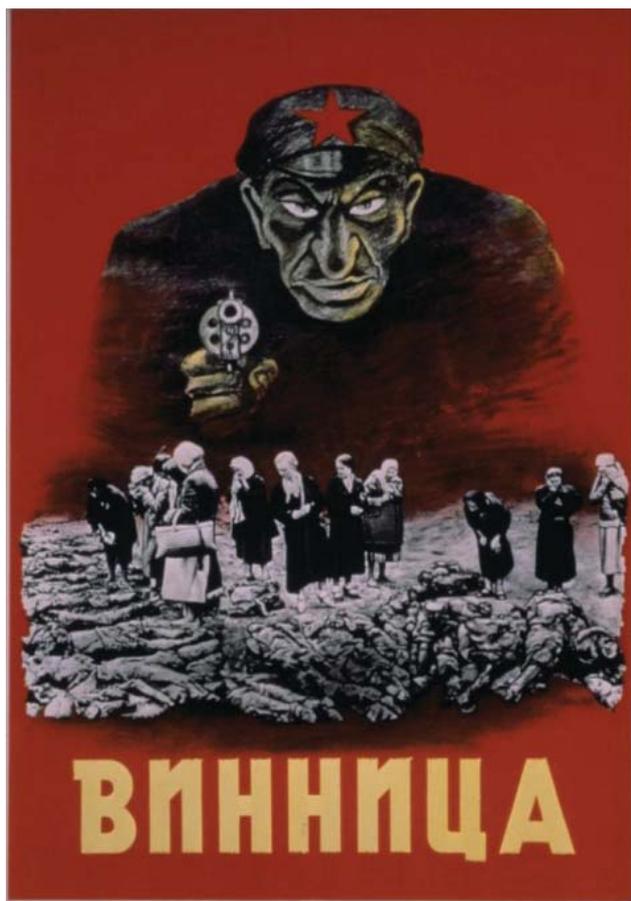
Выставка, по сути, продолжила тему борьбы с масонами, которая была начата в середине 1934 года. Первым крупным обсуждением этой темы можно считать статью в газетах Ђуры Єремича «Масонерия и югославизм» [Правда, 1934, 12 июня]¹⁶, а кульминация антимасонской кампании пришла на конец 1940 года, которая развернулась в таких изданиях, как «Обновление» (Обнова), «Наша Борба», «Време» и других. Появился ряд антимасонских материалов, причем публиковались и списки масонов с призывом к их физическому уничтожению¹⁷.

Тенденции сепаратизма в Королевстве Югославия, начавшиеся в последние годы правления короля Александра Карагеоргиевича, были связаны не только с хорватским или македонским национализмом, но и с тем, что в сербском обществе созрел конфликт между югославской моделью развития государства и сербской националистической моделью. Этот конфликт был основной темой выставки. Выставка должна была разоблачить «*tudinske misli: jevrejstva, masonstva, komunizma, demokratije, internacionalizma*» (чуждые нам идеи: еврейства, масонства, комуниза, демократии и интернационализма)

¹⁶ Однако и ранее предпринимались попытки связать масонство и клевету на идеи югославизма. См.: [Слободни Зидари и сарајевски атентат, 1932].

¹⁷ Почти все члены Оргкомитета Антимасонской выставки были авторами антимасонских и прогерманских газетных статей. О том, насколько популярной была эта тема уже в 1940 году, свидетельствует тот факт, что только в августе-сентябре 1940 года было опубликовано несколько статей: 16 августа — «Масонство и моральный упадок», 21 августа — «Соколиная охота и масонство», 24 августа — «Масонская дерзость», 28 августа — «Вечное царство в Фонде Ильи Колараца», 2 сентября — «Масонские мутные воды», 21 сентября — «По общему мнению, масонство должно быть искоренено» и т. д. Всего 89 статей, посвященных Антимасонской выставке (см.: [Јовановић, 1972, с. 212]) и большое количество антимасонских и антиеврейских статей.

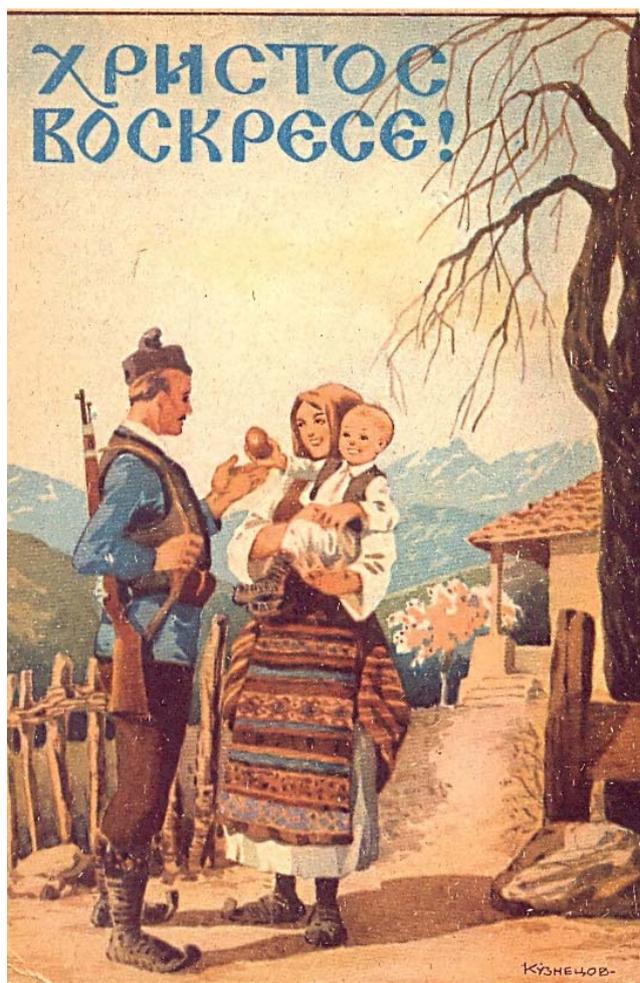
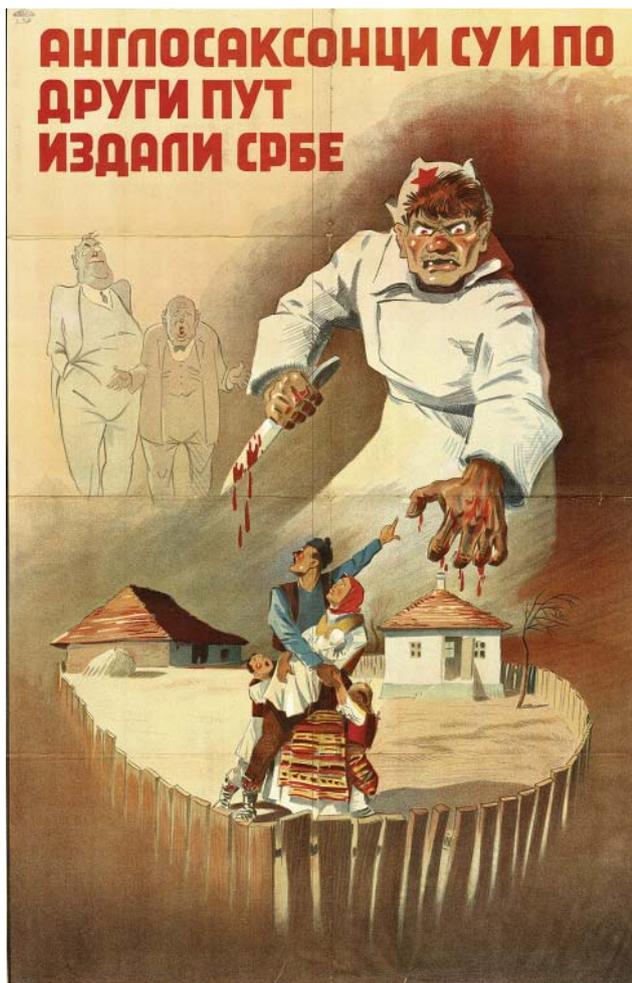
Плакаты антимасонской выставки

(см: [Vanjas, 2015, с. 17]) и создать национальную сербскую модель, на которую опиралось правительство Недича.

Модель эта была настолько успешной, что коллаборационистское правительство Независимого Государства Хорватия (НДХ) пожаловалось немецким оккупационным властям, что выставка слишком националистическая и сербская (ВА. Ф. НДХ. 235-29/2-91, 91а).

Решая новую задачу, художники должны были создать оригинальный визуальный образ, который не только опирался на типологический сюжет, использованный в пропаганде, но и учитывал текущее положение в стране. Таким образом, часть плакатов Антимасонской выставки включала элементы немецкой военной пропаганды с универсальными темами и мотивами (копии плакатов Бруно Ханиха и темы из журнала “Lustige Blätter”, копии плакатов правительства Петена и проч.).

Еще одна совсем минорная часть выставки была представлена сюжетами из Восточной Европы (серия плакатов о событиях в Виннице и Катыни). Они были либо переведены и воспроизведены по шаблону, либо немного адаптированы к местной действительности.

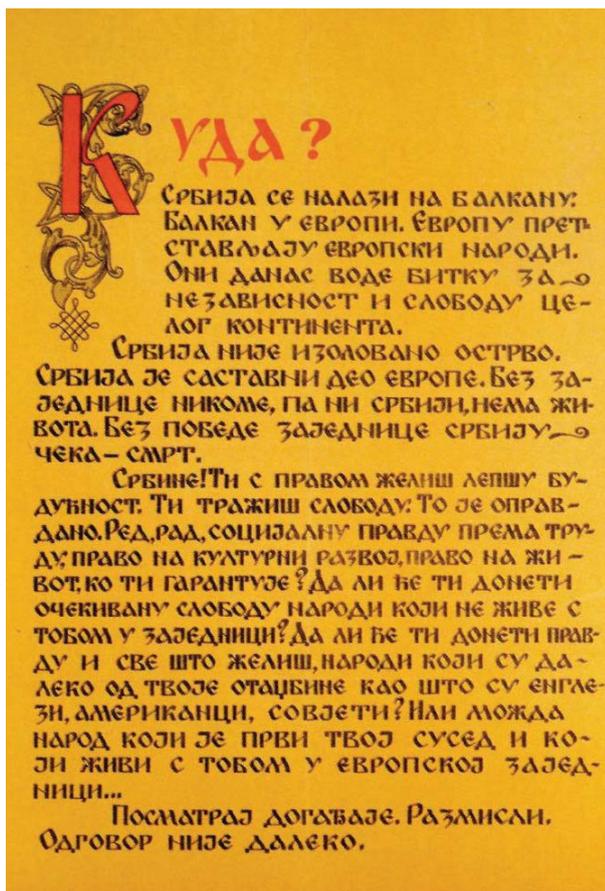

Сербы на пропагандистском плакате «Руки к себе, коммунистическое чудовище!» и Пасхальная открытка (К. Кузнецов)

Однако большая часть выставки посвящена темам, которые можно считать специфически балканскими, что позволяет нам анализировать все символические значения внутри них.

Прежде всего, это акцент на тенденцию создания идеального образа Балкан, образа пространства, в котором нет места для международной, масонской, еврейской Югославии, но есть место для Сербии. Именно на идеальном образе Сербии, на сербстве как здоровой традиции, на православии и кириллице ставится основной акцент. Серб на плакатах — это трудолюбивый крестьянин, который защищает свою землю от чужаков. Этот основной визуальный образ совпадает с образом крестьянской страны, который еще до войны был сформирован пропагандой ЗБОР, которая противопоставляла «национальное» село «масонскому» городу, полному разврата [Најдановић, 1937], что было основой культурного плана правительства Милана Недича¹⁸.

¹⁸ Подробнее об этом: [Стојановић, 2012].

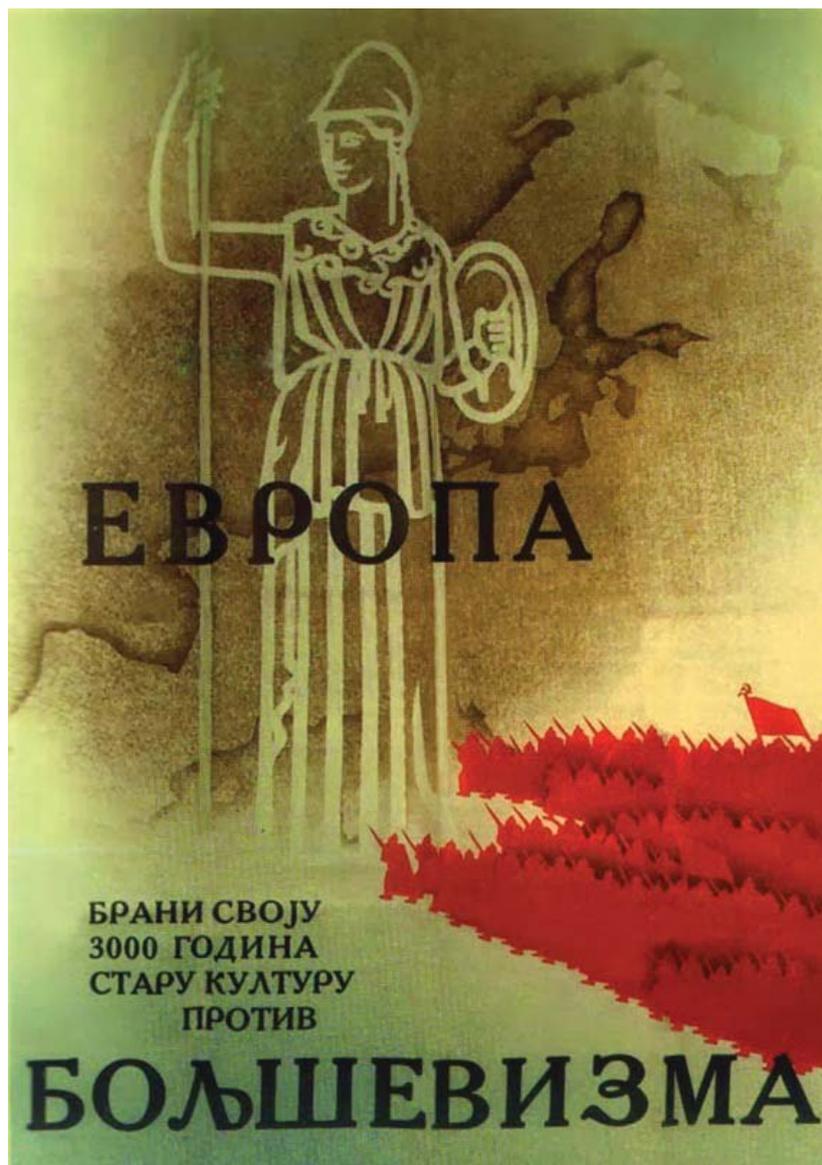

Постер «Куда?» (К. Кузнецов)

Основное послание визуального текста ставит Сербию в определенную геопозицию, она — часть европейского мира. На это указывает серия плакатов, подчеркивающих, что Сербия защищает не только себя, но и европейские традиции.

Создав оппозиционную символическую пару «мать Сербия — мачеха Югославия», художники создали и пару «страдающая Россия — чудовищный Советский Союз». На плакатах Сербия и Россия изображены как жертвы постигшей славянский мир коммунистической катастрофы. Нет ни одного случая использования слов «Россия» и «русский» в негативном контексте. Используется исключительно понятие «советы», представленные как враги русских. Для того чтобы аналогии стали еще более яркими, Сербия и Россия изображены как славянские страны, захваченные зловещей ордой неславянских, чуждых народов.

Такой подход был частью общего художественного оформления выставки, которая имела отдельный «Русский павильон», вход в него украшал лозунг: «Не дай, серб, чтобы евреи уничтожили Сербию, как они уничтожили Россию» [Народне новине, 1941, 16.11].

Постер «Европа защищает свою 3.000-летнюю древнюю культуру от большевизма»

Образ Германии, которая может защитить настоящих славян от советского беспредела, был популярен в определенной части русского эмигрантского общества в Югославии еще задолго до войны. Член Славянской миссии Ф. И. Родичев писал бывшему члену Особого совета при Главном командующем Военной силой Юга России М. М. Федорову о своих впечатлениях от путешествия по Югославии: «Я говорю вам это, чтобы охарактеризовать окружение, которое здесь представляет Россию — бедность мыслей, фантастические идеи о еврейско-масонском заговоре, о русской революции, которую посеяла Америка. Живое место в душах этих людей — ненависть к евреям, радость по поводу погромов, ненависть к французам. На дне души — мечта о немцах» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 516. Л. 1-2, 4-5).

7-Стаљин за писаћим столом, кроз прозор се види рат (бежање большевичких војника). Текст: Стаљин спрема књигу успомена под насловом "Нисе никада био Славен...зашто ме оптужују?"

Предложение для темы карикатуры

Кадры из комикса «История о несчастном короле» (художник К. Кузнецов)

Кадр из пропагандистског комикса в «Недельном обзоре» (художник К. Кузнецов)

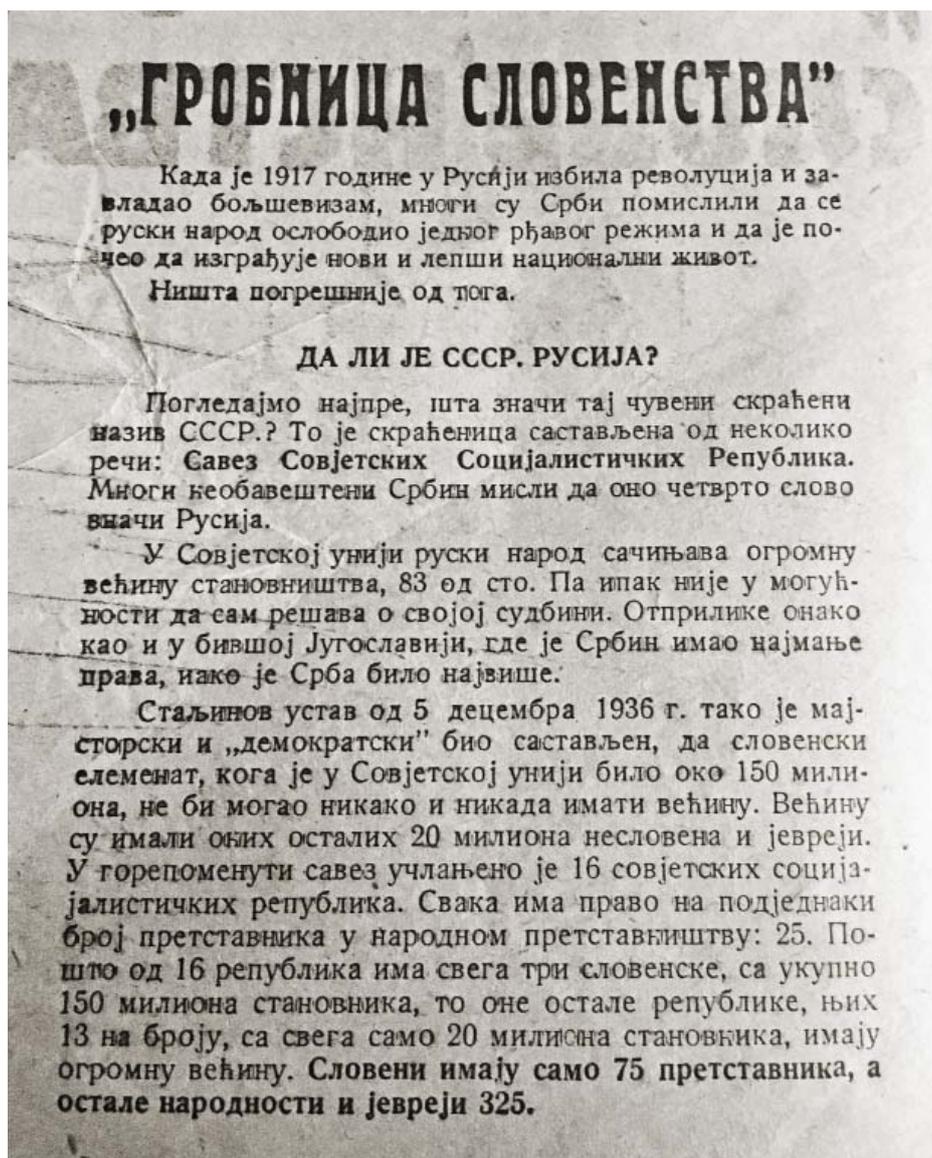
Сближение понятий «сербского/балканского» с понятием «русского» и формирование оппозиции понятиям «советского», то есть неславянского, четко видно в других визуальных текстах периода оккупации. Художник Константин Кузнецов, рисуя в 1941 году комикс-аллегория «История о несчастном короле», в целом представляет Сербию в виде условного европейского королевства, что в значительной степени совпадало с концепцией правительства М. Недича — Новая Сербия в Новой Европе.

Этот комикс сохраняет все черты, свойственные аллегории: все политические события описаны через серию изображений, которые являются расширенной метафорой. В самом комиксе очень мало войны, и она изображена, как и полагается сказкам, конфликтом добра с абсолютным абстрактным злом. Большевики (и коммунисты Тито) изображены на картинках как чудовища, пугающие и уродливые (приблизительно как изображены бойцы Красной Армии в довоенном комиксе «Казачи» С. Соловьева по роману М. Шолохова «Тихий Дон»)¹⁹.

Примером сближения Сербии и России является и комикс «Конек-горбунок»²⁰, который выходил в журнале «Мали забавник». Сценарист, русский

¹⁹ Подробнее об этом: [Антанасиевич, 2015].

²⁰ Комикс не закончен. Подробнее об этом см.: [Антанасиевич, 2015].

эмигрант Павел Поляков сделал все, чтобы текст был близким и понятным сербам как по смыслу, так и в мельчайших деталях. А сам текст поддерживался рисунками Кузнецова, который одел крестьян из русской сказки в сербские народные одежды: вместо шапок — сербские шаячки, вместо русских народных «лаптей» — сербская обувь-опанки, рубашки завязаны широкими поясами и проч.

Впрочем, тема детской литературы оккупационного периода (публикация сказок и легенд, представленных с определенным визуальным дизайном) требует отдельного исследования. Примером таких произведений являются серия «Золотая книга» (с иллюстрациями Шеншина, Гулевича, Жедринского)²¹, а так-

²¹ Русские художники — иллюстраторы серии “Золотая книга” [Часопис Руски архив ... , 2015, с. 577–605].

же комиксы, основанные на народных сказаниях и легендах: комикс «Нибелунги» В. Гулевича, комикс Кузнецова «Между Отечеством и любовью» (где офицер вермахта, как гоголевский Андрей, сталкивается с выбором — Отечество или любовь) или его агитационные брошюры, комиксы В. Жедринского и Н. Тищенко времен оккупации.

Так формировалась малоисследованная русско-сербская линия балканского пропагандного текста, связывающая Россию, Сербию и Европу, а противопоставлением ей является понятие «советского», олицетворенного в образах антирусских, антисрпских, то есть антисловенских и антиевропейских сил: это СССР, Британия как центр колониализма и США в качестве масонского и капиталистического центра, то есть центра мировой плутократии. Этот способ пропаганды соответствовал позиции, которая была основой движения сербских националистов [Прокић, 1940], и совпал с тенденциями, которые были характерны для части русской эмиграции.

Результатом стал пропагандистский текст с особой авторской интонацией, который получил возможность усвоить чуждые символы и включить их в свой фонд, что ныне позволяет нам читать и анализировать визуальную информацию, помогающую создать более полное представление о тогдашней пропаганде, ее тенденциях и потребителях.

Список источников

Антанасиевич И. Русская классика в картинках. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2015. Кн. 7. (Библиотека “Язык и литература”. Серия “Русская эмиграция в Белграде”).

Антанасиевич И. Русский комикс Королевства Югославия. СПб.: Скифия, 2018.

Антанасиевич И. Сказка «Конек-Горбунок» в переводе Павла Полякова // Славистика. 2015. XIX. С. 444–456.

Кољанин М. Антисемитски стереотипи и пропаганда у Србији 194–1942. Године // Историја 20. века, год 21, св. 1, Београд, 2003. С. 86–94.

Лобачев Ђ. Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997.

Народне новине. 1941. 16.11.

Најдановић Л. Град-разград // Хришћанска мисао. 1937. 3.

Новая дорога. 1942. 09.06.

Ново време. 1941. 17.10.

Ново време. 1941. 23.12.

Ново време. 1941. 25.12.

Ново време. 1942. 3.1.

Ново време. 1942. 14.01.

Новый путь. 1942. Белград, 17.10.

Обнова. 1942. 19.1.

Обнова. 1942. 20.01.

Правда. 1934. 12 июня.

Прокић Л. Три интернационале // Време. 1940. 25.07.

Слободни Зидари и сарајевски атентат // Политика. 1932. 21.02.

Сорокина Марина. Большая славистика и большая политика: Роман Якобсон (1896–1982) и Королевство сербов, хорватов и словенцев // Славистика. Vol. 24 (2020), No. 1. Article 3. P. 19–35. URL: <https://doi.org/10.18485/slavistika.2020.24.1.3> (дата обращения: 10.02.2025).

Стојановић А. Антимасонска изложба у Београду 1941. у контексту нацистичке антимасонске активности у окупираној Европи 1939–1945 // Војноисторијски гласник. 2015. бр. 1.

Стојановић Александар. Српски цивилни културни план владе Милана Недића. Београд, 2012.

Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији. Београд, 2011.

Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији. Београд, 2015. (Серија: Историја српске књижевне периодике, књ. 27).

Banjac J. Antimasonski plakati 1941–1942. Beograd, 2015.

Bogdanović Žika. Čardak ni na nebu ni na zemlji — Rađanje i život beogradskog stripa 1934–1941. Informatika, 2006.

Draginčić Slavko, Zupan Zdravko. Istorija jugoslovenskog stripa I- do 1941 godine, Forum. Novi Sad, 1986.

Ivkov Slobodan. 60 godina stripa u Srbiji. Monografija izložbe otvorene 24. februara 1995. Galerija Likovni susret, Subotica.

Јовановић Н. Антимасонска и антикомунистичка изложба у Београду 1941. године. НОР и револуција у Србији 1941–1945. Београд, 1972.

Kreso M. Njemačka okupaciona uprava u Beogradu — 1941–1944 — sa osvrtom na centralne okupacione komande i ustanove za Srbiju, Jugoslaviju i Balkan. Beograd: Istorijski arhiv Beograda, 1979.

Stefanović Zoran. Liberté! Égalité! Bande dessinée! Les relations serbo-françaises dans l'art de la narration visuelle. Belgrade: Institut pour l'étude du développement culturel, 2022.

Архивы

АС — Архив Србије;

АЈ — Архива Југославије;

ВА — Војна архива;

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации;

ИАБ — Историјски архив Београда.

References

Antanasievich, I. (2015) *Russkaya klassika v kartinkakh. Kniga 7* [Russian Classics in Pictures. Book 7]. Belgrad: Filologicheski fakul'tet Belgradskogo universiteta.

Antanasievich, I. (2018) *Russkii komiks Korolevstva Jugoslaviya* [Russian Comics of the Kingdom of Yugoslavia]. St.Petersburg: Skifiya.

Antanasievich, I. (2015) “Skazka ‘Konek-Gorbunok’ v perevode Pavla Polyakova” [“The Tale of ‘The Little Humpbacked Horse’ Translated by Pavel Polyakov”], *Slavistika*, XIX, pp. 444–456.

Кољанин, М. (2003) “Antisemitski stereotipi i propaganda u Srbiji 194–1942. Godine,” *Istorija 20. veka, god 21, sv. 1*, Beograd, pp. 86–94.

Lobachev, Б. (1997) *Kad se Volga ulivala u Savu*, Beograd.

Narodne novine (1941) 16 Nov.

Najdanoviћ, L. (1937) “Grad-razgrad,” *Khrishћanska misao*, 3.

Novaya doroga (1942) 09 Jun.

Novo vreme (1941) 17 Oct.

Novo vreme (1941) 23 Dec.

Novo vreme (1941) 25 Dec.

Novo vreme (1942) 3 Jan.

Novo vreme (1942) 14 Jan.

Novyi put’ (1942) Belgrad, 17 Oct.

Obnova (1942) 19 Jan.

Obnova (1942) 20 Jan.

Pravda (1934) 12 Jun.

Prokiћ, L. (1940) “Tri internatsionale,” *Vreme*, 25 Jul.

“Slobodni Zidari i sarajevski attentat” (1932) *Politika*, 21 Feb.

Sorokina, Marina (2020) “Bol’shaya slavistika i bol’shaya politika: Roman Jakobson (1896–1982) i Korolevstvo serbov, khovratov i sloventsev” [“Big Slavic Studies and Big Politics: Roman Jakobson (1896–1982) and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes”], *Slavistika*, 24(1), Article 3, pp. 19–35. Available at: <https://doi.org/10.18485/slavistika.2020.24.1.3> (Accessed: 10 February 2025).

Stojanoviћ, A. (2015) “Antimasonska izlozhba u Beogradu 1941. u kontekstu natsistichke antimasonske aktivnosti u okupiranoj Evropi 1939–1945,” *Vojnoistorijski Glasnik*, br. 1.

Stojanoviћ, Aleksandar (2012) *Srpski tsivilni kulturni plan vlade Milana Nediћа*. Beograd.

Timofejev, A. (2011) *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji*. Beograd.

Chasopis Ruski arkhiv (1928–1937) i kultura ruske emigratsije u Краљевини SKhS/ Jugoslaviji (2012) Beograd. (Serija: Istorija srpske књижевне periodike, књ. 27).

Banjac, J. (2015) *Antimasonski plakati 1941–1942*. Beograd.

Bogdanović, Žika (2006) *Čardak ni na nebu ni na zemlji — Rađanje i život beogradskog stripa 1934–1941*. Informatika.

Draginčić, Slavko and Zupan Zdravko (1986) *Istorija jugoslovenskog stripa I- do 1941 godine*, *Forum*. Novi Sad.

Ivkov, Slobodan (1995) *60 godina stripa u Srbiji. Monografija izložbe otvorene 24. februara 1995*. Galerija Likovni susret, Subotica.

Jovanoviћ, N. (1972) *Antimasonska i antikomunistichka izlozhba u Beogradu 1941. godine. NOR i revolutsija u Srbiji 1941–1945*. Beograd.

Kreso, M. (1979) *Njemačka okupaciona uprava u Beogradu — 1941–1944 — sa osvrtom na centralne okupacione komande i ustanove za Srbiju, Jugoslaviju i Balkan*. Beograd: Istorijski arhiv Beograda.

Stefanović, Zoran (2022) *Liberté! Égalité! Bande dessinée! Les relations serbo-françaises dans l’art de la narration visuelle*. Belgrade: Institut pour l’étude du développement culturel.

Информация об авторе: Ирина Антанасиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры славистики факультета филологии Белградского университета. Адрес: Республика Сербия, 11000, г. Белград, Студенческая пл., д. 1.

Information about the author: Irina Antanasievich — DSc in Philology, Professor of Slavic Studies Department, Faculty of Philology, University of Belgrade. Address: 1 Student Square, 11000, Belgrade, Republic of Serbia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 12.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 234–248.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 234–248.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1.0

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-234-248

«ЛЕКЦИЯ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ» (1928) Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Елена Анатольевна Андрущенко

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук,
Москва, Россия, a.andru@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

 Аннотация. Публикуются черновой и белой автографы «Лекции об антисемитизме» (1928) Д. С. Мережковского, датируемые апрелем — маем 1928 года: не ранее упоминаемых в лекции статей Л. П. Карсавина «Россия и евреи», Д. В. Filosofova «Не антисемитизм, а гонение на евреев в советской России», статей Н. А. Бердяева «Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d'Israël» и «Русская религиозная мысль и революция», и не позднее диспута «Об антисемитизме в советской России», состоявшегося в Париже 27 мая 1928 года. Черновой автограф не завершен: в финале автор собирался прочесть полученное им анонимное письмо, текст которого отсутствует. Выдвигается гипотеза, что речь идет о письме, которое цитируется в докладе Мережковского «Который же из Вас? Иудаизм и христианство» (1928). Анализ письма свидетельствует о том, что оно может рассматриваться как провокация представителя «правого» крыла эмиграции, вызванная попыткой Мережковского

© Андрущенко Е. А., 2025

и Гиппиус рассматривать антисемитизм с религиозной точки зрения. Оскорбительный характер письма подчеркнут фрагментами из «Опавших листьев» (1915) В. В. Розанова, содержащими неприязненную запись о Мережковском. Публикация автографов дает возможность показать антиномичность его мышления, характер использования «чужого» слова и прояснить его роль в газетно-журнальной полемике русской эмиграции о политических и религиозных вопросах, в том числе по отношению к точке зрения В. В. Шульгина в его книге «Три столицы» (1927).

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofov, В. В. Розанов, Л. П. Карсавин, автограф, антисемитизм, антиномичность мышления, «чужое» слово

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00248, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>).

Ссылка для цитирования: Андрущенко Е. А. «Лекция об антисемитизме» (1928) Д. С. Мережковского // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 234–248. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-234-248.

Archival Materials. Unpublished Papers

D. S. MEREZHKOVSKY'S "LECTURE ON ANTISEMITISM" (1928)

Elena A. Andrushchenko

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, a.andru@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

Abstract. The article publishes the handwritten draft and clean copy of D. S. Merezhkovsky's "Lecture on antisemitism" (1928). These are dated April-May 1928: no earlier than the articles by L. P. Karsavin ("Russia and the Jews"), D. V. Filosofov ("Not antisemitism, but persecution of Jews in Soviet Russia") and N. A. Berdyaev ("Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d'Israël"; "Russian religious thought and the revolution"), which are mentioned in the lecture, and no later than the debate "On antisemitism in Soviet Russia," which took place in Paris on 27 May

1928. The draft version is unfinished: in the conclusion the author intended to read an anonymous letter sent to him, which has not been recovered. It is conjectured that the letter in question is the one cited in Merezhkovsky's talk "Which one of you? Judaism and Christianity" (1928). An examination of the letter shows that it can be treated as a provocation of a "right-wing" émigré, which was triggered by Merezhkovsky's and Gippius's endeavour to analyze antisemitism from a religious viewpoint. The letter's offensive nature is emphasized by fragments from V. V. Rozanov's "Fallen leaves" (1915) featuring a hostile comment about Merezhkovsky. The publication of the copies demonstrates the antinomic nature of his thought, as well as his intertextualism. It also illuminates his role in the newspaper debates of Russian émigrés about political and religious issues, in particular with respect to V. V. Shulgin's viewpoint in his book "The three capitals" (1927).

Keywords: D. S. Merezhkovsky, Z. N. Gippius, D. V. Filosofov, V. V. Rozanov, L. P. Karsavin, handwritten copy, antisemitism, antinomicity of thought, intertextualism

Acknowledgments. This research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00248, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>.

For citation: Andrushchenko, E. A. (2025) "D. S. Merezhkovsky's 'Lecture on Antisemitism' (1928)," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 234–248. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-234-248.

Черновой и белой автографы «Лекции об антисемитизме» Д. С. Мережковского отложились в архиве Т. Пахмусс, хранящемся теперь в Иллинойском университете. Они не датированы, не содержат сведений о том, где должна была состояться лекция и состоялась ли она. Попытка датировки и реконструкция обстоятельств, предшествовавших замыслу, отсылают к весне 1928 года, отмеченной активизацией обсуждения в эмигрантской среде проблемы антисемитизма.

27 мая 1928 года в Париже состоялся диспут «Об антисемитизме в Советской России». 29 мая один из его участников, видный деятель сионистского движения С. Литовцев [С. Л. Поляков] опубликовал в «Последних новостях» статью «Диспут об антисемитизме» [Литовцев, 1928, с. 2], в которой размышлял о возможности честного диалога между иудеями и их оппонентами для дости-

жения взаимопонимания. На эту статью откликнулась Гиппиус в статье «Не нравится — нравится» (1928): «В Париже был недавно диспут “Об антисемитизме в сов. России”. Название неудачное. Что можно выяснить, если держаться близко к теме? Только подтвердить, что да, русские рабочие издеваются над русскими евреями, где можно — гонят и грубо мучают их; и прибавить, что это плохо» [Гиппиус, 1928b, с. 22]. Гиппиус полагала, что проблему антисемитизма нельзя рассматривать только в социальной плоскости: «...корни “еврейского вопроса” — религиозные» [Гиппиус, 1928b, с. 22], — писала она. Существенная часть ее публикации посвящена идеям В. В. Розанова, книги которого «Опавшие листья» и «Апокалипсис нашего времени» цитируются в ее статье и придают обсуждаемой проблеме религиозное измерение.

Параллелью к этой публикации является напечатанная в той же книжке «Нового корабля» статья Д. С. Мережковского «Который же из Вас? Иудаизм и христианство» (1928), также связанная с последней книгой Розанова [Мережковский, 1928с, с. 14–21]. С докладом под таким же названием Мережковский выступал на заседании «Зеленой лампы» 22 апреля 1928 года [Пахмусс, Королева, 2000, с. 170]. Он тематически и текстуально связан с докладом Гиппиус «Два Завета», прочитанным 10 апреля как вступительное слово на заседании (собеседовании) «Зеленой лампы» на тему «“Апокалипсис нашего времени” В. В. Розанова (о Ветхом Завете и христианстве)» [Пахмусс, Королева, 2000, с. 170]. Доклад опубликован 11 апреля 1928 года в газете «Возрождение» [Гиппиус, 1928а, с. 2–3]. В отчете об этом заседании говорилось: «...только так, в религиозной плоскости, и можно ставить еврейский вопрос. Три главных положения иудаизма — о Боге, о Любви и Смерти — касаются всех, “и нельзя даже вообразить момент, когда они перестали бы касаться человечества”» [Гиппиус, 1928а, с. 3]. Гиппиус писала, что они собирались «...поставить в “Зел. Лампе” вопрос: почему Христос для евреев не Мессия? Вопрос мог бы трактоваться и в историческом аспекте. Но мы скоро поняли, что ничего из этой постановки не выйдет. Все евреи, верующие и неверующие, будут молчать» [Гиппиус, 1928b, с. 23]. 12 июня 1928 года в «Зеленой лампе» с докладом «Противоречия между иудаизмом и христианством» все же выступил И. С. Златопольский¹ [Пахмусс, Королева, 2000, с. 171]. Текст этого выступления опубликован не был. О нем вспоминал Ю. Фельзен:

На одно из собраний «Лампы», посвященное вопросу о взаимоотношении христианства и юдаизма, был приглашен известный еврейский деятель Ги-

¹ Гилель (Хиллел, Илья) Соломонович Златопольский (1868–1932).

лель Златопольский, киевский сахарозаводчик и посейчас крупный делец, Златопольский самоучкой сделался выдающимся ученым юдаистом, и его выступление в «Лампе» умное, осторожное и тактичное, было в свое время сенсационным.

[Фельзен, 2021, с. 210]

Таким образом, в апреле — июне 1928 года эта тематика была в центре внимания Мережковских, они посвятили ей несколько слушаний в «Зеленой лампе», свои выступления и статьи, опубликованные только в конце года: четвертая книжка «Нового корабля» вышла в свет 6 декабря 1928 года.

Судя по черновому автографу, Мережковский не мог готовиться к «Лекции об антисемитизме» ранее апрельских выступлений. Об этом свидетельствуют отсылки в тексте к статьям Л. П. Карсавина «Россия и евреи» (напечатана в январской 1928 года книжке «Верст») [Карсавин, 1928, с. 65–86], Н. А. Бердяева «Русская религиозная мысль и революция» [Бердяев, 1928а, с. 40–62] (в той же книжке «Верст») и «Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d'Israël» [Бердяев, 1928b, с. 130–133], а также Д. В. Философова «Не антисемитизм, а гонение на евреев в советской России», напечатанной в мае 1928 года [Философов, 1928, с. 2]. Это ограничивает время создания «Лекции об антисемитизме» периодом не ранее апреля — мая 1928 года. По-видимому, она также не могла быть запланирована для чтения в «Зеленой лампе», поскольку в черновом автографе лекции говорится о книге Розанова «Апокалипсис нашего времени»: «Как-то мы беседовали об этой книге в маленьком литературно-философском обществе “Зеленая Лампа”. “Два Завета”, назвала З. Н. Гиппиус свой доклад о иудействе и христианстве, по поводу книги Розанова» (An Inventory of the Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection ... , В. 10. F. 21. Л. (13)). Аудитория, к которой Мережковский должен был обращаться («в этой зале»), не совпадает с участниками заседаний в «Зеленой лампе».

Черновой автограф изложен на 13 разлинованных и пронумерованных автором, скрепленных между собой листах. Он содержит густую, многочисленную правку черными чернилами. Листы 6 и 7 утеряны. Часть текста размашисто вычеркнута синим карандашом. Текст не завершен: в финале лекции Мережковский собирался процитировать полученное им анонимное письмо, текст которого отсутствует. О содержании этого письма по тексту лекции судить нельзя, но можно предположить, что это то самое письмо анонимного автора, которое Мережковский фрагментарно цитирует во второй части своего доклада «Который же из Вас? Иудаизм и христианство», перемежая собственными комментариями. Текст представляет собой сцепление цитат, причем не

всегда до конца понятно, где завершается предыдущая и где начинается следующая. Это связано отчасти со спецификой типографских кавычек: в «Новом корабле» использовались только угловые, даже внутри цитат: при цитировании мы сохраняем эту особенность. Но не только с этим. Создается впечатление, что в статье содержатся отсылки к какой-то полемике, которая задела Мережковского, но о которой напрямую он не хотел говорить. Он называет полученное им письмо «провокацией» или «искушением» [Мережковский, 1928с, с. 19].

При публикации доклада в «Новом корабле» вторая часть отделена астериском и начинается с цитаты из «Опавших листьев» Розанова: «Вот то-то и оно-то, Димитрий Сергеевич, что вас *никогда, никогда, никогда* не поймут те, с КЕМ вы...» (Розанов В. «Опавшие листья». Ч. 2. С. 422) [Мережковский, 1928с, с. 18]. Вплотную к цитате примыкает фрагмент письма, который Мережковский передает так:

«А «Марковы», «правые» (исконное слово — слушайте! — «правый»), русские поймут. И зачем не говорить правды, когда все лгут и «шаббес-гойствуют»?..».

Это из письма, нацарапанного карандашом на обороте листовки-протеста 105 офицеров Белой армии, по поводу ответа м. Евлогия м. Сергию на требование лояльности советской власти; вечная тема — на теме дня; ночная душа России — сквозь дневную, — в виде непристойной, заборной надписи или таинственно-зовущих иероглифов.

[Мережковский, 1928с, с. 18]

Цитата позволяет предположить, что Мережковским было получено письмо оскорбительного содержания, вызванное какими-то его публичными выступлениями.

Известно, что 17 декабря 1927 года он читал в Salle de Géographie лекцию «Наш путь в Россию. Непримириемость и соглашательство?», текст которой был сразу же опубликован в газете «Возрождение» [Мережковский, 1927]. В ней речь шла о позиции русской эмиграции по отношению к большевикам, в том числе и в связи с обращением митрополита Сергия к митрополиту Евлогию, воспринятым как требование лояльности к советской власти от иерархов православной церкви в эмиграции. Лекция вызвала острую реакцию П. Н. Милюкова, которого Мережковский обвинял в соглашательстве с большевиками. В статье Мережковского «Захолустье. Итоги маленькой полемики», опубликованной 26 января 1928 года, говорится об упреках Милюкова за «горячие приветствия Мережковскому Марковых 2-х и Крупенских, его гостей на лекции» [Мережковский, 1928b, с. 2], то есть за присутствие в зале крайне «правых». 9 и 28 марта в

«Возрождении» была напечатана статья Мережковского «Дневник читателя», где среди впечатлений от публикаций «Последних новостей» упоминается совет Милюкова митрополиту Евлогию согласиться с требованием митрополита Сергия [Мережковский, 1928а, с. 2]. На этом полемическом фоне в «Зеленой лампе» и читался доклад «Который же из Вас? Иудаизм и христианство».

Первая из цитат, открывающих его вторую часть, отсылает к вышедшему в 1915 году второму коробу «Опавших листьев», содержащему неприязненную запись о Мережковском от 22 декабря (1914) года [Розанов, 1915, с. 422–425]. В ней Розанов охарактеризовал самую суть Мережковского, неспособного, по мнению философа, не только быть, но даже сблизиться с революционерами: «Слово “царь” — вы почувствовали, они — не чувствуют... Но оставим жгущийся в обе стороны жупел... Вы когда-то любили Пушкина: ну — и довольно... (...) не обнимете свиное, тупое рыло революции...» [Розанов, 1915, с. 422]. В Мережковском подчеркивалось отсутствие маскулинного начала, которое сублимируется риторикой:

«Идейно» там вы можете говорить что угодно, а как вас положить в одну постель с «курсисткой» — вы пхнете ее ногой. Все этим и решается. (...) А разговоры — просто глупости, «туда», «сюда», «и то, и сё»... (...) Вы образованный, просвещенный человек, и не внешним, а внутренним просвещением. Пусть — дурной, холодный (как и я); пусть любите деньги (как и я); пусть мы оба в вони, в грязи, в грехе, в смраде. Но у вас есть *вдох*. А у тех, которые тоже «выучены в университете» и «сочиняют книжки», и по-видимому похожи на нас, ибо даже нас чище, бескорыстны, без любовниц, «платят долги вовремя», «не должны в лавочке», и прочие, и прочие добродетели... У них нет *вздоха*. (...) *Вдох* — всемирная история, начало ее. А «корректный человек» и есть корректный человек, которым все кончится, и сам он есть уже Смерть и Гроб. «Земля есть и в землю отыдеши»... «*Вдох*» же — Вечная Жизнь. Неугасающая. «К *вдоху*» Бог придет (...). Да вы это и понимаете. Сами уже *вдыхаете* в душе, я знаю.

[Розанов, 1915, с. 422, 424–425]

Из анонимного письма в докладе приводится только часть этой записи: «*Вдох* — всемирная история, начало ее; *вдох* же — вечная жизнь, неугасающая». Это тоже В. В. Розанов о вас, Д. С., — о том, что вы умеете *иметь вздохи*» [Мережковский, 1928с, с. 18]. Мережковский комментирует эту цитату из письма так: «Два «*вздоха*»: первый — начало мира — бытие — «Атлантида», и последний — конец мира — «Апокалипсис». Два «*воздыхания*» — «Завета»: такова вечная тема моя и Розанова. Как верно угадано!» [Мережковский, 1928с, с. 18].

В черновом автографе этого доклада акценты, однако, расставлены несколько иначе — сохраним вычеркнутые автором выражения:

«Вздых» — всемирная история, начало ее бытия (Ветхий Завет — Атлантида); «вздохи же — вечная жизнь, неугасающая» (совершение Ветхого завета в Новом — Апокалипсис). Это тоже В. В. Розанов — о Вас: т. е. Вы умеете иметь «вздохи». Два Завета Два вздо Два мировые вздоха, два вздыхания — Завета: «Апокалипсис наших дней» — наша сегодняшняя тема. Как верно, пророчески угадано! Это нацарапано на листке печатного письма карандашом на обороте печатного письма 105 офицеров к м. Евлогию. Вечная исконная русская тема и всемирная тема В. В. Розанова, и В. Соловьева, и Достоевского, и моя — злободневнейшая тема русской эмиграции — на отношении м(итрополита) Евлогия к м(итрополиту) Сергию. Все это в виде непристойной, непечатной заборной надписи или таинственно зовущих иероглифов: «будьте, Д. С., с нами, с «Марковыми», с «правыми», с «правдивыми» и мы можем тогда мы вам поможем; перестаньте быть «белую вороною» в стае черных ворон в стае черных «левых», клюющих падаль России. Говорите правду, идите же с правыми перестаньте же как вам не стыдно, полно лгать, шаббес-гойствовать с левыми. Вы такой же антисемит, враг жидов, враг левых, как мы, правые. Снимите же маску, будьте с нами, и мы вам поможем!» Таков откровенный цинический смысл таинственно зовущих иероглифов.

(An Inventory of the Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection ... , В. 10. F. 21. Л. (16))

Точка зрения Мережковского объединяется со взглядами Розанова, Соловьева и Достоевского, апелляция к авторитету которых должна была упрочить его позицию, но в печатном тексте передача содержания полученного письма очевидно смягчена, сокращена.

Две цитаты из «Опавших листьев», отделенных от доклада «Который же из Вас? Иудаизм и христианство» пятнадцатью годами, «нацарапал», по словам Мережковского, автор анонимного письма [Мережковский, 1928с, с. 18]. Листовка, на обороте которой оно написано, представляет собой складывающийся в брошюру лист крупного формата без обложки, на котором отпечатано «[Открытое] письмо группы офицеров Митрополиту Евлогию» (Париж, 1927) (ДРЗ. Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 56. Дело № К 5–56. Л. 21–24). В обращении офицеров выразилось недовольство невнятным ответом митрополита Евлогия на призыв митрополита Сергия.

Но теперь церковный вопрос приобрел характер чисто политический. (...) Мы хотим знать, кто с нами готов бороться против большевиков и кто к этой борьбе не склонен. (...) позволяем себе открыто спросить Вас: готовы ли Вы, Владыко, с нами, за рубежом пребывающими, ярко и открыто, как это сделали другие иерархи, без всяких недомолвок осудить безбожную власть большевиков, призвать к действенной борьбе с нею и благословить тех из нас, которые пойдут свергать эту власть.

(ДРЗ. Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 56. Дело № К 5–56. Л. 23–23 об.)

Половина последней странички и ее оборот остались при печати пустыми, так что на них, действительно, можно было что-то написать.

Отправляя свое послание на листовке и цитируя «Опавшие листья», автор давал понять Мережковскому, что он по своей сути не может быть с «левыми» и должен принять другую («правую») сторону, как и митрополит Евлогий, недостаточно ясно выразивший свою позицию. Использование фамилии Маркова отсылает к сторонникам Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945), публициста правых убеждений, одного из руководителей Союза русского народа (1905–1917), депутата 3 и 4 Государственной думы (Марков 2-й), председателя Высшего монархического союза (1921–1926). О том, что именно так следует понимать смысл письма, свидетельствуют его заключительные фрагменты в передаче Мережковского:

«Ну разве вы не видите, в чем дело? Ведь только в иудеях... «Бороться», значит бить своих даже в мыслях *нельзя*.

«*Шма Израэль!*» — воскликнул сраженный австриец-еврей, во время атаки русским солдатом, но оказавшимся евреем тоже. А на другой день «победитель» зарезался, сойдя с ума, хотя был храбрый и грубый на редкость.

«Вот и скажите, Д. С., многоуважаемой З. Н. о *черте крови*, о связи левых из Пасси, из Сквири, из Нью-Йорка, из Вавилона, из «преисподней», из лона Авраама... о связи извечно-крепкой иудейской крови; да и общность («черта крови») тут особенная с Р. Х.: «кровь Его на нас и на детях наших!».

«Может быть, вы и не испугаетесь левой общественности, даже лакейской общественности с rue Daru. Ведь арийцы, по учебнику (редкому, правда), отличались от соседей, — значит, и от иудеев, — тем, что «умели ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду» всегда. — Будьте здоровы и благополучны!»

[Мережковский, 1928с, с. 18–19]

В цитаты, выглядящие как фрагменты анонимного письма, включен, однако, рассказ об австрийце из предисловия к книге С. Я. Лурье «Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины» [Лурье, 1922, с. 12]. Слова об учебнике и арийцах представляют собой парафраз из книги Ф. Ницше «Ессе homo», один из переводов которой на русский язык сделал в начале века Ю. М. Антоновский: «Говорить правду и хорошо владеть луком и стрелой, — это есть персидская добродетель» [Ницше, 1911, с. 116]. Непонятно, принадлежат ли они автору или между фрагментами его письма их вписал Мережковский. Отсылка к «лакейской общественности с rue Daqu» может объясняться тем, что в 12-м номере на этой улице находилась резиденция митрополита Евлогия [«...Рю Дарю, 12, Париж» ... , 1996, с. 87–100]. В «Лекции об антисемитизме» намечен тот же контекст: «...затягивание эмигрантской мертвой петли на шее еврейства происходит при полном молчании христиан, не только с rue d'Odessa, с rue Daqu и с Сергиевского подворья».

Мережковский комментирует полученное им письмо:

Все любопытно в этом документе. {...}

Очень любопытна и анонимная подпись: «Православный». Маску снять приглашает меня, а сам остается в маске. Кто это? Судя по чингисханову наездничеству и стрельбе из лука, помесь арийца с монголом, Европы с Азией — «Евразия». «Православный», но не с «лакейской» rue Daqu, а с благородной rue d'Odessa, или, может быть, из неопределенных между ними пространств около rue de Grenelle?

Тут очень грубая и вместе с тем очень тонкая провокация или, говоря по-христиански, «искушение».

[Мережковский, 1928с, с. 19]

Ответ на письмо в статье Мережковского «Который же из Вас? Иудаизм и христианство» сформулирован так: «Отвечаю своему искусителю: я хорошо знаю, что делаю. “Белою вороною” я родился и умру; в стане левых — не христиан — христианин, в стане правых — антисемитов — филосемит» [Мережковский, 1928с, с. 19]. Но в «Лекции об антисемитизме» ответа нет, ее текст не завершен, а текст белого автографа, представляющий собой основные тезисы выступления, полностью перечеркнут синим карандашом.

Антиномичность мышления Мережковского привела к тому, что чрезвычайно сложные, нелинейные и противоречивые процессы, протекавшие в жизни русской эмиграции, он свел к двум противоречащим друг другу явлениям, между которыми стремился обозначить свою позицию, воспринимав-

шуюся как межеумочная. Д. П. Святополк-Мирский полагал, что это «погубило в конце концов и его, и его стиль. (...) Все книги и статьи Мережковского представляют собой антитезы, которые, раскачиваясь вверх-вниз, взвизгивают истерическим фальцетом. Истерический стиль появился у Мережковского в тот момент, когда он осознал себя великим философом и пророком...» [Мирский, 1992, с. 641, 645]. Если анонимное письмо не было мистификацией, созданной в риторических целях, «истерический фальцет» Мережковского был вызван оскорбительным характером послания, полученного после публикации доклада Гиппиус 11 апреля 1928 года. Именно он, по-видимому, инспирировал агрессию анонима, вылившуюся на Мережковского: «Вот и скажите, Д. С., многоуважаемой З. Н. о черте крови...» [Мережковский, 1928с, с. 19]. Но не антисемитский характер послания его оскорбил, а тот подтекст, который содержался в цитатах из книги Розанова. Излагая в собственном докладе от 22 апреля 1928 года содержание этого письма, Мережковский окружил его многозначительным и уводящим от сути оскорблений «чужим» словом, намеренно разрушая границы между цитатами, как бы включая его в контекст широкой религиозно-философской полемики и антиномически сталкивая «иероглифы» и «непристойную заборную надпись». Опубликовать свой ответ в 3-й книжке «Нового корабля» Мережковский не успевал — она вышла в свет 19 апреля 1928 года. Вероятно, он не был удовлетворен тем, что ответ на оскорбление прозвучал лишь в узком кругу «Зеленой лампы», и начал готовить «Лекцию об антисемитизме» для более широкой аудитории, может быть, для диспута «Об антисемитизме в советской России», который состоялся 27 мая: черновой автограф начинается с вопроса: «...что вам за охота участвовать в этом русско-еврейском диспуте?» К слову, на него был приглашен и В. В. Шульгин, глухой отклик на книгу которого «Три столицы» (1927) есть в «Лекции об антисемитизме».

Публикуемые автографы, оказавшиеся в нашем распоряжении благодаря О. А. Коростелеву и Е. Р. Пономареву, хранятся в архиве Иллинойского университета (Dmitrii Merezhkovskii Papers. Lektcia ob antisemitizme (Lecture on anti-Semitism), handwritten copy, in Russian, 1–17 pp. An Inventory of the Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection at the University of Illinois Archives. Box 10. Folder 21). При воспроизведении автографов по верхнему слою текста мы вынуждены отказаться от вынесения всей правки, являющейся по преимуществу стилистической (ее более 150 случаев). Текст лекции писался, по-видимому, в состоянии глубокого эмоционального возбуждения, поэтому автор вписывал, вычеркивал и снова вписывал одни и те же слова и словосочетания, подбирая более удачные выражения. Автографы публикуются с постраничным вынесе-

нием всех содержательно важных фрагментов, позволяющих судить о том полемическом контексте, который мыслился автором, но остался за пределами текста. Обозначения публикатора заключены в угловые скобки, а в сносках — курсивом.

Список источников

Бердяев Н. Русская религиозная мысль и революция // Версты (Париж). 1928а. № 3. С. 40–62.

Бердяев Н. Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d'Israël // Путь (Париж). 1928b. № 10 (04). С. 130–133.

Гиппиус З. Два Завета. В «Зеленой Лампе» // Возрождение (Париж). 1928а. № 1044. 11 апреля. С. 2–3.

Гиппиус З. Не нравится — нравится // Новый корабль (Париж). 1928b. № 4. С. 22–26.

Гиппиус З. Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.) / сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина // З. Н. Гиппиус. Неизвестная проза: В 3 т. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2002. Т. 2. С. 209–219.

Карсавин Л. П. Россия и евреи // Версты (Париж). 1928. № 3. С. 65–86.

Литовцев С. Диспут об антисемитизме // Последние новости (Париж). 1928. № 2624. 29 мая. С. 2.

Лурье С. Антисемитизм в древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Пг.: Издательство «Былое», 1922. 160 с.

Мережковский Д. С. Дневник читателя // Возрождение (Париж). 1928а. № 1011, 1030. 9, 28 марта.

Мережковский Д. С. Захолустье. Итоги маленькой полемики // Возрождение (Париж). 1928b. № 968. 26 января. С. 2.

Мережковский Д. С. Который же из Вас? Иудаизм и христианство // Новый корабль (Париж). 1928с. № 4. С. 14–21.

Мережковский Д. С. Наш путь в Россию. Непримируемость или соглашательство? // Возрождение (Париж). 1927. № 929–933. 18–22 декабря.

Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зернова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 882 с.

Ницше Ф. Автобиография = (Ессе homo): пер. с нем. оригинала под ред. и с предисл. Ю. М. Антоновского. СПб.: Прометей Н. Н. Михайлова, [1911]. 128 с.

Пахмусс Т., Королева Н. В. «Зеленая лампа» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 167–174.

Розанов В. В. Опавшие листья. СПб.: [б. и.], 1913–1915. (Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время»). Короб 2. 1915. 516 с.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени: [В 9 ч.]. Сергиев Посад: Тип. И. Иванова, 1917–1918.

«...Рю Дарю, 12, Париж»: Письма митрополиту Евлогию: 1921–1927 гг. / публ. М. И. Одинцова // Исторический архив. 1996. № 6. С. 87–100.

Фельзен Ю. Парижская «Зеленая лампа» // Фельзен Ю. Собр. соч. / сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Л. Ливака. М.: Водолей, 2012. Т. 2. С. 206–211.

Философов Д. В. Не антисемитизм, а гонение на евреев в советской России // За свободу! (Варшава). 1928. 19 мая. № 114 (2446). С. 2.

Шульгин В. В. Три столицы: путешествие в красную Россию. Берлин: Медный всадник, [1927]. 462 с.

Архивы

Temira Pachmuss, Tatiana Manukhina, Anna Hippus, Zinaida Hippus. Dmitrii Merezhkovskii, and Vladimir Zlobin: An Inventory of the Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection at the University of Illinois Archives, Illinois, USA.

ДРЗ — Дом русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва, Россия.

References

Berdiaev, N. (1928a) “Russkaia religioznaia mysl’ i revoliutsiia” [“Russian Religious Thought and the Revolution”], *Versty* (Parizh), 3, pp. 40–62.

Berdiaev, N. (1928b) Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d’Israël, *Put’* (Parizh), 10(04), pp. 130–133.

Gippius, Z. (1928a) “Dva Zaveta. V ‘Zelenoi Lampe’” [“Two Testaments. In the ‘Green Lamp’”], *Vozrozhdenie* (Parizh), 1044, April 11, pp. 2–3.

Gippius, Z. (1928b) “Ne nraivitsia — nraivitsia” [“We don’t like — we like”], *Novyi korabl’* (Parizh), 4, pp. 22–26.

Gippius, Z. N. (2002) “Chego ne bylo i chto bylo. Neizvestnaia proza (1926–1930 gg.)” [“What was not and what was. Unknown prose (1926–1930)”], in Z. N. Gippius. *Neizvestnaia proza: V 3 tomakh. Tom 2* [Z. N. Gippius. *Unknown prose: In 3 vols. Vol. 2*]. Comp., introd. article, comments by A. N. Nikolukin. St. Petersburg: OOO “Izdatel’stvo ‘Rostok’” Publ.

Karsavin, L. P. (1928) “Rossiia i evrei” [“Russia and the Jews”], *Versty* (Parizh), 3, pp. 65–86.

Litovtsev, S. (1928) “Disput ob antisemitizme” [“A Dispute about Antisemitism”], *Poslednie novosti* (Parizh), 2624, May 29, pp. 2.

Lur'e S. (1922) *Antisemitizm v drevnem mire. Popytki ob"iasneniia ego v nauke i ego prichiny* [*Antisemitism in the Ancient World. Attempts of its Scientific Explanation and its Causes*]. Petrograd: Izdatel'stvo "Byloe" Publ.

Merezhkovskii, D. S. (1928a) "Dnevnik chitatelia" ["Reader's Diary"], *Vozrozhdenie* (Parizh), 1011, 1030. March 9, 28.

Merezhkovskii, D. S. (1928b) "Zakholust'e. Itogi malen'koi polemiki" ["Backwater. The Results of a Little Dispute"], *Vozrozhdenie* (Parizh), 968, January 26, p. 2.

Merezhkovskii, D. S. (1928c) "Kotoryi zhe iz Vas? Iudaizm i khristianstvo" ["Which one of you? Judaism and Christianity"], *Novyi korabl'* (Parizh), 4, pp. 14–21.

Merezhkovskii, D. S. (1927) "Nash put' v Rossiiu. Neprimirimost' ili soglashatel'stvo?" ["Our Way to Russia. Irreconcilability or Appeasement?"], *Vozrozhdenie* (Parizh), 929–933, December 18–22.

Mirskij, D. S. (1992) *Istorija russkoj literatury s drevnejshih vremen do 1925 goda* [*A History of Russian Literature from the Earliest Times to 1925*]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.

Nitsshe, F. (1911) *Avtobiografija = (Ecce homo)* [*Autobiography = (Ecce homo)*]. Transl. from the German original, preface and editing by Yu. M. Antonovskiy. St. Petersburg: Prometei N. N. Mikhailova Publ.

Pasmanik, D. S. (1928) "Evrei pod bol'shevikami" ["Jews under the Bolsheviks"], *Za Svobodu!* (Varshava), 138(2440), May 13, p. 2; 140(2442), May 15, p. 2.

Pakhmuss, T. and Koroleva, N. V. (2000) "Zelenaia lampa" [The "Green Lamp"], in *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo Zarubezh'ia 1918–1940: Periodika i literaturnye tsentry* [*Literary Encyclopedia of Russian Emigration, 1918–1940: Periodicals and Literary Centres*]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 167–174.

Rozanov, V. V. (1913–1915) *Opavshie list'ia* [*Fallen Leaves*]. St. Petersburg: [b. i.]. (Tip. t-va A. S. Suvorina "Novoe vremia"). Box 2.

Rozanov, V. V. (1917–1918) *Apokalipsis nashego vremeni: [V 9 chastiax]* [*The apocalypse of our time: [In 9 parts]*]. Sergiev Posad: Tip. I. Ivanova.

"...Riu Dariu, 12, Parizh': Pis'ma mitropolitu Evlogiiu: 1921–1927 gg." ["...Rue Daru 12, Paris': Letters to Metropolitan Eulogius: 1921–1927'] (1996) Ed. by M. I. Odintsova, *Istoricheskii arkhiv*, 6, pp. 87–100.

Fel'zen, Ju. (2012) "Parizhskaja 'Zelenaia lampa'" ["The 'Green Lamp' of Paris"], in Fel'zen, Ju. *Sobr. soch. Tom 2* [*Collected Works. Vol. 2*]. Comp., introd. article and comments by L. Livak. Moscow: Vodolej Publ., pp. 206–211.

Filosofov, D. V. (1928) "Ne antisemitizm, a gonenie na evreev v sovetskoj Rossii" ["Not Antisemitism, but the Persecution of Jews in Soviet Russia"], *Za svobodu!* (Varshava), 114(2446), May 19, p. 2.

Shul'gin, V. V. (1927) *Tri stolicy: puteshestvie v krasnuju Rossiju* [*Three Capitals: A Journey to Red Russia*]. Berlin: Mednyj vsadnik Publ.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.

Information about the author: Elena A. Andrushchenko — DSc in Philology, Professor, Chief Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Address: 25-a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 249–259.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 249–259.

Публикация / Publication

УДК 821.161.1.0

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-249-259

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ ЛЕКЦИЯ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00248, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>).

Ссылка для цитирования: Мережковский Д. С. Лекция об антисемитизме / публ., примеч. и коммент. Е. А. Андрущенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 249–259.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-249-259.

Archival Materials. Unpublished Papers

D. S. MEREZHKOVSKY
LECTURE ON ANTISEMITISM

Acknowledgments. This research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00248, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>.

For citation: Merezhkovsky, D. S. (2025) “Lecture on Antisemitism,” Publ., notes and comments by E. A. Andrushchenko, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 249–259. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-249-259.

Источник текста: Dmitrii Merezhkovskii Papers. Lektcia ob antisemitizme (Lecture on anti-Semitism), handwritten copy, in Russian, 1–17 pp. An Inventory of the Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection at the University of Illinois Archives. Box 10. Folder 21.

© Андрущенко Е. А., публикация, примечания, комментарии, 2025

Черновой автограф

— Право не понимаю, что вам за охота участвовать в этом русско-еврейском диспуте? — удивлялся намеренно мой приятель, вовсе не антисемит¹.

— А почему бы мне не участвовать в нем? — удивился и я.

— Да как вам сказать? Помните китайскую проволоку?

— Да, помню². Никогда не забуду.

— Что такое «китайская проволока»? А вот что. Белый отряд русских офицеров и солдат в Северной антибольшевицкой армии Там Цзо Лина захвачен был в плен коммунистами Юга. Пленников перед тем, чтоб убить, раздели донага³, прокололи им языки длинною проволокою так, что один конец ее вошел в язык первого в ряду, а другой — вышел из языка у последнего, и так связанных, нанизанных, голых повели по улицам города, предоставляя всем желающим вырезывать в них какую угодно часть тела⁴.

— Ну так вот, — продолжил мой собеседник⁴, — если бы что-нибудь подобное случилось с евреями, какой бы гвалт поднялся на весь мир. А о русских никто и не пукнет⁵. Попробуйте-ка устроить митинг протеста против китайской проволоки. О, конечно еврейские погромы — мерзость.

— Да, еврейские погромы — гнусность. Но что такое все они, бывшие и будущие, по сравнению с тем, что сделано в России, ведь надо сказать правду, не без участия евреев...

Он помолчал, подумал и прибавил:

— Да и так ли вы уж уверены, что антисемитизм не делается орудьем нашего освобождения?

М(ожет) б(ыть), в том, что говорил мой приятель⁶, была доля грубой или просто человеческой правды.

Да, все русские языки в известном смысле проколоты сейчас китайскою проволокою. Что у кого болит, тот о том и говорит. Русская боль так сильна, что

¹ *Далее вычеркнуто:* и человек общественно безукоризненный.

² — Да, помню — *вместо:* Если бы что-нибудь подобное случилось с евреями, какой бы крик / гвалт поднялся на весь мир, а о нас, русских, никто и не пукнет... / Да, помню, никогда не забуду. / Помню ли я «китайскую проволоку»? / Да / Помню, никогда не забуду.

³ *раздели донага* — *вписано.* *Далее вычеркнуто:* их подвергли следующей сатанинской пытке, по которой видно, что китайские ученики учителей русских достойны: несчастных пленников раздели донага,

⁴ *Далее вычеркнуто:* Если бы разгромили бы Китайское полпредство в Москве, очень ли бы вы огорчились? продолжал мой собеседник, или латышское, или герман / немецкое, очень ли бы мы с вами огорчились? продолжал мой собеседник. *Вписано красным:* NB.

⁵ *Далее вычеркнуто черным / синим:* гробовое молчание. О, конечно / Или представьте себе, что в Москве / разгромили сейчас Китайское посольство в Москве, очень мы бы с вами огорчились.

⁶ *Далее вычеркнуто:* повторяю, не антисемит вовсе,

м(ожет) б(ыть), у самих евреев духу не хватает требовать, чтобы мы говорили нашими проколотыми языками сейчас об ихней боли⁷.

Главный мотив моего сегодняшнего выступления, — религиозный, — не политический⁸. Я знаю, как трудно говорить о еврейском вопросе религиозно. «Не корми меня тем, чего не ем, чего я не ем»ⁱⁱ, могли бы мне ответить атеисты с обеих сторон, еврейской и христианской, а ведь их много, вероятно, даже большинство и в этой зале.

Но что же делать? антисемитизм есть вопрос неразрешимый в плоскости, где он почти всегда ставится, — национально- или даже интернационально-политически — разрешимый только в плоскости религиозной, где он и возник.

Иудейство — не есть нация и не есть религия, иудейство — религия и нация вместе — сплав этих двух материалов.

Что такое антисемитизм в конечном счете? Это вопрос об отношении христианства к иудейству⁹, о мировом состязании этих двух религий¹⁰, длящемся вот уже две тысячи лет.

Помните то первое свидетельство Тацита о христианстве, где смешивается оно с иудейством как две секты одной религии¹¹. «После того, — говорит он, — как это крайнее суеверие (иудео-христианское) было подавлено казнью Христа в царствование Тиберия прокуратором Понтием Пилатом, снова «вспыхнуло оно при Нероне, уже не только в Иудее, источнике этого зла, но и в самом Риме, куда отовсюду стекается и где прославится все ужасное или atrocía aut rudenda»ⁱⁱⁱ. В этом-то «ужасном и постыдном» не умеет историк отличить иудейства от христианства.

Еще грубее смешивает их Светоний в жизнеописании императора Клавдия: «иудеев, — говорит он, — усердно бунтовавших под предводительством Христа, Клавдий выгнал из Рима. *Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantis Roma expulit*»^{iv}.

⁷ *Далее вычеркнуто черным и синим:* да, м(ожет) б(ыть), и сами они, евреи, м(ожет) б(ыть), понимают, что вопрос еврейский — только часть русского. Все это, конечно, так с точки зрения политической и просто человеческой.

⁸ *Далее вычеркнуто:* а религиозный, я не сомневаюсь, что антисемитизм так же вреден для христиан, как для евреев. Впрочем, и с точки зрения политической надежда на антисемитизм как оружие освобождения России / мне кажется очень / слишком сомнительна. Кажется, в этом смысле надо верить большевикам: лучше нашего —

⁹ *Далее вычеркнуто синим:* т. е. одной религии к другой

¹⁰ *Далее вычеркнуто:* чья судьба нерасторжимо связана

¹¹ *Далее вычеркнуто:* Обе они (4 слова нрзб) одинаковы в ненависти ко всему человеческому роду, «к роду человеческому ненависть», «in odium humani generis convicti sunt». Корни иудаизма и христианства / (нрзб) и суеверия для него одни. «Снова обнаруживается, — говорит он, — это крайнее суеверие.

Так было за две тысячи лет, в римской империи, так и сейчас, в Советской республике. Сталин не лучше императора Клавдия отличает христиан от иудеев, этот так же, как тот, смешивает их в общем гонении: Иисус и Моисей — бунтовщики, для обоих самодержцев одинаково опасны.

Эту историческую справку я привел для того, чтобы показать наглядно, что корень еврейского вопроса не в политике, а в религии.

Но прежде, чем говорить о религиозной стороне, я должен сказать, что и с чисто политической точки зрения надежда на антисемитизм как орудие освобождения России, очень грубая ошибка. Кажется, в этом смысле надо бы верить большевикам: лучше нашего знают они — что им выгодно, и если поощряют антисемитизм, (о, конечно) исподтишка, делая вид, что борются с ним, втирая очки своим американским дядюшкам еврейской колонизацией, то это несомненно доказывает, что антисемитизм — вода на их мельницу¹²: Этого не видеть есть политическая ошибка, роковая в одинаковой мере как для евреев, так и для русских.

Автор недавно вышедшей книги о советской России г-жа Armen Ohanion, сочувствующая большевикам, говорила в беседе с одним русским журналистом: «ужас внушает мне нарастающий в России антисемитизм, он охватывает даже самих коммунистов. Советская власть внушает евреям, что, в случае ее падения, будет передано три миллиона их единоверцев, многие¹³ идут на эту большевицкую удочку»^v.

Удочк(а), в самом деле, ловко закинута. Два на ней крючка или еще два острия на один крючок, — острие, обращенное к евреям: три миллиона их падут с падением большевиков; и острие, обращенное к русским: «три миллиона евреев надо перебить, чтобы освободиться от большевиков». Но если там, в России, обезумевшие люди попадают на оба эти крючка, то здесь, в эмиграции, нам бы следовало быть умнее.

Но нет, самым ужасом еврейского погрома не освободится Россия; антисемитизм не есть орудие ее освобождения, а порабощения. Это должны помнить русские; помнить должны евреи: то, что сейчас происходит в России, может быть ужаснее их погрома. Да это уж он и есть, только тихий —

⟨...⟩¹⁴

¹² *Далее вычеркнуто*: орудие не освобождения, а порабощения / и он ни в каком случае / он не может сделаться орудием возрождения и освобождения России! Не видеть

¹³ многие — *вписано*. *Далее вычеркнуто*: еврей, даже нэпманы, даже капиталисты, —

¹⁴ *Отсутствуют две страницы чернового автографа*. *Далее вычеркнуто*: будущих еврейских погромов. «Сколько бы еврейские коммунисты из интеллигентов ни восхваляли большевицкий строй / большевицкую власть / рай / еврейск(ая) народная толща в этом раю от него прямо гибнет». Чтобы вернее, а главное — тише убить национальное тело еврейства, боль-

«В конце концов, все антисемиты всех стран должны благословлять большевиков, — заключил Философов по поводу статей д-ра Пасманика “Евреи под большевиками”. — Столь грандиозной политики полного разорения еврейства, его истребления и насильственной ассимиляции еще не было в истории»^{15, vi}.

Тихо и ловко затянута мертвая петля на шее еврейства в России; но еще ловчее и тише затягивается она здесь, в эмиграции, двоюродными братьями большевиков, евразийцами. Стоит ли о них говорить? — Кажется, теперь уже ясно, какую рыбку ловят они, эти «идеологи», в мутной воде¹⁶. Стоит, во всяком случае, упомянуть о недавней статье по евр(ейскому) вопросу проф. Карсавина^{17, vii}. Сохраняя все¹⁸ демократические учтивые приличия, он доказывает, что еврейство как религиозно-национальное существо, есть исконный смертельный враг России, п(отому) ч(то) главный атрибут русской национальности — христианства — православия (эти два понятия для Карсавина тождественны), а евреи — враги христианства абсолютные, так сказать прирожденные «антихристи». И отсюда вывод: надо окружить еврейство новой, уже не внешней национально-политической, а внутренней, религиозной «чертой оседлости»; тихо, без погрома, с «христианскою», так сказать, «благостью» вытеснить его из будущей России — куда? — об этом Карсавин не думает или умалчивает — то ли в сионизм¹⁹, подготовляемое «царство Антихриста», то ли в безвоздушное пространство, в международное небытие. В сущности же, этот двоюродный брат большевиков предлага-

шевики убивают душу его — религию. Интернационализм несовместим ни с каким национальным духом, особенно еврейским, который идейно питается духом религиозным. Вот почему это социальное, «классовое» и религиозное гонение на еврейство становится настоящей борьбой / войной за истребление еврейства на территории / в Союзе Республ(ик), и с полной ассимиляцией его недобитых остатков.

¹⁵ *Далее вычеркнуто:* Такого / Да, «темный ад» еврейства в Советской России, который / м(ожет) б(ыть), ужаснее всех погромов. Дикость вообще / не только эмпирическое свойство, но и метафизически предлагать советской власти. Всюду, где она / куда / куда опять же приходит, сразу же наступает / сразу / вдруг / мертвое молчание, тишина, немота смерти: люди издыхают в нечеловеческих муках без одного / единого стона. Это напоминает ту подушку, которой задушен был в постели император Павел I, (нрзб) и китайскую проволоку: когда язык проколот, рот истекает кровью, нельзя кричать. Все еврейские рты / вместе с русскими заткнуты сейчас этою подушкою / вместе с русскими этой подушкою; все еврейские языки вместе с русскими проколоты сейчас этою проволокою. Проволока и подушка, а не серп и молот — истинные символы на Советском знамени.

¹⁶ *Далее вычеркнуто:* от новой идеологии, — национальной политики большевизма / Золотую рыбку власти в мутной от крови воде.

¹⁷ *Далее вычеркнуто:* евразийского лидера.

¹⁸ *Далее вычеркнуто:* интеллигентско-либеральные

¹⁹ *Далее вычеркнуто:* то ли в международное безвоздушное пространство, в небытие — оно возможно для него с православной, то есть с его «христианской» православной точки зрения / это

ет сделать с евреями в будущей Евразии то самое, что уже и сейчас делают с ними большевики²⁰, затягивание на еврействе двойной мертвой петли, большевицкой. Надо сказать правду: старое доброе: «бей жидов» честнее и, м(ожет) б(ыть), для евреев безопаснее, чем эта новая евразийская ласковость.

И всего удивительнее, что это затягивание эмигрантской мертвой петли на шее еврейства происходит при полном молчании христиан, не только с гие d'Odessa, с гие Дагу и с Сергиевского подворья^{viii}. Все точно святой воды в рот набрали²¹.

Новая евразийская «черта оседлости» едва ли осуществится. Кажется, дальше Карсавина²² видел Вл. Соловьев, когда утверждал, что волей нечеловеческой связаны судьба России, судьба всего христианского человечества с судьбами Израиля^{ix, 23}. Хотим, не хотим, — мы должны быть вместе; так решено не нами²⁴, Эту святую и грозную общность наших судеб нам особенно бы следовало помнить именно теперь, перед общим врагом, именно здесь, в общем великом рассеянье нашем, диаспоре²⁵.

²⁰ *Далее вычеркнуто*: потихоньку да полегоньку, той же второй ласкою, интернациональною, атеистическою или национальною, «православною» ласкою вести их в Россию, а в всем мире (З нрзб). И вот удивительно, что это

²¹ *Далее вычеркнуто*: И даже такой «веселенький» христианин, как проф. Бердяев не нашел ничего лучшего, как распространить в том же номере «Верст», где г. Карсавин напечатал свою «христианскую» / «православную» статью о евреях, а в последнем майском номере журнала «Путь» (стр. 132) тот же Бердяев утверждает / он доказывает, что «ложный еврейский хилиазм был стремлением к чувственному царству Божьему на земле, царству мира сего, “князя мира сего”» — дьявола, ни одного слова / не упоминал ни слова, что в еврействе был, есть и будет подлинный хилиазм еврейских пророков, без которых и христианства бы не было. Это значит: явно или тайно, внятно или невнятно, в метафизике глубоко / ложно своей Бердяев согласен с Карсавиным: явно или тайно, рука руку моет, иудейство и христианство — враги абсолютные. Я не думаю, чтобы новая

²² *Далее вычеркнуто синим*: и Бердяева

²³ *Далее вычеркнуто*: Здесь, в нашем великом русском «рассеянье», диаспоре, мы должны бы это особенно ясно чувствовать. Да, / Да, евреи ли, русские с вами связаны страшной или святой связью, в «благословении» или в проклятье.

²⁴ *Далее вычеркнуто синим*: не вами, а двумя Заветами: вашим и нашим.

²⁵ *Далее вычеркнуто*: Если не забыли, то м(ожет) б(ыть), еще помним, что значит слово «Еврей»: Ibrî, Ibrî, это древневавилонское слово значит: «пришельцы», «переселенцы», «эмигранты» / «изгнанники». Так назывались вы уже за 4000 лет до / во дни Авраама, и так все еще называется. Вы эмигранты, изгнанники, настоящего града не имеющие, грядущего / Града грядущего взыскующие четыре тысячи лет, а мы только десять лет. Но есть / Есть чему нам поучиться у вас, но м(ожет) б(ыть), и вы могли бы кое-чему научиться у нашей юности: юность значит будущее, а ведь оно и вам принадлежит; м(ожет) б(ыть), земля, которую обещал Господь Аврааму: «выйди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе», — наша общая с вами земля, та самая, о которой говорят одинаково и ваши, и наши Апокалипсисы: «будет новое небо и новая земля».

Мечта большевиков умертвить русское

Мертвая петля задушит в России еврейство как религиозно-национальное тело, эта мечта большевиков тоже едва ли осуществится. Физическая живучесть Израиля, его неистребимость, как бы земное бессмертие есть чудо всемирной истории²⁶. Сколько гонений, сколько погромов, сколько смертей, а он все еще жив, и кажется, будет жив до конца мира; по крайней мере, мы, христиане, верим, что очи Израиля, видевшие начало мира, увидят и его конец — «Апокалипсис».

«Апокалипсис наших дней», — назвал В. В. Розанов свою предсмертную книгу — предсмертный вопрос: «Иисус — Иагве, Который же из Вас?»^x Как-то мы беседовали об этой книге в маленьком литературно-философском обществе «Зеленая Лампа». «Два Завета», назвала З. Н. Гиппиус свой доклад о иудаизме и христианстве, по поводу книги Розанова^{xi}.

Вскоре после того я получил следующее анонимное письмо: {...}

Примечания

ⁱ ...Северной антибольшевицкой армии Там Тзо Лина захвачен был в плен коммунистами Юга. ~ какую угодно часть тела. — Речь идет о событиях конца 1927 — начала 1928 года, связанных с судьбой отдельного отряда русских эмигрантов под командованием генерала К. П. Нечаева в составе 1 Мукденской армии под командованием Чжан Цзунчана, когда конвой маршала и три других бронепоезда были захвачены «южанами». Источник рассказа о проволоке найти не удалось.

ⁱⁱ «Не корми меня тем, чего не ем, чего я не ем»... — Русская пословица: «Не корми меня тем, чего я не ем».

ⁱⁱⁱ ...свидетельство Тацита о христианстве, ~ *atrocia aut pudenda*. — Цитируются «Анналы» Тацита (XV, 44 (4)).

^{iv} ...Светоний в жизнеописании императора Клавдия: ~ *Iudaeos impulsore Chresto assidue tumultuantis Roma expulit*. — Цитируется «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Траквилла (25 (4)).

^v ...2-жа Армен Оһаніон, сочувствующая большевикам, говорила в беседе ~ многие идут на эту большевицкую удочку». — Соединение цитат из книги: *Armen Ohanian. Dans la Sixième partie du monde (voyage en Russie)*. Paris, Grasset, 1928. P. 203, 209. Слов о высылке трех миллионов евреев в тексте нет. Переключка с диалогом повествователя и Липеровича в книге В. В. Шульгина «Три столицы» (1927) [Шульгин, 1927, с. 405–407].

^{vi} «В конце концов, все антисемиты всех стран ~ д-ра Пасманика «Евреи под большевиками». — Цитируется статья Д. В. Философова «Не антисемитизм, а гонение на евреев в советской России» [Философов, 1928, с. 2]. Статьи Д. С. Пасманика «Евреи под большевиками» публиковались в газете «За Свободу!» [Пасманик, 1928, № 138, 140]. Далее в вычеркнутом тексте: «Сколько бы еврейские коммунисты ~ в этом раю от него прямо гибнет». — Цитируется: [Философов, 1928, с. 2]. ...ту подушку, которой задушен был в постели император Павел I... — Речь идет об убийстве императора Павла I 11 марта 1801 года. По одной из версий, он был убит табакеркой, по другой — задушен шарфом. Источником сведений об убийстве императора для Мережковского как автора трагедии «Павел I» (1907) было издание: [Цареубийство 11 марта 1801 года ... , 1907].

²⁶ есть чудо всемирной истории — вписано. Далее вычеркнуто синим: Пал Вавилон. Пали вековые твердыни Египет, Вавилон, Персия, Эллинистество, Рим, — а Израиль стоит.

^{vii} *Стоит, во всяком случае, упомянуть о недавней статье по евр(ейскому) вопросу проф. Карсавина.* — Речь идет о публикации: [Карсавин, 1928, с. 65–86].

^{viii} *...с rue d'Odessa, с rue Dagu и с Сергиевского подворья.* — Созвучно фрагменту статьи Мережковского «Который же из Вас? Иудаизм и христианство» [Мережковский, 1928, с. 19]. В 12-м номере по улице rue Dagu находилась резиденция митрополита Евлогия. Далее в вычеркнутом фрагменте: *И даже такой «веселенький» христианин, как проф. Бердяев ~ царству мира сего, «князя мира сего»...* — Имеются в виду две публикации: [Бердяев, 1928а, с. 40–62; Бердяев, 1928b, с. 130–133]. Цитируется: [Бердяев, 1928b, с. 132].

^{ix} *...Вл. Соловьев, когда утверждал, что волей нечеловеческой связаны судьба России, судьба всего христианского человечества с судьбами Израиля.* — Речь идет о статье В. С. Соловьева «Еврейство и христианский вопрос» [Соловьев, 1884, с. 759–760]. Далее в вычеркнутом тексте: *...настоящего града не имеющие, ~ Града грядущего взыскующие...* — Реминисценция из Евр. 13:14; *...«выйди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе»...* — Цитируется (Быт. 12:1–3); *...«будет новое небо и новая земля».* — Цитируется (Откр. 12:1).

^x *...«Апокалипсис наших дней»* — Имеется в виду незавершенная книга В. В. Розанова «Апокалипсис нашего времени» [Розанов, 1917–1918]. *«Иисус — Иагве, Который же из Вас?»* — Реминисценция из (Мф. 11:3; Лк. 7:19–20).

^{xi} *...беседовали об этой книге ~ по поводу книги Розанова.* — Доклад Гиппиус «Два Завета» прочитан 10 апреля 1928 года как вступительное слово на заседании (собеседовании) «Зеленой лампы» на тему: ««Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова (о Ветхом Завете и христианстве)» [Гиппиус, 1928, с. 2–3].

Беловой автограф

Удивление приятеля, что участвую в диспуте.

«Вспомните китайскую проволоку!

О, Русь, забудь былую славу»¹.

Надо бы устроить манифестацию протеста. А у евреев и без нас довольно защитников... Да и что такое все еврейские погромы по сравнению с небывалым во всемирной истории погромом, учиненным над Россией?.. Антисемитизм, может быть, делается орудием для освобождения России... Неужели вы этому хотите помешать?.. Представьте себе, что разгромили бы в Москве китайское посольство, или даже германское или английское, — неужели бы это вас особенно бы огорчило? А разве евреи меньше участвовали в вашем русском погроме, чем другие нации?»

Тут есть своя грубая политическая правда и справедливость² просто человеческая. Да, у всех у нас, русских, языки символически проколоты китайскою проволокой. Полагаю, что у самих евреев не хватило бы духу требовать, чтобы мы, русские, говорили нашими проколотыми языками в защиту евреев. Что у кого болит, тот о том и говорит: а у нас, русских, сейчас болит не еврейский, а

¹ *...О, Русь, забудь былую славу».* — Цитируется стихотворение В. С. Соловьева «Панмонголизм» (1894).

² *Далее вычеркнуто:* политическая, да и

русский вопрос; да м(ожет) б(ыть), и сами евреи понимают, что вопрос еврейский только часть русского³.

Все это понятно как с точки зрения просто и грубо человеческой и политической. Главный мотив, который заставил меня выступать на этом диспуте, не политический, а религиозный. Я убежден что еврейский вопрос должен быть поставлен и может быть разрешен не (в) политической, а религиозной плоскости.

Но и с точки зрения чисто политической мне представляется очень сомнительной надежда на антисемитизм как на симптом пробуждающегося в России национального чувства и как орудия освобождения России от большевистского ига. Кажется, в этом смысле надо доверять большевикам; (они знают) лучше нашего.

Список источников

Бердяев Н. Русская религиозная мысль и революция // Версты (Париж). 1928а. № 3. С. 40–62.

Бердяев Н. Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d'Israël // Путь (Париж). 1928b. № 10 (04). С. 130–133.

Гиппиус З. Два Завета. В «Зеленой Лампе» // Возрождение (Париж). 1928. № 1044. 11 апреля. С. 2–3.

Карсавин Л. П. Россия и евреи // Версты (Париж). 1928. № 3. С. 65–86.

Мережковский Д. С. Который же из Вас? Иудаизм и христианство // Новый корабль (Париж). 1928. № 4. С. 14–21.

Пасманик Д. С. Евреи под большевиками // За Свободу! (Варшава). 1928. № 138 (2440). 13 мая. С. 2; № 140 (2442). 15 мая. С. 2.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени: [В 9 ч.]. Сергиев Посад: Тип. И. Иванова, 1917–1918.

Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос // Православное обозрение. 1884. Т. II. Август. V. С. 755–772.

Философов Д. В. Не антисемитизм, а гонение на евреев в советской России // За свободу! (Варшава). 1928. 19 мая. № 114 (2446). С. 2.

Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников (Саблукова, графа Бенигсена, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкинга, Коцебу). СПб: издание А. С. Суворина, 1907. 375 с.

³ Далее вычеркнуто: вопроса не разрешив этого, не разрешить и того.

Шульгин В. В. Три столицы: путешествие в красную Россию. Берлин: Медный всадник, [1927]. 462 с.

Ohanian Armen. Dans la Sixième partie du monde (voyage en Russie). Paris: Grasset, 1928. 245 p.

Архивы

Temira Pachmuss, Tatiana Manukhina, Anna Hippus, Zinaida Hippus. Dmitrii Merezhkovskii, and Vladimir Zlobin: An Inventory of the Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection at the University of Illinois Archives, Illinois, USA.

References

Berdiaev, N. (1928a) “Russkaia religioznaia mysl’ i revoliutsiia” [“Russian Religious Thought and the Revolution”], *Versty* (Parizh), 3, pp. 40–62.

Berdiaev, N. (1928b) Jean Izoulet. Paris Capitale des Religions ou la Mission d’Israël, *Put’* (Parizh), 10(04), pp. 130–133.

Gippius, Z. (1928) “Dva Zaveta. V ‘Zelenoi Lampe’” [“Two Testaments. In the ‘Green Lamp’”], *Vozrozhdenie* (Parizh), 1044, April 11, pp. 2–3.

Karsavin, L. P. (1928) “Rossiia i evrei” [“Russia and the Jews”], *Versty* (Parizh), 3, pp. 65–86.

Merezhkovskii, D. S. (1928) “Kotoryi zhe iz Vas? Iudaizm i khristianstvo” [“Which one of you? Judaism and Christianity”], *Novyi korabl’* (Parizh), 4, pp. 14–21.

Pasmanik, D. S. (1928) “Evrei pod bol’shevikami” [“Jews under the Bolsheviks”], *Za Svobodu!* (Varshava), 138(2440), May 13, p. 2; 140(2442), May 15, p. 2.

Rozanov, V. V. (1917–1918) “*Apokalipsis nashego vremeni: [V 9 chastiakh]*” [“*The Apocalypse of our Time: [In 9 parts]*”]. Sergiev Posad: Tip. I. Ivanova.

Solov’ev, V. S. (1884) “Evrejstvo i hristianskij vopros” [“Judaism and the Christian question”], *Pravoslavnoe obozrenie*, vol. II, August, V, pp. 755–772.

Filosofov, D. V. (1928) “Ne antisemitizm, a gonenie na evreev v sovetskoj Rossii” [“Not Antisemitism, but the Persecution of Jews in Soviet Russia”], *Za svobodu!* (Varshava), 114(2446), May 19, p. 2.

Careubijstvo 11 marta 1801 goda: zapiski uchastnikov i sovremennikov (Sablukova, grafa Benigsena, grafa Lanzherona, Fonvizina, knjagini Liven, knjazja Chartoryjskago, barona Gejkinga, Kocebu) [*Regicide on 11 March 1801: memoirs of participants and contemporaries* (Sablukov, Count Bennigsen, Count Langeron, Fonvizin, Princess Lieven, Prince Czartoryski, Baron Heyking, Kotzebue)] (1907) St. Petersburg: izdanie A. S. Suvorina.

Shul’gin, V. V. [1927] *Tri stolicy: puteshestvie v krasnuju Rossiju* [*Three Capitals: A Journey to Red Russia*]. Berlin: Mednyj vsadnik Publ.

Ohanian, Armen (1928) Dans la Sixième partie du monde (voyage en Russie). Paris: Grasset.

Информация о публикаторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.

Information about the publisher: Elena A. Andrushchenko — DSc in Philology, Professor, Chief Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Address: 25-a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 260–261.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 260–261.

ЗЕРКАЛО ГУТЕНБЕРГА

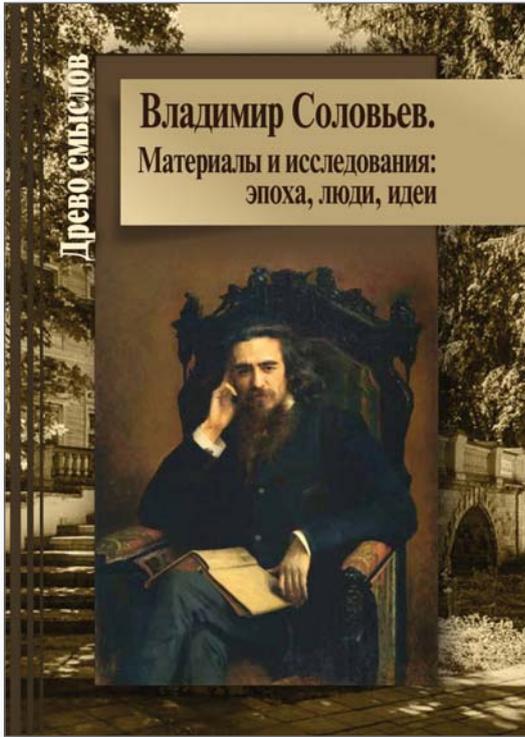
Редакция журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» представляет читателю новые книги, вышедшие в 2024 году

Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век / сост. Р. А. Гальцева — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 592 с. (Серия «Российский Атенеум»)

Пушкин — это не только уникальный феномен русской литературы, но и непокоренная вершина всей мировой культуры. «Лучезарный, всеобъемлющий гений, светозарное преизбыточное творчество, — по характеристике Н. Бердяева, — величайшее явление русской гениальности». В своей юбилейной речи 8 июля 1880 года Достоевский предрекал нам завет: «Пушкин... унес с собой в гроб некую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». С неиссякаемым чувством благоволе-

ния к человеку Пушкин раскрывает нам тайны нашей природы, предостерегает от падений, вместе с нами слезы льет... И трудно представить себе более родственной, более близкой по духу интерпретации пушкинского наследия, этой вершины «золотого века» русской литературы, чем постижение его мыслителями «золотого века» русской философии (с конца XIX) — от Вл. Соловьева до Петра Струве. Но к тайнам его абсолютного величия мы можем только нескончаемо приближаться...

Владимир Соловьев. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи / отв. ред. В. В. Сидорин. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 516 с. (Серия «Древо смыслов»).

Значение Владимира Соловьева для формирования отечественной философской культуры было признано как современниками, так и последующими поколениями русских мыслителей, деятелей культуры, широкой читательской аудитории. Реконструкция развития философской мысли во всей ее полноте, нелинейности, полемической напряженности и тесном взаимодействии с контекстом позволяет, с одной стороны, предельно внимательно

учесть творческую лабораторию автора и окружающий ее контекст, с другой стороны — создает условия для обогащения эвристического потенциала возможных интерпретаций. Книга раскрывает самые разнообразные — зачастую малоизвестные, а то и неизвестные вовсе — аспекты и сюжеты творческого наследия Вл. Соловьева и его последующей рецепции.

Научный электронный журнал
Философические письма. Русско-европейский диалог
2025. Т. 8, № 1
ISSN: 2658-5413

Журнал основан в 2018 году.
Периодичность: 4 раза в год

Учредитель и издатель — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 77668 от 17 января 2020 года

Главный редактор *В. К. Кантор*
Зам. главного редактора *М. С. Киселева*
Ответственный секретарь *А. А. Доронина*
Шеф-редактор *С. М. Малков*
Серийное оформление *П. П. Ефремов*
Верстка *И. Ю. Кротов*
Корректор *М. В. Нагришко*

Публикуемые материалы прошли процедуры рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация,
105066, Москва, ул. Старая Басманная,
д. 21/4, стр. 1, каб. 217
Телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 12786
E-mail: philletters@hse.ru
Сайт: <https://phillet.hse.ru>

Номер вышел в свет
30 марта 2025 года.

Эл. почта: philleters@hse.ru

Веб-сайт: phillet.hse.ru